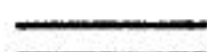
РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

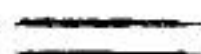
РАБОЧАЯ РЕВОЛЮЦИЯ на Урале.

Эпизоды и факты.

Сборник подготовлен к печати
П. М. БЫКОВЫМ и Н. Г. НИПОРКИНЫМ

под общей редакцией
Н. И. НИКОЛАЕВА.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УРАЛЬСКОЕ ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
Екатеринбург. 1921 г.

Р.В.Ц. Екатеринбург, тип. „Гранит". Зак № 937. Тираж 10.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В августовской книжке „Красной Нови“ М. Покровский ставит вопрос о необходимости немедленно начать писать историю октябрьской революции, которая должна быть написана обязательно теми, кто ее „делал“. Иначе—буржуазная эмиграция, развивающая за границей огромную литературную и издательскую работу и, в частности, кадетский историк—П. Милюков, с которым М. Покровский полемизирует „посрамит нашу леность и непредприимчивость своей энергией, осрамит нашу революцию той клеветой, которую он будет распространять на наш счет безнаказанно, ибо его (Милюкова) голос будет звучать на весь мир, а нашего не будет слышно даже в России“.

Все это так, действительно уже пора писать историю октябрьской революции, затруднения состоят лишь в том, что всетаки слишком мало времени можно урвать из обычного делового дня для исторических изысканий и что историю писать может только историк. Большевик—историк,—это, к сожалению, пока еще довольное редкое явление.

По этому инициаторам и редакции сборника „Рабочая революция на Урале“, взявшимся сделать хотя бы самое маленькое и черновое дело по истории октябрьской революции в местном масштабе, приходится заранее предупредить читателя, что сборник составлен не специалистами историками, и что, кроме общих причин, отразившихся на характере и содержании сборника, действовала еще одна: он должен был выйти и выходит из печати ко дню 4-й годовщины октябрьской революции 7 ноября 1921 г., задуман

же был в десятых числах октября того же 1921 г. Таким образом, на составление сборника, подготовку его к печати, редактирование, набор и выпуск из печати нам было дано немногим более трех недель Срок слишком малый даже для „большевистского историка“.

Но мы все же думаем, что с задачей, перед нами поставленной, познакомить читателя с некоторыми до сих пор мало или совсем не освещенными фактами и эпизодами из истории рабочей революции на Урале, разыскать в „архивах“ уральских партийных товарищей пару, другую интересных широким кругам читателей документов—мы думаем, что с этой задачей мы наверно справились. Придет настоящий, свой, коммунистический историк и он найдет для большой исторической работы не одну отправную точку в нашем сборнике, особенно в той его части, которая составлена путем бесед с самими участниками изучаемых событий нигде, никем документально не зафиксированных. А может быть мы и сами на практике научимся писать историю, как научились в процессе революции многим незнакомым нам специальностям.

Материал для сборника дан следующими авторами и в таком виде:

П. М. Быковым написаны „Последние дни последнего царя“ и „Екатеринбургский Совет“. Первый очерк—это сводка бесед с товарищами, принимавшими то или иное участие в событиях, связанных с переводом Романовых из Тобольска в Екатеринбург и их расстрелом. Второй очерк воспоминания самого *П. М. Быкова* бывшего председателем Екатеринбургского Совета первого созыва.

Статья—„Колчак“ сделана *Л. Я. Любарским*. Это сокращенный, кое-где комментированный, а иногда и дословно приведенный стенографированный допрос Колчака Ир-

кутской Чрезвычайной Следственной Комиссией, взятый из архива Урал-бюро Истпарта.

Очерки—„Из записок о строительстве Красной армии на Урале“ и „Белый террор на Урале“ подготовлены к печати: первый—*В. Пушковым* по запискам, того же названия, т. Берзина, хранящимся в Урал-бюро Истпарта, второй—*Н. Г. Нипоркиным* по докладу т. Тунгускова Екатеринбургской Ч. К.

Беседы, носящие общий заголовок: „По уральским заводам“ добыты путем использования репортажа Урал-Роста.

Очерк - „В колчаковском подполье“—застенографированный перекрестный опрос двух оставшихся в живых свидетелей, описываемых в очерке событий: *Е. Шепелева и Брагинского*. „Заметки хозяйственника“ принадлежат перу *В. М. Быкова*.

Происхождение материалов, помещенных в отделе „Документы“ следующее:

Доклад товарища прокурора Екатеринбургского окружного суда—Остроумова и записка инженера-технолога А. Н. Балдина взяты из архива Урал-бюро Истпарта; дневник беспартийного, из которого взяты выдержки, добыт в „архиве“ Л. Я. Любарского и, наконец, доклад партизана Лапшина и письма колчаковских солдат найдены в „архиве“ Н. И. Уфимцева.

Организационная и подготовительная работа по выпуску сборника проделана *П. М. Быковым* и *П. Г. Нипоркиным*, редакционная—*Н. И. Николаевым*.

Последние дни последнего царя.

Уральские рабочие горды не только своим активным участием в пролетарской революции, но и тем, что на горах Урала, в глубоких его недрах лежат ничтожные остатки тирана, заплатившего жизнью за вековой гнет и произвол своих предков над русским народом, над рабочими и крестьянами обнищавшей и окровавленной страны.

Казнь Николая Романова и его семьи, совершенная рабочими Урала в Екатеринбурге, для широких масс трудящихся прошла мало заметно. Уральские пролетарии в дни казни бывшего царя были заняты организацией обороны родного Урала.

В беспрерывном грохоте битв, в течение трех лет потрясавших еще не окрепший организм Советской России, не было времени остановиться на этом эпизоде рабочей революции.

Теперь же, подводя четырехлетние итоги борьбы уральских рабочих за коммунистическую революцию, своевременно будет вспомнить о тех обстоятельствах, которые сопровождали последние дни последнего русского царя.

I.

Арестованный Временным Правительством Николай Романов и его семья были заключены первоначально под домашний арест в одном из дворцов Царского Села. Под влиянием растущего возмущения рабочих, солдат и матросов по отношению к семье Романовых, как олицетворению старого самодержавного строя, Временное Правительство решило отправить „царственного узника“ подальше, в глубь страны. Таким местом избран был Тобольск, родина старого

друга и „молитвенника“ семьи Романовых —Распутина, вотчина его ставленников и сподвижников.

Здесь враги народа пытались сохранить последыша самодержавия. Они надеялись с помощью соглашателей влезть вновь на спину трудящихся, реставрировать—подновить трон самодержавия и посадить на него Николая Романова, как своего ставленника, как верного защитника буржуазии и помещиков.

4 августа 1917 года специальный поезд, сопровождаемый двумя членами Временного Правительства, с особым отрядом охраны, привез царскую семью и всю его челядь в Тюмень, откуда пароход доставил их в Тобольск.

II.

В октябрьские дни 1917 г. низвержение еще одного самодержавия, самодержавия буржуазии, естественно отвлекло внимание от личности самодержца, низвергнутого в февральские дни. В тобольской глуши жил он со своей семьей, тая чувство мести к рабочим и крестьянам России, разрушившим старый строй произвола и рабства, лелея надежду вновь его восстановить.

Но уже вначале зимы 1917 года в столичной, преимущественно буржуазной печати начали появляться материалы о жизни Романовых в Тобольске и о концентрации вокруг них контр-революционных элементов.

Ряд провокационных сообщений о бегстве и о похищении бывшего царя заставил насторожиться Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, местные советы и особенно Уральский Областной Совет. Отрывочные сведения, доходившие из глуши Тобольска, невольно заставляли думать, что как русские, так и, главным образом, заграничные контр-революционные круги подготовляют бегство Николая Романова и его семьи, на реставрацию его кровавой власти

с помощью европейских коронованных родственников и сторонников старого режима.

Между прочим, ко времени перевода семьи Романовых в Тобольске оказался известный черносотенец—епископ Гермоген. И он начал здесь свою работу по подготовке новой смуты вокруг бывшего царя.

„Известия В. Ц. И. К." в свое время сообщали о работе епископа Гермогена следующее:

„Притихший было в первые месяцы революции, этот иезуит вновь принялся за свою черную работу. Гермоген устроился в Тобольске, где он поставил себе целью очистить город от распутинско-варнавинского духа".

Однако, он и не думал этой очисткой заниматься, а все время вел с Петроградом какие-то переговоры. Вполне возможно, что в результате этих переговоров царская семья была водворена именно в Тобольск.

Тобольскому совету совместное жительство таких двух особ, как Николай и Гермоген, казалось недопустимым и им были предприняты меры к переводу последнего из Тобольска. Это ни к чему не привело. На все запросы получался категорический ответ: „нельзя". Тогда был установлен надзор за сношениями между домом „Свободы", где сидели Романовы, и архиерейским. Но паутина была так тонка, что обнаружить ее не представлялось возможным. А тем временем шла какая-то игра. Неизвестными корреспондентами посылались в столичные газеты ложные сообщения о положении семьи Романовых, о побеге Николая и т. д.

Вообще, пускались пробные шары: отыскивался тот общественный слой или та группа, на которую можно было бы положиться в деле, если не освобождения Николая, то создания около его имени смуты.

Первый, видимый для Тобольска, шар был пущен в ноябре в виде раздававшихся в соборе и распространявших-

ся среди солдат листков с призывом: „помочь царю-батюшке постоять за веру русскую, православную“.

Вторым шаром было пропанесенное в Благовещенской церкви, в присутствии Николая и его семьи, величание „его величества“. Величал дьякон Евдокимов, по его словам, по приказу священника Васильева.

По этому поводу был запрошен Гермоген, который об‘яснил: „так как, по данным священного писания, государственного права, церковных канонов и канонического права, а также по данным истории, находящиеся вне управления своей страны бывшие короли, цари, императоры и т. п., не лишаются своего сана, как такового, и соответственных ему титулов, то поступок о. Алексея Васильева я не могу считать и не считаю преступным“.

Тем временем в Тобольск, под видом „отдыха“, стали с‘езжаться неизвестные офицеры, жившие под чужими паспортами. Один из них, Раевский, был у Гермогена и передал ему письмо бывшей императрицы Марии, которая, между прочим, писала: „Владыка, ты носишь имя святого Гермогена, который боролся за Русь,—это предзнаменование. Теперь настал черед тебе спасать родину: тебя знает вся Россия,—призывай, громи, обличай. Да прославится имя твое во спасение многострадальной России“.

И Гермоген, действительно, начинает снова „прославляться“.

III.

На одном из февральских заседании Уральского Областного Совета поднят был вопрос о переводе Романовых из Тобольска в более надежное место и о немедленном принятии мер для предупреждения возможности побега Николая Романова.

Тобольск входил в район ведения Западно-Сибирского Совдепа и Уралсовет предполагал первоначально с ним

выяснить вопрос о переводе Романовых в Екатеринбург.

Для ведения этого дела выделена была специальная „тройка“, в составе товарищей: Дидковского (заместитель председателя Уралсовета), Войкова и Хотимского.

В целях предупреждения побега Романовых из Тобольска решено было в первую очередь поставить заставы на возможных путях бегства Романовых на север. Из Надеждинска прямым путем в Березов отправлена была группа в 5 человек надежных рабочих, с тов. Сапожниковым во главе. Заставы были поставлены также и в пунктах—в Голышманове и затем севернее Тобольска, на путях к Омску. Всем отрядам даны были инструкции следить за проезжающими из Тобольска, а в случае, если приметы подозрительных лиц будут подходить под приметы Романова, таковых задерживать, при сопротивлении, убивать.

Однако, надежда на эти отряды, как выяснилось впоследствии, не оправдалась: Березовский отряд, наиболее надежный, вскоре был арестован и освободился только тогда, когда надобность в нем миновала; голышмановская группа оказалась недостойной возложенной на нее задачи, а один из ее членов расхвастался даже о том, что они посланы „царя убивать“. Реакционное купечество арестовало отрядников и двое из них были убиты.

О мерах, принимаемых Уралсоветом для предупреждения бегства Романовых, узнал Запсибсовдеп: начались переговоры с ним о вывозе Романовых из Тобольска. Запсибсовдеп, учитывая ненадежность пребывания Романовых в Тобольске, склонялся к переводу их в Омск.

Одновременно велись переговоры с В. Ц. И. К. и персонально с председателем его, Я. М. Свердловым. Уралсовет указывал на необходимость перевода Николая Романова в Екатеринбург.

В то же время для более надежного осведомления о

положении дел на месте в Тобольске и подготовке почвы для перевода семьи бывшего царя в Екатеринбург, Уралсоветом были командированы туда товарищи: Авдеев (рабочий Злоказовского завода), Хохряков (матрос) и Заславский (рабочий Надеждинского завода). Задача заключалась в ознакомлении с обстановкой, окружавшей Романовых, коммунистической пропаганде и влиянии на местный совдеп.

Эти товарищи в начале марта выехали в Тобольск с подложными документами, без обозначения прямой задачи поездки, так как имелись сведения о ненадежности, как Тобольского Совета, так и охраны семьи Романовых, все еще состоявшей из гвардейцев Керенского, не желающих принципиально иметь с большевиками никакого дела.

IV.

Уполномоченные Уралсовета добрались до Тобольска быстро. Развернули там свою работу и через специальных курьеров связались с Екатеринбургом.

В Тобольске Совет состоял из меньшевиков и эсеров. Организации коммунистической партии не было.

Семья Романовых, помещавшаяся в бывшем губернаторском доме, жила довольно свободно: имели возможность беспрепятственной переписки, получения продуктов и т. д., Живший в Тобольске бывший гвардейский офицер, князь Долгоруков, имел свободный вход к Романовым. Сравнительно свободно допускались и другие лица.

Дальнейшее ознакомление подтвердило прежние сведения Уралсовета о наличии здесь большого количества контреволюционных элементов и деятельности епископа Гермогена. Кроме того, вскоре в Тюмени арестован был бывший глава Временного Правительства, князь Львов, приехавший сюда по „лесопромышленным делам“...

Екатеринбургские товарищи быстро развили среди

гарнизона, отряда особого назначения, охранявшего Романовых и рабочих, имевшихся в городе предприятий, коммунистическую агитацию. Хохряков через полторы недели занял уже пост товарища председателя, а затем и председателя местного совета. Это дало возможность Уралсовету закрепить связь с Тобольском, т. к. до сих пор телеграф не мог быть надлежаще использован и важные телеграммы обычно задерживались или извращались.

Между тем из Омска прибыл в Тобольск отряд под начальством уполномоченного Западсибсовдепа Демьянова, а из Екатеринбурга выдвинуты были отряды в разные пункты вокруг Тобольска в Тюмень, в Голышманово и т. д. В самый Тобольск с разных сторон постепенно направлялись Уралсоветом, преданные Советской власти красноармейцы, скоро составившие значительный отряд, находившийся в распоряжении Хохрякова.

Скопление в Тобольске отрядов, скрывавших свои прямые задачи, вызвало определенный ажиотаж среди старой охраны Романовых, в отрядах екатеринбургском, омском и особенно, конечно, среди контр-революционных элементов Тобольска. Епископ Гермоген сделал попытку активно выступить и организовал патриотическую манифестацию —крестный ход, который никаких результатов не дал, так как значительные силы отрядов, вышедшие для охраны порядка на улицах, расхолодили чувства контр-революционеров.

Обостренные отношения между омским и екатеринбургским отрядом закончились в конце концов арестом Хохрякова, заподозренного в провокации и только переговоры по прямому проводу с Уралсоветом подтвердившим особые полномочия Хохрякова спасли последнего от расстрела.

V.

В Екатеринбурге в это время велись усиленные переговоры с В. Ц. И. К. о переводе Романовых. Комиссия

работавшая по переводу была усилена Голощекиным, военным комиссаром Уральского округа, что дало возможность располагать военными отрядами для организации перевозки Романовых.

На неоднократные предложения Уралсовета о вывозе Романовых из Тобольска, поддержанные и Запсибсоветом, В. Ц. И. К., наконец, сообщил, что бывший царь с семьей будут перевезены на Урал, для чего В. Ц. И. К. командирует своего уполномоченного Яковлева.

Несмотря на явную необходимость согласованных действий с Уралсоветом, Яковлев в Екатеринбург не заехал и вскоре выяснилось, что с отрядом из рабочих Симского и Миньярского заводов он через Челябинск и Омск проехал в Тобольск.

Наступала весенняя распутица и с вывозом семьи Романовых из Тобольска надо было спешить. Решено было немедленно вывезти Николая Романова, его жену Александру, дочь Марию и доктора Боткина. С ними же взят был из Тобольска и бывший князь Долгоруков. Остальные члены семьи и штат фрейлин и слуг остались до первых пароходов.

Из тех предварительных приготовлений к переводу семьи, которые имели место еще до приезда отряда Яковлева, Романовы поняли, что положение их резко меняется и с большим недовольством и протестами покидали Тобольск.

Путь от Тобольска до Тюмени совершен был благополучно, если не считать того, что уральцы сразу почувствовали недоверие к комиссару Яковлеву, взявшему в свои руки охрану Николая, окружив его особым почетом, никого к нему не допуская и т. д.

Уральцы на свой страх и риск устроили при переправе через Тобол у с. Иовлева засаду, предполагая при ма-

лейшей измене со стороны Яковлева, устроить нападение на экспедицию.

VI.

В Тюмени Романовы были посажены в специальный поезд. Яковлев, пользуясь особыми полномочиями, предоставленными ему В. Ц. И. К., занял телеграф и вел переговоры по прямому проводу с Кремлем. Результаты этих переговоров вскоре выяснились.

Уралсовет получил телеграмму о том, что поезд выехал на Екатеринбург. Вслед затем получилась новая телеграмма, что поезд комиссара Яковлева с семьей Романова, не останавливаясь на ст. Тюмень, полным ходом прошел по направлению на Омск.

Немедленно был выслан из Екатеринбурга специальный поезд с отрядом, для задержания Яковлева и возвращения его в Екатеринбург. Одновременно велись по прямому проводу переговоры с надежными партийными товарищами в Омске и в результате переговоров решено было поезд на Сибирь не пускать, а в случае надобности, даже взорвать его.

На происходившей в эти дни в Екатеринбурге областной конференции Р. К. П. в закрытом заседании Голощекиным сделан был доклад о событиях, связанных с вывозом бывшего царя и его семьи из Тобольска. Конференция постановила настаивать на переводе Романовых в красный Екатеринбург. Резолюция конференции немедленно сообщена была В. Ц. И. К. и центральному комитету партии.

Не доезжая до Ишима, Яковлев остановил поезд в поле и разрешил Романовым прогулку „на солнышке", после чего двинулся дальше к Омску. Доехать до Омска ему не удалось, т. к., узнав о готовившейся для него „встрече", он возвратился в Екатеринбург

Уралсовет перевод Романовых в Екатеринбург держал в тайне. Однако, сведения о приезде Романовых распространились по городу и на ст. „Екатеринбург I“, где остановился поезд, и к дому, куда должны были поместить бывшего царя, начали стекаться любопытные.

Тогда поезд был передвинут вновь на ст. „Екатеринбург II“, куда подано было два автомобиля.

Приехавшие за Романовыми уполномоченные Уралсовета Белобородов, Дидковский и Авдеев встретили вновь недоверие со стороны Яковлева, не желавшего выдать заключенных без охраны и недопустившего уполномоченных к Романовым, мотивируя тем, что „они готовятся к выходу и не стоит их беспокоить“.

Решено было взять немедленно из поезда только Романова с женой и дочерью, оставив спутников и весь багаж в поезде.

Романовы были посажены в автомобиль, вместе с ними на переднем сиденьи с шоффером сел Дидковский, а на втором автомобиле позади поехали Белобородов и Авдеев. Оба автомобиля безо всякой охраны двинулись в город, к дому Ипатьева, на углу Вознесенского переулка и Вознесенского проспекта, где приготовлено было помещение для заключения Романовых.

VII.

Для разрешения ряда вопросов, связанных с переводом в Екатеринбург Романовых, было назначено экстренное заседание Областного Совета, на которое комиссар Яковлев явился с некоторыми своими товарищами и 8 гвардейцами бывшей охраны Николая в полном вооружении.

На заседании поставлен был вопрос о недоверии к Яковлеву, т. к. поведение его при перевозке Романова и попытка проезда в Сибирь показались подозрительными.

Комиссар Яковлев на запрос Совета рассказал следующее:

Получив от председателя В. Ц. И. К., тов. Я. М. Свердлова, мандат и личное поручение на доставку Николая Романова в Екатеринбург живым, он, видя настроение уральцев в Тобольске, чувствуя по дороге на Тобольск и в Тюмень постоянный надзор с их стороны, и имея словесное указание Я. М. Свердлова „охранять всеми мерами“ бывшего царя, решил донести В. Ц. И. К. о своих опасениях на счет перевода Романова в Екатеринбург.

Разговоры с В. Ц. И. К. велись по прямому проводу, и Яковлев представил Уралсовету ленты аппарата. Из разговоров видно было, что комиссар Яковлев, стремясь сохранить „особу“, предложил В. Ц. И. К. разрешить ему увезти Романова к себе на родину в Уфимскую губернию и скрыть там в надежном месте „в горах“. Это курьезное предложение В. Ц. И. К., конечно, отвергнул, но согласился на перевоз Романовых в Омск. Меры принятые Уралсоветом помешали выполнению этого предприятия и Романовы привезены были в Екатеринбург.

Комиссару Яковлеву было объявлено, что миссия его закончена. Сдав бывшего царя и привезенных с ним под роспиську и ответственность Областного Совета, Яковлев со своим отрядом из Екатеринбурга уехал, а гвардейцы красные были разоружены, снабжены деньгами и распущены по домам.

Приехавшего с Романовыми Долгорукова, в виду подозрительного его поведения, решено было арестовать и заключить в тюрьму. Произведенным у него обыском обнаружена была значительная сумма денег, главным образом, мелочью, 2 карты Сибири с обозначением водных путей и какими то специальными пометками. Сбивчивые показания Долгорукова не оставляли сомнения в том, что у него была определенная цель организовать побег Романовых из Тобольска.

VIII.

Местом заключения Романовых Екатеринбургским Советом был избран дом Ипатьева. Владелец дома был выселен, а вокруг дома, впоследствии, устроен был легкий забор, защищающий дом от любопытных взглядов.

Доставленная в «дом особого назначения», как именовался в советских кругах дом Ипатьева, семья Романовых принята была комендантом дома, тов. Авдеевым.

Выяснилось, что вещи Романовых ни при аресте в Царском Селе, ни в Тобольске не просматривались. Предложено было немедленно открыть привезенные ими с собой ручные чемоданы.

Николай сделал это беспрекословно.

Александра заявила, что своих вещей она осматривать не даст. Начались пререкания с комендантом.

Николай в волнении зашагал по комнате и довольно громко заявил —„Черт знает что такое, до сих пор всюду было вежливое обращение и порядочные люди, а теперь"...

Романову было заявлено, что нужно помнить, что он не в Царском Селе, а в Екатеринбурге, и что, если он будет вести себя вызывающе, его изолируют от семьи, а при повторении привлекут к принудительным работам.

И Александра и Николай почувствовали, что с ними шутить не станут и подчинились требованиям коменданта дома.

IX.

Дом Ипатьева двух-этажный, причем нижний этаж, полуподвальный, благодаря сильному уклону почвы с Вознесенского проспекта, был занят, главным образом, помещениями, приспособленными под канцелярию, кухни, кладовые. В верхнем этаже Романовым было отведено пять комнат, в которых они и содержались в условиях полутюремного режима.

Привезенные в мае из Тобольска сын и остальные дочери Романова были также заключены в доме Ипатьева.

Не применяя к заключенным особо репрессивных мер и строгого тюремного режима, Областной Совет в то же время ввел строгую охрану дома и заключенные находились в нем всегда под неусыпным надзором красной гвардии, отряд которой помещен был в одном из зданий напротив „дома специального назначения".

Николай Романов, вообще идиотски-безразлично относившийся к событиям, происходившим вокруг него, довольно спокойно относился и к режиму дома. Пытался первоначально заговорить с часовыми, а когда это ему запретили прекратил.

Не так держала себя Александра. При каждом удобном случае она пыталась протестовать против условий введенного для нее режима, оскорбляла охрану и бывших в доме представителей Областного Совета.

Обед семья получала из советской столовой, лучшей в городе; ежедневно отпускалось по два обеда на каждого заключенного. В распоряжении семьи имелся „примус" для подогревания обеда.

Ежедневно заключенных выводили гулять в садик при доме, где в их распоряжение предоставлены были приспособления и инструменты для физической работы. Часы прогулки они назначали сами.

Во внутреннюю жизнь заключенных комендатура дома не вмешивалась, предоставляя семье возможность распределять день по своему усмотрению.

В праздник Пасхи Романовы заявили о желании пойти в церковь. В этом им было отказано, но разрешен был доступ священнику, который и произвел в доме богослужение. К Пасхе Романовым заказаны были куличи, пасхи, яйца.

(Интересно отметить следующий факт. Советская столовая в дни Пасхи не работала, и праздничный обед Романовым дан был из квартиры коммуны партийных работников. Обед этот для Романовых готовила жена одного советского работника, которая в дни власти Колчака была арестована. Ей, очевидно, поставили в вину изготовление обедов Романовым и расстреляли).

Всякие „передачи" заключенным не разрешались.

Особенно настаивали на передачах продуктов монахини местного монастыря, почти ежедневно доставлявшие для Романовых корзины всевозможного печенья, которое неизменно передавалось комендантом в распоряжение караула.

X.

В первые же дни после перевода Николая в Екатеринбург, сюда стали стекаться монархисты всех мастей. Начиная с полупомешанных барынь, графинь и баронесс, монахинь, духовенства, кончая представителями иностранных держав.

Доступ к Николаю был ограничен чрезвычайно узким кругом лиц и членов Областного Совета Урала. Вообще же разрешения на свидания с Николаем давались В. Ц. И. К'ом.

Поэтому бесконечные попытки проникнуть на свидание с Николаем тех или иных лиц всегда кончались неудачей. Но монархическое охвостье продолжало загружать номера гостиниц и между прочим усиленно писало бесчисленные письма в дни царских праздников.

Корреспонденции поступало на имя Николая вообще очень мало: по преимуществу поздравительные письма и соболезнования, нередко проскальзывали письма явно ненормальных людей, с описанием снов, видений и другой ерунды.

Просьбы о свидании как с Николаем, а также и с другими представителями дома Романовых были довольно часты. Мотивировки были самые разнообразные: „повидаться, так как состоят в родстве“, „услужить, что надо будет“ и т. д. Являлись представители Красного Креста от разных дипломатических миссий. Однажды явился даже член генерального штаба сербских войск, Мигич, для получения личной информации от Николая о мировой войне.

Вся эта свора получала должный отпор от Областного Совета и злобно поглядывала на зоркий караул и сысертских рабочих-красноармейцев, расположенных вокруг дома.

Становилось совершенно очевидным даже для широких кругов населения, что монархисты свивали в Екатеринбурге организацию для освобождения Николая, так что Областной Совет был однажды поставлен перед фактом возможности неорганизованого, стихийного выступления рабочих с целью расправы над царем и собиравшейся вокруг него кликой. Возмущение рабочих масс очевидной организацией контр-революции было настолько велико, что в рабочих кругах Верх-Исетского завода определенно назначался день расправы—праздник 1-го мая. Областной Совет не желая допустить этого неорганизованного выступления принужден был в этот день организовать бессменное дежурство членов Совета. Впоследствии действительно была установлена связь отдельных представителей Красного Креста с чехо-словаками.

XI.

Рост контр-революционного движения оренбургского казачества и бунт чехо-словацких эшелонов использованных в целях контр-революции, создали угрозу падения Екатеринбурга, а особенно в связи с приближением фронта и активной работы местных контр-революционных сил.

К этому времени романовская семья в Екатеринбурге увеличивается. Из Вятки, по постановлению Губернского С'езда Советов были высланы в Екатеринбург бывшие великие князья: Сергей Михайлович, Игорь, Константин, Иван Константиновичи и князь Палей. Сюда же, по постановлению В. Ч. К., привезена была из Москвы и вдова князя Сергея Александровича Елизавета Федоровна.

Опасность сосредоточения массы таких „высоких" гостей в Екатеринбурге в дни напряженной борьбы с контр-революцией вблизи фронта была очевидна, и Областной Совет выслал перечисленных выше лиц в Алапаевск, под надзор алапаевского исполкома.

В Екатеринбург, как раньше в Тобольск, продолжают стекаться видные деятели контр-революции и темные личности, в задачи которых по прежнему входит организация заговоров и освобождение Романова и всех его родственников.

Среди других лиц, имеющих близкое касательство к семье Романовых, арестовывается указанный выше майор сербской службы Мигич, а вместе с ним фельдфебель Божечич и некто Смирнов—управляющий делами сербской королевы, жены отправленного в Алапаевск бывшего князя Ивана Константиновича Елены Петровны.

Эти лица явились в Областной Совет, как делегаты сербского посланника Сполайковича первоначально для переговоров с Николаем Романовым о войне, а затем якобы для отправки Елены Петровны в Петроград, заявив, что на это получено разрешение от центральной советской власти. По справкам, наведенным Областным Советом в Москве и Петрограде оказалось, что просьбу Сполайковича о разрешении Елене Петровне переехать в Петроград В. Ц. И. К. отклонил.

Цели Мигича и Божечича были ясны, но выполнить их им не удалось.

С приближением фронта к Екатеринбургу и местное контрреволюционное, «верное престолу», офицерство пытается завязать связи с царской семьей, усилвает переписку с Николаем Романовым и, главным образом, с его женой, проявляющей большую активность и непримиримость.

Вот одно из писем, которыми обменивались заключенные с заговорщиками, пытавшимися устроить в Екатеринбурге восстание еще в июне с целью освобождения Романовых.

„Час освобождения приближается и дни узурпаторов сочтены. Славянские армии все более и более приближаются к Екатеринбургу. Они в нескольких верстах от города. Момент становится критическим и теперь надо бояться кровопролития. Этот момент наступил. Надо действовать".

«Друзья, читаем в другом письме, более не спят и надеются, что час, столь долгожданный, настал».

Кто же они, пытавшиеся вырвать из рук народа преступников, лишенных короны, так заботящиеся о царской семье?

Перехваченные с „воли" от Романовских доброжелателей письма все подписаны большей частью словом: „Офицер", а одно даже так—„один из тех, которые готовы умереть за вас—офицер русской армии".

Ряд других данных, полученных Областным Советом, обнаруживал организацию, поставившую целью освободить Романовых, готовую в виду близости фронта исполнить свое намерение.

На заседаниях Областного Совета вопрос о расстреле Романовых ставился еще в конце июня. Входившие в состав Совета эс-эры Хотимский, Саковия (оставшийся в Екатеринбурге при белых и расстрелянный ими) и другие были,

по обыкновению, бесконечно «левыми» и настаивали на скорейшем расстреле Романовых, обвиняя большевиков в непоследовательности.

Вопрос о расстреле Николая Романова и всех бывших с ним принципиально был разрешен в первых числах июля.

Организовать расстрел и назначить день поручено было президиуму Совета.

Приговор был приведен в ночь с 16 на 17 июля.

В заседании президиума В. Ц. И. К., состоявшемся 18 июля, председатель Я. М. Свердлов сообщил о расстреле бывшего царя.

Президиум В. Ц. И. К, обсудив все обстоятельства, заставившие Уральский Областной Совет принять решение о расстреле Романова, постановление Уралсовета признал правильным.

XII.

Когда президиум Областного Совета подписал смертный приговор Николаю Романову и его семье, чехо-словацкий фронт был уже близко и контр-революционные банды с двух сторон—от Челябинска и по Западно-Уральской железной дороге двигалась на Екатеринбург.

С расстрелом Романовых надо было спешить.

Организация расстрела и уничтожения трупов расстрелянных поручена была одному надежному революционеру, уже побывавшему в боях на дутовском фронте, рабочему В.-Исетского завода—Петру Захаровичу Ермакову.

Самую казнь бывшего царя нужно было обставить такими условиями, при которых было бы невозможно активное выступление приверженцев царского режима. Поэтому избран был такой путь.

Семье Романовых было об'явлено, что из верхнего этажа, в комнатах которого они помещались, им необходи-

мо спуститься в нижний. Вся семья Романовых—бывший царь Николай Александрович, жена его Александра Федоровна, сын Алексей, дочери, домашний доктор семьи Боткин, „дядька“ наследника и бывшая принцесса-фрейлина, оставшиеся при семье,—около 10 часов вечера сошли вниз. Все были в обычном домашнем платье, т. к. спать всегда ложились позже.

Здесь, в одной из комнат полуподвального этажа, им всем предложили стать у стены. Комендант дома, бывший в то же время и уполномоченным Уралсовета, прочитал смертный приговор и добавил, что надежды Романовых на освобождение напрасны—все они должны умереть.

Неожиданное известие ошеломило осужденных и лишь бывший царь успел сказать вопросительно,—„так нас никуда не повезут?“

Выстрелами из револьверов с осужденными было покончено...

При расстреле присутствовало только четыре человека, которые и стреляли в осужденных.

Около часу ночи трупы казненных были отвезены за город в лес, в район Верх-Исетского завода и дер. Палкиной, где и были на другой день сожжены.

XIII

Самый расстрел прошел незаметно, хотя и был произведен почти в центре города. Выстрелы не были слышны, благодаря шуму автомобиля, стоявшего под окнами дома во время расстрела. Даже караул по охране дома не знал о расстреле и еще два дня спустя аккуратно выходил в смену на наружных постах.

О самом факте расстрела опубликовано было в местных газетах 23 июля.

В передовой статье „Уральского Рабочего“ за этот день, тов. Сафаров, один из членов президиума Областного Совета, подписавшего приговор Романовым, писал:

„Он слишком долго жил, пользуясь милостью революции, этот коронованный убийца“.

Рабочие и крестьяне, поглощенные гигантской творческой работой и великой революционной борьбой, как будто не замечали его и оставляли жить до народного суда.

Историей ему давно был вынесен смертный приговор. Своими преступлениями Николай Кровавый прославился на весь мир. Все свое царствование он безжалостно душил рабочих и крестьян, расстреливал и вешал их десятками и сотнями тысяч. Расстреливал он бедняков и тогда, когда они просто поднимались против своих хозяев, и тогда когда они шли к нему за помощью.

Вокруг сидевшего в тюрьме бывшего царя все время плелись искусные сети заговоров. При переезде из Тобольска в Екатеринбург был открыт один из них. Другой был раскрыт перед самой казнью Николая. Участники последнего заговора свои надежды на освобождение убийцы рабочих и крестьян из рабоче-крестьянского плена определенно связывали с надеждами на занятие красной столицы Урала чехо-словацкими белогвардейскими погромщиками.

Народный суд над всероссийским убийцей опередил замыслы контр-революционеров.

Воля революции была исполнена, хотя при этом были нарушены многие формальные стороны буржуазного судопроизводства и не был соблюден традиционно-исторический церемониал казни „коронованых особ“. Рабоче-крестьянская власть и в этом случае проявила крайний демократизм: она не сделала исключения для всероссийского убийцы и расстреляла его наравне с обыкновенным разбойником.

Нет больше Николая Кровавого, и рабочие и крестьяне с полным правом могут сказать своим врагам: вы поставили ставку на императорскую корону.

Ваша карта бита...

Получите сдачи—одну пустую коронованную голову...

XIV.

Белые генералы, пришедшие в Екатеринбург летом 1918 года, прежде всего занялись розысками трупов расстрелянных членов семьи Романовых.

Судебный следователь по особо важным делам при Омском Окружном Суде, Соколов, получил приказ вести следствие и, благодаря его работе, создано было дело „об убийстве отрекшегося от престола Государя Императора Николая Александровича и его семьи".

Причастных к этому „злодеянию", по выражению следователя, лиц он насчитывает около двухсот. Большинство из них, никакого, конечно, отношения к расстрелу семьи Романовых не имели и „причислены" следователем только для полноты дела.

Белогвардейские газеты и всевозможные аферисты печатали и выпускали для обывателя самые фантастические сведения о жизни семьи Романовых в Екатеринбурге и о расстреле их.

Находились даже фантазеры, которые пытались внушить населению, что семья Романовых вместе с Николаем из Екатеринбурга вывезена.

Предпринятое военными властями обследование того района, куда вывезены были трупы казненных, ничего не дало. .

Кроме находки нескольких драгоценных камней и золотых вещей.

Происхождение этих вещей следующее. Романовы были расстреляны в обычном платье. Когда же трупы решили сжечь, то их предварительно раздели. В некоторых частях одежды, потом сожженой, оказались зашитыми драгоценности. Возможно, что часть из них была обронена или вместе с вещами попала в костер.

Вот все, что могли найти белогвардейские сыщики, несмотря на то, что ими мобилизованы были для работы и пленные красноармейцы и крестьяне дер. Коптяки. Для откачивания воды из „подозрительных" шахт была привезена даже паровая машина из Верх-Исетского завода.

Генерал Дидерихс, которому Колчак поручил общее руководство следствием по делу расстрела Романовых, оффициально заявил, что вся семья Романовых расстреляна и трупы уничтожены без остатка.

Вот выдержка из оффициальной беседы генерала Дидерихса, помещенной во всех белогвардейских газетах колчаковского времени:

Владивосток 27. II (Р. Т. А).

В беседе с сотрудниками местных газет находящийся во Владивостоке генерал Дидерихс на вопрос о целях приезда во Владивосток сообщил следующее:

„Находясь на фронте, руководя фронтовыми действиями, я параллельно изучал причины убийства царской семьи.

На меня Верховным Правителем была возложена задача обследования убийства царской семьи, а также собирание материалов фактического подтверждения этого убийства. Вся царская семья и великие князья убиты. Первые в Екатеринбурге, вторые в Алапаевске в 60 верстах от Екатеринбурга. Царская семья убита по постановлению Уральского Областного Совета в ночь с 16-го на 17-ое апреля"

Урал стал могилой не только бывшему царю и его семье. В средних числах июля в Перми был расстрелян и брат Николая Романова—Михаил Александрович, с помощью которого в феврале 1917 года буржуазия пыталась спасти монархию, передав ему императорскую корону.

В этих же числах уничтожены были в Алапаевске и великие князья Сергей Михайлович, Игорь Константинович, Константин Константинович и Иван Константинович. Трупы этих последних были разысканы белогвардейской контрразведкой и торжественно похоронены в склепе алапаевского собора.

Следует отметить то обстоятельство, что в официальных советских сообщениях своевременно не были опубликованы полные постановления о расстреле членов семьи Романовых. Было сообщено о расстреле лишь бывшего царя, а великие князья по нашим сообщениям или бежали или были увезены—похищены неизвестно кем. То же самое было сообщено и о жене, сыне и дочерях Николая, которые будто бы были увезены в „надежное место“.

Это не было результатом нерешительности местных советов. Исторические факты говорят, что наши Советы и областной, и пермский, и алапаевский действовали смело и определенно, решив уничтожить всех близких к самодержавному престолу.

Кроме того, рассматривая теперь эти события уже как факты истории рабочей революции, следует признать, что Советы Урала, расстреливая бывшего царя и действуя в отношении всех остальных Романовых на свой страх и риск, естественно пытались отнести на второй план расстрел семьи и бывших великих князей Романовых.

Это дало возможность сторонникам монархии говорить о побегах некоторых членов семьи.

Чтобы рассеять этот туман, уже зимой 1918 года Областной Совет опубликовал официальное сообщение о расстреле и Михаила Романова.

— —

Заканчивая настоящий очерк, являющийся сводкой бесед с отдельными товарищами, принимавшими то или иное участие в событиях, связанных с семьей бывшего царя, а также принимавшими активное участие в ее расстреле и уничтожении трупов, мы уверены, что товарищи, у которых имеются более обширные сведения о пребывании в Тобольске и на Урале Романовых, и о той контр-революционной работе, которая велась вокруг них, дадут нам возможность эти материалы использовать и тем самым еще глубже загнать осиновый кол в могилу русского самодержавия.

П. Быков.

КОЛЧАК.

„Быть может это последняя попытка, последнее усилие, которые выполняются в передаче всей верховной власти в руки солдата, каким я являюсь".

Этими словами адмирал Колчак, об'явивший себя „Верховным Правителем всея Руси" в изданном им 23 ноября 1918 г. манифесте ко всем своим вооруженным силам определял свою историческую роль.

Наполеону Бонапарту удалось в свое время нанести жестокий удар революционной Франции. Разрушая, воюя, проливая моря крови—он считал себя спасителем человечества. Колчак думал стать русским Бонапартом.

Нужно сказать, что в длинной цепи Бонапартов и Бонапартиков, всех этих Деникиных, Калединых, Красновых и Врангелей—Колчак был наиболее крупной, наиболее значительной величиной. Если все они были большей частью черносотенными проходимцами, авантюристами, то он, Колчак, был все же более умным и более способным.

История—эта злая насмешница, жестоко подшутила над ним. Тяжелая историческая трагедия, начала XIX века повторилась в начале XX века, но уже в виде трагикомичного, кровавого фарса. И главным действующим лицом этого фарса был так называемый „Верховный Правитель"—адмирал Колчак.

„С нами братские чехо-словацкие войска"—писал Колчак в своем манифесте.

Да, эти братские войска—союзнички были с ним, но только до поры, до времени. В тяжелую минуту, когда его

армия бежала под ударами революционных войск, доблестные союзники предали его без всякого зазрения совести.

Карьера наиболее крупного героя русской Вандеи кончилась скоро и весьма печально для него.

18 ноября 1918 года, торжествующая контр-революция высоко подняла своего героя, в январе 1920 года деморализованная и разбитая, она его оставила на произвол судьбы, не позаботившись даже о его спасении.

Колчак перед лицом Чрезвычайной следственной комиссии.

22 января 1920 года адмирал Колчак предстал в г. Иркутске пред лицом Чрезвычайной следственной комиссии. Его допрашивала назначенная Иркутским Ревкомом комиссия, в то время, когда город находился в руках восставших партизан Иркутской губ., когда еще в Иркутске не было регулярных советских войск.

Комиссия, пред которой предстал Колчак, потребовала у него отчета за все содеянное им и его приспешниками, за все его злодеяния, за всю кровь, которая ручьями и реками текла по заводам и шахтам Урала и по равнинам Сибири.

Председатель:—Вы присутствуете пред следственной комиссией. Вы адмирал Колчак?

Колчак:—Да, я адмирал Колчак.

Председатель:—Вы являетесь Верховным Правителем?

Колчак:—Я был Верховным Правителем Российского Правительства в Омске.—Его называли Всероссийским, но я лично этого термина не употреблял.

— Начался исторический допрос.

Жизнь и деятельность Колчака до февральской резолюции.

В начале допроса Колчак довольно подробно начал рассказывать историю своей жизни, научной и военной деятельности. В виду интереса, который представляет личность Колчака, приводим вкратце эту часть его рассказа.

Александр Васильевич Колчак, сын отставного генерал—майора, родился в Златоустовском заводе, Уфимской губ. в 1874 г. свое образование он начал в 6-ой Петербургской гимназии, из третьего класса которой он перевелся в морской корпус, и кончил его в 1894 году.

В 1895 г. он начинает свою флотскую службу в качестве вахтенного начальника на готовящемся к отходу заграницу броненосном крейсере „Рюрик". В свободное, от служебных обязанностей, время он занимался изучением южно-полярных стран, мечтая принять участие в экспедиции по изучению южного полюса.

Неожиданно он получил приглашение принять участие в северно-полярной экспедиции, в которой пробыл до 1902 года.

Во время русско-японской войны Колчак поступает вновь на морскую службу и участвует в неудачных боевых действиях русской морской эскадры. Конец войны и позорная сдача Порт-Артура японцам застали его в этой крепости на должности командира батареи морских орудий.

В 1905 году он через Америку возвратился в Петербург, где, получив по болезни продолжительный отпуск, начал разработку результатов экспедиции на северный полюс.

В 1907 году Колчак с группой морских офицеров подает докладную записку царскому правительству о необходимости создания морского генерального штаба, который

занялся бы восстановлением разгромленного в русско-японскую войну, русского флота. К этой записке отнеслись сочувственно и морской генеральный штаб был создан. В этом штабе Колчак, который был тогда в чине капитана 2-го ранга, занимает пост заведующего Балтийским театром.

Период существования и работы морского генерального штаба, был по словам Колчака,—„*Периодом общего изучения политической обстановки... Еще в 1907 году мы пришли к совершенно определенному выводу о неизбежности большой европейской войны... После долгого и весьма детального изучения исторического и военно-политического было решено, как морским, так и сухопутным штабами, что мы будем на стороне противников Германии*".

Из этого признания Колчака можно видеть, что империалистическая война предвиделась и усиленно подготовлялась не только германскими империалистами, но и русскими. Предвидели даже год ее начала, полагали, что смертоносные орудия начнут свою разрушительную работу в 1915 году. Русские империалисты ошиблись не на много.

В своем дальнейшем рассказе Колчак еще более подчеркнул, что война была предусмотрена.

„*Я хочу только подчеркнуть, говорит он, что эта война была совершенно предвидена, была совершенно предусмотрена. Она не была неожиданной, и даже при определении начала ее ошиблись только на полгода*".

Во время европейской войны Колчак получил производство в вице-адмиралы и назначен командующим Черноморск. флотом.

Политические убеждения Колчака.

Член Следственной Комиссии Алексеевский: Неудачи японской войны не вызвали у вас никаких сомнений и вы остались по прежнему монархистом?.

Колчак: Я остался по прежнему монархистом.

Я относился к монархии, как к существующему факту, не критикуя и не вдаваясь в вопросы по существу об изменении строя.

Как военный, я считал себя обязанным выполнять только присягу, которую я принял, и этим исчерпывалось все мое отношение к существовавшему строю. Я был монархистом и нисколько от этого не уклоняюсь.

Революцию 1905 года Колчак об'ясняет следующим образом:

„Вспышку 1905—1906 годов я приписываю исключительно народному негодованию, национальному оскорбленному чувству за проигранную войну".

Из этих же показаний Колчака можно видеть, кем он был в то время:—профессиональным рубакой и круглым политическим невеждой.

В феврале 1917 г. Колчак по своему политическому невежеству полагал, что революция далеко не пойдет, что дело ограничится лишь сменой правительства. Он видел, что царское правительство не было способно довести войну с немцами до победоносного конца и это возмущало его, как ярого милитариста. Надеясь, что новое правительство не изменит существующего строя или внесет в него несущественные поправки и, главное, сумеет продолжать войну,—он подобно прочим реакционным генералам примирился с февральскими событиями.

Свой взгляд на этот вопрос он высказал довольно определенно:

„Для меня было совершенно ясно уже ко времени переворота, что положение на фронте у нас становится все более и более угрожающим и тяжелым, что война находится в положении весьма неопределенном, в смысле ее исхода.

Поэтому я приветствовал революцию, как возможность, расчитывать на то, что она внесет энтузиазм в народные массы и даст возможность закончить победоносно эту войну, которую я считал самым важным делом, стоящим выше всего: и образа правления и политических соображений".

На вопрос допрашивающего, не слишком ли „профессионально" смотрел на этот вопрос Колчак, последний дословно ответил:

„Я не могу сказать, что бы я винил монархию и самый строй, создавший такой порядок, я откровенно не могу сказать чтобы причиной" (очевидно, неудачи) была монархия. ибо я думаю, что и монархия могла бы вести войну. При том же положении дела, какое существовало, я видел, что какая-нибудь перемена должна быть и переворот поэтому я, главным образом, приветствовал, как средство довести войну до счастливого конца".

Ясно, что если бы не неудачи на империалистическом фронте. то Колчак был бы против революции, даже в том виде простого переворота, в который, как он думал, она выльется.

Колчак в Черноморском Флоте.

С начала февральской революции Колчак продолжал командовать Черноморским флотом. Всю свою энергию он направлял к тому, чтобы сохранить, боеспособность флота. Путем удачного подбора советов флотских и рабочих депутатов в Севастополе, в большинстве очевидно состоявших из офицеров и интеллигенции, он оставался некоторое время господином положения.

По поводу деятельности в Черноморском флоте матросских Комитетов и Советов, Колчак на допросе говорит:

„В начале эти учреждения вносили даже известное

спокойствие и порядок. Дело было поставлено, таким образом, что все постановления комитета мне докладывались. Ко мне являлись периодически несколько раз в неделю председатель комитета, либо его заместитель и приносили постановления комитета. Они спрашивали меня с какими я согласен, или какие я считаю неприменимыми в силу известных обстоятельств. С некоторыми постановлениями я соглашался, некоторые предлагал снова пересмотреть, а некоторые считал невозможными для осуществления".

Но вскоре революционная волна докатилась и до Черноморского флота. Появились приезжие агитаторы, которые начали усиленно будировать среди матросских масс. Конечно, Колчаком они об'явлены были немецкими шпионами.

По поводу появления этих агитаторов Колчак дает на допросе весьма любопытные об'яснения:

«Начался приезд всевозможных делегаций и депутаций с балтийского флота. Вместе с этим к нам хлынула масса самых подозрительных типов: началось ведение совершенно определенной пропаганды, направленной к развалу флота, стали обвинять офицеров в империализме, в обслуживании интересов буржуазии... *Вокруг вопроса о проливах шла страшная политика, говорили, что Босфор и Дарданеллы нужны только буржуазии»*. Напуганный таким оборотом дел адмирал Колчак поспешил в Петербург для доклада о положении во флоте. К этому времени Колчак, по его заявлению на допросе был уже убежден, что в Черноморском флоте, повторится та же история, что и в Балтийском. „Я считал, говорит он, что у меня дело закончится тем же самым, что у меня в Черном море события происходят с некоторым запозданием, но я был глубоко убежден, что та линия, которая установилась по отношению к нашей вооруженной силе, и те реформы (которые проводились, неизбежно и

неуклонно) приведут к развалу наши вооруженные силы и вызовут те же самые явления, как и в Балтийском флоте".

По совету Родзянко он решил обратиться за помощью против разлагающего большевистского влияния к политическим партиям, сиречь к социал-предателям. По совету того же Родзянко Колчак поехал к Плеханову. Об'яснив ему создавшееся положение, Колчак попросил Плеханова помочь ему, „прислав и своих работников, которые могли бы бороться с пропагандой разложения".

Плеханов обещал, если верить Колчаку, оказать помощь посылкой в Черноморский флот благонадежных агитаторов.

Во время допроса Колчак подчеркнул весьма характерную фразу Плеханова: „отказаться от Дарданелл все равно, что жить с горлом, зажатым чужими руками. Я считаю, что без этого (т. е. без проливов) Россия никогда не в состоянии будет жить так, как она хотела бы".

События в Черноморском флоте продолжали итти своим чередом. Несмотря на свою изолированность, флот быстро втянулся в общую революционную орбиту. Колчак вскоре понял, что нет возможности противодействовать антимилитаристическому настроению русской армии и флота никакими мирными средствами.

Как человек сообразительный, он счел самым подходящим выходом для себя не только отказаться от командования флотом, но и вообще убраться из революционной России, где он не имел места для приложения своих сил.

Был один исход, который мог заставить Колчака остаться на прежнем месте—командующего Черноморским флотом.

На допросе он формулировал этот исход следующим заявлением—„Я считаю, что в это время можно было остановить развал. В это время у Правительства еще было достаточно дисциплинированных сил, чтобы подавить дви-

жение. Это было мнение военных, которое было в частности высказано Корниловым. Разделял его и я".

На этом исходе Правительство соглашателей не рискнуло остановиться. И адмирал Колчак счел нужным уйти от опасностей и искушений в более спокойные края. С прибывшей в Россию американской морской миссией он уехал в Соединенные Штаты, чтобы там ждать более удобного времени для возобновления своей деятельности.

Колчак на службе интервентов.

В Америке Колчак, к тому времени уже получивший сведения о происшедшей Октябрьской революции, принимает решение поступить на английскую службу. Вскоре он получил командировку в Месопотамию, но до места назначения не доехал. Английское правительство, которое уже к тому времени готовило интервенцию, вернуло его из Сингапура. Ему было указано, „что будет полезнее для общего союзного дела, чтобы он вернулся в Россию, ему рекомендуется прибыть на Дальний Восток и там начать свою деятельность".

Как раз в это время Колчак узнал о разгроме Советской властью Учредилки, о которой он высказывает на допросе весьма любопытное мнение:

— Разогнанное большевиками Учредительное Собрание, которое с места запело „Интернационал" под руководством Чернова, вызвало со стороны большинства лиц, с которыми я сталкивался, отрицательное отношение; считали, что Учредительное Собрание было искусственным и партийным. Это было и мое мнение, я считал, что если у большевиков и мало положительных сторон, то разгром этого Учредительного Собрания является заслугой, что надо поставить им в плюс"

На Дальнем Востоке ко времени приезда Колчака уже делалось дело. Японцами при содействии остальных союзников формировались белогвардейские банды. Появились знаменитые Семенов и Калмыков, которые действовали вблизи Забайкальской области. В полосе отчуждения восточной китайской дороги в это же время работал небезызвестный Хорват. Туда же по предложению союзников был направлен и Колчак, на которого была возложена задача централизации различных мелких отрядов, действующих совершенно самостоятельно друг от друга

Колчак начал свою работу. Для успешности ее нужны были средства, за которыми он и обратился к японцам.

«Генерал Никашино, глава японской миссии, рассказывает Колчак на допросе—выслушал мои пожелания. Я представил ему те сведения о помощи, которые я просил на содержание частей. Он сказал, что так много они дать не могут. Затем он (Никашино) неожиданно говорит:

— Какие компенсации можете вы представить за это?

— Я вовсе не прошу этого оружия, как милости, если есть у вас оружие, то продайте!.

— Денежный вопрос меня совершенно не интересует — ответил японец“.

Что нужно было японцам, для нас совершенно ясно. За оружие, за обмундирование, за чечевичную похлебку, они требовали часть России, русские богатства. И „патриоты“, все эти Хорваты, Колчаки, Семеновы шли на все.

С первых же дней деятельности Колчака на Дальнем Востоке у него начались трения с Семеновым, которые продолжались до конца сибирской авантюры. Эти трения, вернее борьба за власть двух столпов русской контр-революции едва, едва не привела уже во время властвования Колчака к вооруженному столкновению. Но об этом дальше.

Драчка началась с того, что Колчак пытался подчинить себе Семенова, который к тому времени уже состоял в полном услужении у японского генерального штаба. На Колчака же японцы смотрели как на ставленника остальных союзников, интересы которых на Дальнем Востоке противоречат интересам японцев. Японцы предложили Семенову ни в каком отношении не подчиняться Колчаку и действовать совершенно самостоятельно. Колчак вскоре это ясно почувствовал. Когда он направился для переговоров о координации действий с Семеновым, последний по приказу японцев приказал своим подчиненным Колчака к себе не допускать.

„Мне было совершенно определенно заявлено,—говорит Колчак, что Семенов получил инструкцию мне ни в коем случае не подчиняться... Мне было отлично понятно и ясно, что все это дело рук японской военной миссии".

С первых же дней дальне-восточной авантюры началась грызня, закулисная борьба и дипломатические интриги. Дело контр-революции почти не двигалось с мертвой точки и безусловно было бы обречено на полную неудачу, если бы не новый ход союзников, которые с помощью чехословацких отрядов быстро двинули вперед увязнувший белогвардейский воз.

Разгул пьяной белогвардейщины.

Одновременно с этими взаимными подвохами, разгулялась разбойничья натура русской белогвардейщины. Начались избиения, расстрелы, пытки, грабежи, разбойничьи нападения на поезда и т. д.

По словам Колчака, во всех даже самых маленьких отрядах создавались контр-разведки.

„Эти органы контр-разведки, рассказывает Колчак, самочинно несли полицейские обязанности и главным

образом, политическую работу, которая заключалась в том, чтобы выслеживать, узнавать и арестовывать большевиков.. Самое понятие „большевик“ было до такой степени неопределенно, что под него можно было подвести что угодно“.

Так это, конечно, и было. Под слово „большевик“ подводился личный враг, конкуррент, соперник, вообще неугодный человек и т. д.

Сам Колчак приводит на допросе несколько весьма характерных фактов:

„Первый случай, с которым мне пришлось столкнуться. произошел в Харбине. Начальник милиции, фон-Арнольд, утром позвонил мне по телефону и по французски сообщил. что на шоссейной дороге найдено тело убитого учителя Уманского. Через некоторое время он сам лично прибыл ко мне и сказал, что он сильно подозревает, что это убийство совершено воспитанниками харбинского корпуса“.

Следствие результатов не дало, виновники обнаружены не были.

„Второй случай: однажды вечером, когда я сидел у себя в вагоне и занимался, мне доложили, что ко мне пришла молодая дама и просит меня принять ее Она входит и бросается ко мне с просьбой спасти ее мужа—офицера, который на улице Харбина был арестован офицером Семеновского отряда. „Я знаю, говорила она, что его арестовали по приказанию помощника Семенова, который является его личным врагом, его приказано арестовать и отвести в Хайлар, а кого отвозят в Хайлар, тот уже не возвращается обратно“.

Я подумал: ведь прежде всего Харбин является частью, в которой распоряжаюсь я, и такие аресты без моего ведома противоречат основам воинской дисциплины. Семенов мог не считаться со мной, но в Харбине арестовывать офицеров без моей санкции он не имел права.

Разговаривать в данном случае было совершенно бесполезно, поэтому я распорядился послать на вокзал полуроту солдат в 20—30 человек. Когда на вокзал вошел конвой с арестованным офицером, их окружили и заявили: „по приказанию командующего войсками вы арестованы“.

Семеновский конвой я отпустил, арестованного же офицера оставил у себя. Я призвал его и сказал: „единственный способ спасти вас—арестовать вас, чтобы вы были у меня под охраной“. Я так и сделал, отправил его на гауптвахту в Орловский отряд, где он просидел некоторое время и затем я передал его Хорвату. Вот способ, каким можно было бороться с этими явлениями“, заключает Колчак.—„Но это было возможно только тогда, когда вы об этом знали“.

Сам Колчак лучше всякого художника нарисовал картину, которая творилась в царстве контр-революции, но нарисованные им выше два этюда,—только цветочки, а вот ягодки.

Колчак:—Что касается того, что делал Калмыков, то это были уже совершенно фантастические истории.

Я лично, например, знаю, что там производились аресты, не имевшие совершенно политического характера,—это была сплошная уголовщина.

Там шла, например, правильная охота на торговцев опиума. По линии китайской железной дороги ездило постоянно с контрабандой опиума очень много женщин и мужчин, провозивших опиум, стоящий очень дорого. Под видом политического ареста выслеживали этих торговцев, арестовывали их, отбирали опиум, а затем убивали их. В случае обнаружения ссылались на то, что это были большевистские агенты и шпионы.

Обычно в вагон входила кучка солдат. Намеченной жертве заявляли

— „Вы большевистский шпион!“.

Продавца опиума, как шпиона, арестовывали, затем убивали, похищенный опиум поступал в продажу.

Алексеевский:—Не приведете ли вы несколько примеров из деятельности Калмыкова.

Колчак: У него была крупная история, я не знаю, как она уладилась. Это случилось за несколько времени до моего от‘езда. Калмыков поймал тогда вблизи пограничной линии шведского или датского подданного, представителя Красного Креста. Он признал его большевистским агентом. Представитель Красного Креста был повешен. У него была отобрана большая сумма денег в несколько сот тысяч рублей. Требование Хорвата прислать арестованное лицо в Харбин и меры, предпринятые консулами, ни к чему не привели.

Скандал был дикого свойства. Это был форменный случай разбоя.

Вот как жили люди в царстве русской контр-революции. Факты, приведенные Колчаком, только иллюстрации, только эпизоды. Все же в целом может быть названо, применяя выражение Колчака, скандалом дикого свойства.

Весь этот дикий кошмар бесшабашного белогвардейского разгула, находил, конечно, должную оценку в глазах иностранцев. Эти господа, находя, что в большом хозяйстве всякая дрянь бывает полезной, использовали белогвардейцев, как орудие против русской революции. Но это не мешало им презирать шайки оголтелых бандитов и обращаться с ними, как с отбросами в навозной куче.

Даже китайские полицейские, к которым носители „культуры“—чиновники царской России относились, как к представителям низшей расы, даже они поняли всю мразь белогвардейщины. Сам Колчак говорит: „китайцы очень

часто (мне самому приходилось видеть) избивали русских полицейских, приговаривая:

— „Мы теперь капитаны, вы теперь ходя!“.

Колчак и интервенция.

Чрезвычайно интересна часть допроса, касающаяся периода пребывания Колчака во Владивостоке и его взглядов на союзническую интервенцию.

Колчак:—Владивосток произвел на меня впечатление чрезвычайно тяжелое, я не мог забыть, что я там бывал во время империи, когда мы были хозяевами, когда это был наш порт, наш город, теперь же там распоряжался кто угодно.

Все лучшие дома, лучшие казармы, лучшие дамбы были заняты чехами, японцами, союзными войсками, которые туда прибыли. А наше положение было глубоко унизительное, глубоко печальное.

Я чувствовал, что Владивосток уже не является русским.

Алексеевский:—Каково было ваше принципиальное отношение к интервенции раньше, чем вы ее увидели во Владивостоке?

Колчак: —В принципе я был против нее.

Алексеевский:—Все-таки можно быть в принципе против известной меры, но допускать ее на практике.

Колчак:—Я считал, что эта интервенция, в сущности говоря, закончится оккупацией и захватом нашего Дальнего Востока. В Японии я убедился в этом. Затем я не мог относиться сочувственно к этой интервенции в виду позорного отношения к нашим войскам и унизительного положения всех русских людей и властей, которые там были; меня это оскорбляло и я не мог относиться к этому доброжелательно.

Самая цель и характер интервенции носили глубоко оскорбительный характер, это не было помощью России. Все это выставлялось, как помощь чехам и их благополучному возвращению и в связи с этим все получало глубоко оскорбительный и глубоко тяжелый характер для русских.

И так, интервенция как будто претила Колчаку, он ясно видел и сознавал весь позорный характер ее, в принципе он был против нее. Но от высоких принципов часто отказываются во имя довольно низменных целей. Во имя высоких чинов Колчак отказался от высоких принципов— он признал интервенцию. Весь кошмарный период его властвования являлся сплошной интервенцией. Начиная от своей деятельности на Дальнем Востоке, кончая „верховным правительством“, Колчак оставался жалкой марионеткой в руках интервентов.

Встреча с Гайдой.

Во время своего пребывания во Владивостоке Колчак получил первые сведения об образовании Западно-Сибирского правительства, во главе которого стоял Вологодский. Там же он узнал об Уфимском Совещании, на котором было решено образовать всероссийскую власть в виде директории, в составе Зензинова, Авксентьева, Чайковского, Вологодского и Болдырева.

Западно-Сибирское правительство, образованное при помощи интервентов (чехо-словацкий корпус) было признано Колчаком. Колчак начал торопиться с от‘ездом в Омск. Выехать из Владивостока в Омск без помощи чешского штаба не было никакой возможности. И будущий „верховный правитель“ обращает свои стопы в чешский штаб.

„Так как я не мог выбраться из Владивостока, то мне в конце концов пришлось обратиться в чешский штаб“— заявляет на допросе Колчак

Здесь он впервые встречается с одной из будущих знаменитостей урало-сибирской контр-революции—чешским офицером, Гайдой.

Этот будущий его сподвижник заявил ему, что есть постановление союзного командования о том, чтобы чехи не уходили из России, а чтобы они шли на Урал, где образуется чешско-русский фронт, который будет продолжать борьбу с большевиками.

У этого „чисто-русского" чеха—ставленника антантовских интервентов хватило наглости заявить:

„Центром тяжести вооруженных сил у большевиков являются немецкие и мадьярские военно-пленные, для меня совершенно ясно, что это есть та же война, которая велась раньше и немцы несомненно участвуют во всем этом предприятии".

По всему видно, что принципиальный противник интервенции—адмирал Колчак остался вполне доволен гайдовскими об'яснениями.

Дальше, между двумя будущими руководителями урало-сибирской белогвардейщины, из которых один (Гайда) впоследствии предал другого, последовал весьма занимательный диалог. В изложении самого Колчака этот разговор представляется в следующем виде.

Колчак:—Скажите, что такое директория и что она из себя представляет?

Гайда:—Это образование несомненно нежизненное; я не верю, чтобы директория могла об'единить все русские части и силы, действующие здесь в Сибири и на другой территории. Я лично думаю, что она этого не сможет сделать. *Я имею также сведения, что Омское правительство относится к этой затее отрицательно. Я полагаю,*

что в этом периоде и в этих условиях может быть только военная диктатура.—

Колчак:—Военная диктатура прежде всего должна иметь армию, на которую опирается диктатор и следовательно это может быть только власть того лица, в распоряжении которого находится армия. но такого лица пока не существует, потому что даже нет общего командования. Для диктатуры нужно прежде всего крупное военное имя, которому бы армия верила и знала бы это лицо. В таких условиях возможно осуществление военной диктатуры.

Гайда:—Конечно, это вопрос будущего времени, потому что сейчас все находится в периоде созидания и развития.

Из этого исторического разговора можно видеть, что в лице Сибирского правительства, в лице Гайды и Колчака, которых учредиловские дурачки считали своими союзниками уже ясно выявилось ничем неприкрашенное лицо помещичье-буржуазной черной контр-революции. И в то время когда эсеровские болтуны плавали в море слов и прекраснодушных резолюций— во Владивостоке уже шла речь о необходимости выкинуть за борт белогвардейского корабля учредиловского мавра.

В этом историческом разговоре адмирал Колчак заботится об отсутствии крупного военного имени—подходящего кандидата на трон диктатора. И весьма возможно, что черноморскому адмиралу уже в это время грезились слава диктатора, почести русского Бонапарта.

Учредиловцы и черносотенная военщина.

Вскоре Колчак был уже в Омске. Там он встретил члена директории—генерала Болдырева, который в то время командовал восточным антибольшевистским фронтом.

Болдырев сделал Колчаку предложение войти в состав Сибирского правительства в качестве военного и морского министра.

Последний, считавший эту роль не вполне соответствующей величине своей личности, некоторое время отказывался, но впоследствии, очевидно, ознакомившись с настроением офицерского состава сибирской армии, принял предложение Болдырева.

Об этих настроениях Колчак рассказывает:

— „Командные лица из армии, с которыми я встречался, отнеслись совершенно отрицательно к директории: они говорили, что директория—повторение того же самого Керенского, что Авксентьев—тот же Керенский, что идя по тому же пути, который уже пройден Россией, они неизбежно приведут ее снова к большевизму. В армии нет доверия к директории.

В частности к Болдыреву было то же отношение. Говорили, что Сибирское правительство относится к появлению этой директории скрепя сердце, что симпатии и сочувствия к этой директории в сердце Сибирского правительства и армии нет.

Из переговоров и случайных встреч с казаками я узнал, что у них есть определенное отрицательное отношение. Они говорили: директория есть представитель партии, члены ее войдут в соглашение с большевиками и погубят Россию.

Из казаков я встречался с Волковым*) и еще некоторыми другими офицерами.

Пощупав почву, Колчак согласился принять предложение Болдырева. Он вошел в качестве военно-морского министра в Сибирское правительство и тем самым прошел

*) Знаменитый Волков—один из самых кровавых палачей колчаковской атамановщины.

несколько ступеней по той лестнице, которая привела его к трону военного диктатора.

Став военным министром, Колчак впервые присутствует на заседании совета министров совместно с директорией. Об этом заседании он во время допроса рассказывает:

— „На заседании совета министров я встретил весьма напряженное настроение, которое я бы мог характеризовать, как атмосферу борьбы Сибирского правительства с директорией. Расхождения главным образом шли по поводу некоторых персональных назначений в совете министров.

Вопрос обострился при назначении Михайлова *), которого директория не желала, а затем еще при назначении Роговского товарищем министра внутренних дел по делам государственной охраны".

По поводу деятельности учредиловцев в это время и об отношении к ним реакционных кругов, Колчак на допросе сказал следующее:

— „Доказательством несомненного уклона директории в сторону большевизма является связь ее с Черновым, который тогда был в Екатеринбурге и как раз к этому времени выпустил за своей подписью воззвание, касающееся вооруженных сил.

Это воззвание наделало большую бурю в правительстве, в армии и в военных кругах. Оно было составлено в обычных тонах и везде вызвало страшное негодование.

В этом воззвании было указано на то, что офицеры -реакционеры, что они восстановили погоны, что под этим видом снова готовится реакция или контр-революция.

Все эти темы были глубоко оскорбительны для всего офицерства, которое в своей массе вело борьбу с большевиками и не преследовало никаких политических целей".

**) Михайлов—министр финансов Сибирского правительства, был прозван насадителем мексиканских нравов в Сибири.

Состояние белогвардейской армии в первые дни существования директории по словам Колчака рисовалось в следующем виде:

— В самой армии были две стороны, которые довольно враждебно относились друг к другу.

— „С одной стороны была сибирская армия с бело-зелеными значками, создавшаяся на территории Сибири и с другой, так называемая народная армия, которая образовалась в Поволжьи. Между ними существовала открытая вражда, и это меня чрезвычайно печалило"...

Переворот 18 ноября.

Назначенный военно-морским министром Колчак производит об'езд фронта, который в это время проходил между Екатеринбургом и Кунгуром.

По словам Колчака, работа его на фронте разделялась на две части: одна заключалась в чисто техническом формировании сил, выяснении нужд и потребностей армии, другая в частных встречах и переговорах с высшими руководителями армии.

Эти переговоры были фактически нащупыванием почвы и сводились к выяснению отношения вождей белой армии к коалиционной директории.

„Все совершенно определенно говорили,—передает Колчак свои впечатления,—что только военная власть может теперь направить дело, что такая комбинация из пяти членов директории, кроме борьбы интриги и политической розни, ничего не даст и что в таком положении вести борьбу нельзя. Особенно резко говорил Пепеляев *). Послед-

*) Командующий Пермским участком фронта, брат расстрелянного совместно с Колчаком последнего председателя колчаковского совета министров. (Ред).

ний заявлял, что ему безразлично, кто будет вести дело войны, но из комбинации директории и Сибирского правительства ничего хорошего не выйдет.

Я видел Голицина, представителей полков, которые были на фронте, и общее мнение было солидарно с взглядом Пепеляева. Возражений против этого я никаких не встречал".

Во время об'езда Колчаком фронта в Омске подымалась волна черносотенного настроения. Особенно будировало казачье офицерство, которое усиленно готовилось к перевороту.

Учредиловцы ясно учитывали это создающееся положение, но сделать что-либо для противодействия назревающим событиям, были бессильны. По словам бывшего председателя с'езда членов учредительного собрания—Бурового: „С'езд членов Учредительного Собрания, находившийся в Екатеринбурге и обезоруженный еще „товарищами" Авксентьевым и Болдыревым оказался не в состоянии противодействовать перевороту" *).

Колчак вернулся в Омск за день до переворота. После приезда к нему стали являться многочисленные офицеры из ставки и представители от казаков, в числе этих офицеров знаменитый полковник Волков, Лебедев, Сурин, небез'известный палач Красильников и другие матерые волки колчаковской атамановщины.

„Они говорили мне определенно,—рассказывает Колчак, —что директории осталось жить недолго и что необходимо создание единой власти.

Когда я спрашивал о форме этой единой власти и кого предлагают на это место, мне указывали прямо:

— „Вы должны это сделать"...

**) *К. Буревой.* „Колчаковщина". Гос. изд. Москва 1919 г. (Ред.)

Переворот совершился 18 ноября в ночь с воскресенья на понедельник.

Ход событий по рассказам Колчака рисуется в следующем виде:

— „В 4 часа утра меня разбудил дежурный ординарец и сообщил, что меня просит к телефону глава Сибирского правительства—Вологодский. Было еще совершенно темно.

Вологодский сообщил мне по телефону, что сегодня вечером около 1—2 часов были арестованы члены директории: Авксентьев и Зензинов, кандидаты в члены директории Аргунов и Роговский и увезены за город. Он просил меня поскорее одеться и приехать в 6 часов на экстренное заседание совета министров.

После разговора с Вологодским я вызвал Розанова, который был начальником штаба верховного главнокомандующего—генерала Болдырева.

Я спросил:—знаете ли вы о том, что произошло в городе?

Он ответил:—„в городе полное спокойствие, раз‘езжают усиленные патрули, но никак нельзя добиться по телефону ни штаба, ни ставки, ни управления казачьими войсками, их телефон повидимому не действует“.

По пути на заседание совета министров я заехал к Розанову. К нему в то же время приехал Виноградов, с которым я затем поехал в совет министров. Виноградов сообщил мне, что ночью, повидимому, казачьими войсками на своих квартирах арестованы члены директории, но где они в настоящее время находятся, неизвестно. В городе все спокойно, раз‘езжают только казачьи патрули. Стрельбы и вооруженных столкновений не было“.

Колчак—верховный правитель.

В 6 часов утра открылось историческое заседание совета министров. Кроме постоянного состава, который был весь на лицо, присутствовали также лица в той или иной степени причастные к его деятельности.

В начале заседания Вологодский сообщил собравшимся, что ночью дом, где проживали арестованные, был оцеплен сильным раз'ездом 2-го Сибирского казачьего полка и частями красильниковского партизанского отряда. Этими частями были арестованы члены директории, которые по-видимому никакого сопротивления не оказали. В это же самое время на вокзал прибыла казачья часть, которая оцепила эшелон члена государственной охраны—учредиловца Роговского. Со стороны эшелона казакам не было оказано никакого сопротивления. Эшелон без всяких возражений сдал оружие и денежный ящик.

Кто-то из собравшихся сообщил, что арестованные члены директории находятся в здании сельско-хозяйственного института, за городской рощей, в том самом месте, где был расквартирован партизанский отряд Красильникова.

После этих сообщений началось обсуждение вопроса об отношении к перевороту и аресту членов директории.

Было высказано два мнения:

Одни находили, что факт ареста ничего не обозначает, ибо большинство директории—Болдырев, Вологодский и заместитель Чайковского—Виноградов остались на свободе.

Сторонники второго мнения находили, что директория ни в каком случае у власти оставаться не может—власть должна перейти к совету министров Сибирского правительства. Относительно арестованных сторонники второго мнения высказывались в таком духе: раз члены правительства

подверглись какому-либо аресту и не могли этому противодействовать, то тем самым они перестают быть властью.

Во время этих прений поднялся член директории—Виноградов и заявил, что при существующих условиях он слагает с себя обязанности члена директории. Когда ему было предложено оставаться в составе совета министров, он ответил:

— „Я свои полномочия слагаю и ухожу из состава совета министров".

После своего заявления он тотчас же покинул заседание.

Заседание продолжалось, ход его не был нарушен этим инцидентом.

Сторонники обоих мнений вскоре сговорились. Был поднят вопрос об об'единении военной и гражданской власти в одном лице. Когда у Колчака было спрошено его мнение, он ответил:

— «Я только что вернулся с фронта и вынес убеждение, что там полное несочувствие директории. Я являюсь сторонником высказанного только что мнения и считаю его единственным выходом из положения».

Вопрос проголосовали, и без всяких возражений он был принят.

Затем поднялся вопрос о кандидатуре. Были выставлены две кандидатуры: Болдырева и Колчака.

Вологодским было предложено Колчаку оставить зал заседания, чтобы дать возможность собравшимся иметь свободное суждение о его кандидатуре.

Колчак вышел.

Суждение продолжалось недолго, его вскоре пригласили в зал заседания, для того, чтобы об'явить ему, что он единогласно избран «Верховным Правителем».

Реакция торжествовала.. Руками офицеров ставки казачьих атаманов—Волковых и Красильниковых и т. д., при благословении интервентов, черноморский адмирал Колчак был посажен на престол верховного правителя. Поднятый на пьедестал матерой белогвардейщиной, он оставался все время своего властвования послушной игрушкой в ее руках. Хозяевами Колчака до самого позорного конца его были с одной стороны интервенты-союзники и с другой герои тыла—казацкие атаманы и атаманчики.

Первые шаги верховного правителя.

23 ноября Колчак издал манифест ко всем своим вооруженным силам:

„Офицеры и солдаты русской армии! в настоящий день решаются судьбы мира и с ними судьба нашей родины.

Великая война окончилась великой победой, но мы не участники на мировом ее торжестве; второй год мы, отказавшиеся от борьбы с историческим нашим врагом, немецкими бандами, ведем внутреннюю борьбу с немецким большевизмом, обратившим великое государство наше в разоренную, залитую кровью и покрытую развалинами страну, и вот теперь или, может быть, никогда решается вопрос о бытии независимой, свободной России или окончательной ее гибели.

Государство создает, развивает свою мощь и погибает вместе с армией; без армии нет независимости, нет свободы, нет самого государства. Старое государство российское умерло вместе со старой армией, когда она бросила фронт и обратила свое оружие на внутреннюю борьбу, но теперь начала возрождаться новая, молодая армия и с ней явилась надежда на возрождение и Родины нашей. В тяжких условиях полного растройства всех отраслей государственной

жизни, финансов, промышленности, торговли, железно-дорожного хозяйства идет работа создания живой силы государственной армии, но одновременно с этой работой идет непрерывная борьба на наших западном и южном фронтах: красная армия германо-большевиков с основой и примесью немцев, мадьяр, латышей, эстов, финнов и даже китайцев, *управляемая немецкими офицерами*, продавшими свою родину, предателями и изменниками, еще занимает большую часть России. Настало время, когда неумолимый ход событий требует от нас победы: от этой победы или поражения зависят наша жизнь или смерть, наше благополучие или несчастие, наша свобода или позорное рабство. Уже близок час великого суда международного конгресса мира, и если к этому часу мы не будем победителями, то лишимся права голоса на совещании народов—победителей и нашу свободу будут решать без нас.

От вас, офицеры и солдаты, зависит теперь судьба нашей родины. Я знаю тяжесть жизни и работы: наша армия плохо одета, плохо обута, с трудом прокармливается, ограничена в оружии и средствах борьбы, но Родина повелительно требует от всех вас великих жертв, великих страданий и, кто откажется от них теперь, тот не сын родине.

В час колебаний государственной власти и угрозы новой анархии я на свою совесть принял страшную тяжесть верховной власти, всю ответственность, с нею связанную перед родиной нашей.

Быть может это последняя попытка, последнее усилие, которые выполняются в передаче всей верховной власти в руки солдата, каким я являюсь. Передав мне верховную власть, правительство признало тем самым, что в эти последние часы жизни государства только вооруженная сила, только армия, явится спасением; все остальное должно

быть подчинено ее интересам и задачам, и я обращаюсь к вам с призывом помочь мне в достижении одной цели, одной задачи, для которой каждый из нас должен отдать все свои силы, знания, а когда надо, то и жизнь: создать дисциплинированную боеспособную армию русскую, способную дать родине победу, которая только одна может возродить, воскресить погибающее государство. Как ни тяжело наше положение, но мы не одни—*с нами братские чехословацкие войска и союзная героическая добровольческая армия генерала Деникина,* принявшего командование от покойного верховного главнокомандующего генерала Алексеева, партизанские и добровольческие отряды Бичераховых и Покровского и других, действующих на Северном Кавказе, *и пришедшие на помощь нашей родине отряды Великобритании,* закаленные в великой борьбе народов, с юга и севера помогают нам охватить германо-большевизм в железное кольцо, внутри которого он захлебнется в крови и грязи.

Я призываю вас сплотиться около меня, как первого офицера и солдата, сковать свои ряды воинской дисциплиной, отбросить мелкие личные счеты, интриги и вражду, уже приведшие нас однажды к гибели и выполнять честно свой долг перед родиной, с оружием в руках смыть тяжкий позор, на нас брошенный, очистить ее от предателей и врагов и создать в ней условия мирной и покойной жизни, и тогда временная верховная власть Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего могла бы передать судьбу государства в руки народа, предоставив ему устроить государственное управление по своей воле, воле свободного народа, достойного занять подобающее место среди великих государств.

Да поможет нам Господь Бог Всемогущий, которого многие из нас в годы великих испытаний забыли.

выполнить свои обязательства и долг перед родиной и принести труд наш к ее возрождению, счастью, свободе.

Подлинный подписал:

Верховный правитель и верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России *„Адмирал Колчак“.*

По распоряженню Колчака, как он сам заявил об этом на допросе, генералом Гайдой был разогнан с‘езд членов Учредительного Собрания. 20 ноября с‘езд, заседавший в Екатеринбурге в гостинице Пале-Рояль, был разгромлен офицерским отрядом. Нападение белогвардейщины на учредиловцев закончилось убийством эс-эра Моксунова и арестом Виктора Чернова, В. К. Вольского и других.

Их безусловно бы расстреляли, если бы не часть чехов, освободивших их возле Челябинска. Вскоре после освобождения все они пробрались в Советскую Россию.

Отношение чехов к перевороту было неодинаково. Часть их, в том числе Гайда, чехи, находящиеся в Уфимской губернии, определенно сочувствовали перевороту. По словам Колчака, в Уфе состоялось совещание членов учредительного собрания, на котором вопрос был поставлен таким образом, что надо соединиться с большевиками и начать общее наступление на восток. На это чехи по дошедшим до меня слухам будто бы ответили, что если члены Учредительного собрания войдут в сношения с большевиками, то они их всех перевешают.

Остальная часть чехов, отрицательно относившаяся к перевороту, не посмела открыто против него выступить, очевидно, под давлением союзников.

У Колчака вскоре после переворота состоялось свидание с представителями союзников:—англичанином *Уордом*, американцем *Гаррисом* и представителем Франции, а также членами чешского национального совета. Во время этого свидания он изложил им программу своих действий, кратко и сжато.

„Моя задача очень проста: снабжать армию, увеличивать ее и продолжать борьбу, которая ведется. *Никаких сложных реформ я не намерен предпринимать*. Я буду делать только то, что вызывается необходимостью, имея в виду задачу продолжения борьбы на нашем Уральском фронте".

Программа весьма ясная. Ни об учредилке, ни о национальном собрании в ней не упоминается ни единым словом. Колчак позабыл только прибавить один основной момент, который он и его приспешники усиленнее всего проводили в жизнь—жесточайший белый террор.

Вскоре после разгона с'езда членов Учредительного Собрания по приказу Колчака были произведены аресты среди уфимских эсеров. Было арестовано около 20 чел., в их числе с.-р. Девятов, редактор челябинской желтой кооперативной газетки меньшевик Маевский, представитель Уральского правительства—Кириенко и др. Часть из них была впоследствии зверски зарезана в Омске.

Комедия суда.

Вскоре после переворота Колчак и Вологодский решили устроить суд над участниками свержения и ареста директории. Вполне понятно, что этот суд не преследовал цели—наказать участников переворота, ведь не мог же Колчак судить тех, при помощи кого он стал Верховным Правителем и все время держался. Целью этого суда по

словам Колчака «было предать факт переворота гласности и путем открытого судебного разбирательства снять нарекание на лиц, совершивших его».

„Я сказал, заявляет на допросе Колчак, что никогда не допущу кары над этими лицами раз они это сделали и я принял все последствия на себя".

Из дальнейших показаний Колчака выясняется, что у устроителей суда была еще одна цель. Им хотелось, чтобы чрезвычайный суд, оправдав обвиняемых—участников переворота, вынес бы еще постановление о необходимости предания суду членов директории."

Колчак на допросе признается: «Нужно было в связи с чрезвычайным судом поднять вопрос о привлечении к судебной ответственности членов директории".

Наиболее серьезным обвинением, которое тяготело над ними—были переговоры по прямому проводу с Черновым, доказывающие о подчинении их в партийном отношении центральному комитету партии эсеров.

Эти переговоры вызвали страшное возмущение, какое же это правительство, когда оно находится в руках определенной партии и исполняет ее приказания. Это было „серьезное обвинение":

Но по целому ряду соображений члены директории суду преданы не были: тут был и нажим союзников, которым все же до некоторой степени было неудобно подставлять под пули своих прежних слуг и ультимативное требование прежних эсеров, а теперь министров Колчака.

Члены директории были торжественно усажены в экстренный поезд и под усиленным конвоем высланы заграницу. Перед от'ездом у них была взята подписка о том, что они не будут вести никакой анти-колчаковской агитации. Каждому из них была уплачена пенсия в размере *75.000—100.000* рублей.

Начальнику конвоя, сопровождавшего членов директории, были даны инструкции:

„При попытке с целью нападения на них или, наоборот, с целью освобождения их, действовать оружием без всяких разговоров“.

Колчак и Семенов.

Колчак усиленно готовился к Пермской операции.

Операция, по его словам, была связана с величайшими затруднениями в смысле снабжения, обмундирования и т. д.

Начались усиленные выклянчивания у представителя союзников, генерала Нокса. С Владивостоком, в котором находился генерал Нокс, шли напряженные, непрерывные переговоры по прямому проводу.

Во время этих переговоров знаменитый атаман Семенов, царствовавший в Забайкальской области, услыхав о предании суду исполнителей колчаковского переворота Волкова, Котонаева и Красильникова и не поняв сути дела, прислал Колчаку резкую телеграмму, в которой он требовал выдачи этих лиц в его распоряжение.

Оскорбленный в своих лучших чувствах, Колчак ничего не ответил.

На молчание Колчака забайкальский царек ответил перерывом прямого провода.

„Это была первая угроза транспорту с оружием и обувью“, рассказывает Колчак.—„Я просил Лебедева, который вступил в должность начальника штаба, вызвать по прямому проводу или Семенова, или начальника его штаба и выяснить вопрос, делается ли это умышленно или нет.

Лебедев получил ответ, что они попросту не желают с нами разговаривать.

Обдумавши этот вопрос и пользуясь тем, что я послал Волкова в Иркутск, я решил поручить ему организовать отряд и двинуться на Забайкальскую железную дорогу для того, чтобы обеспечить нам провоз наших грузов.

В отношении Семенова я тогда издал приказ, в котором его действия я считаю актом предательства и отрешаю его за это от должности.

Это был приказ, который знаменовал собой разрыв всяких сношений с Семеновым".

Дело, таким образом, приняло весьма серьезный оборот для белого лагеря. Неизвестно, чем бы эта история закончилась, если бы не вмешались союзники.

Французский консул Жаннен, который в это время приехал во Владивосток и находился на пути к Омску из Читы, предложил Колчаку подойти к прямому проводу.

„Он сообщил мне, рассказывает Колчак, что положение чрезвычайно обостряется в Забайкалье, так как командующий японской дивизией заявил ему (Жаннену), что не допустит никаких столкновений на линии железной дороги и что в случае, если я попробую ввести войска в Забайкалье, то японские войска вынуждены будут выступать против них. В связи с этим он рекомендовал мне быть очень осторожным и более спокойным. Решение этого вопроса путем вооруженной силы он считает совершенно невозможным".

Это заявление японцев, горою ставших за своего верного служаку—бандита Семенова, произвело, конечно, соответствующее впечатление на Колчака.

„Раз они заявляют", говорит Колчак, „что они со своими войсками выступят, то что же я мог сделать со своими жалкими средствами".

Конечно, ничего!

Против интервентов хорохориться нельзя было. Интервенты грозно цыкнули и господа Колчаки и Семеновы, звякнув шпорами, быстро спрятали свои продажные шпаги, отдав при этом честь своим хозяевам.

Восстание в Омске.

Невыносимый гнет Колчаковщины, зверства, чинимые ее прислужниками, неописуемая эксплоатация, бешеный разгул спекуляции—все это вместе взятое, делало свое дело.

Для измученных и отчаявшихся пролетариев—оставалось только одно—взяться за оружие, для того, чтобы или победить или с честью погибнуть.

Целый ряд восстаний в одно и тоже время прокатились по уральским и сибирским городам. Пролетарии Омска, Тюмени и др. городов, почти в одно и то же время взялись за оружие. Все эти восстания, эти взрывы беспросветного отчаяния были жестоко подавлены слугами Колчака. С восставшими не церемонились. Горами трупов, страшными пытками, не поддающимися описанию, истязаниями сопровождались эти подавления.

Резали, вешали, жгли, пороли...

Об'являли крестовый поход против рабочих. В некоторых местах форменным образом истребляли всех, имевших мозолистые руки, всех связанных с физическим трудом.

Особенной жестокостью отличается подавление Омского восстания. Ночь, во время которой произошло кровавое подавление восстания, по своим ужасам напоминала разве только историческую Варфаломеевскую ночь, во время которой в XVI веке во Франции озверелыми католиками были вырезаны инаковерующие гугеноты.

Допрос Колчака, касающийся этой знаменитой ночи, чрезвычайно интересен.

Алексеевский:—Во время вашей болезни произошло известное выступление в Омске. Как вы отнеслись к этому?

Колчак:—Приблизительно около двадцатых чисел февраля Лебедев сообщил мне, что имеет агентурные данные, говорящие о том, что в Омске готовится выступление ж.-д. рабочих и что движение идет под лозунгом советской власти. Но он большого значения ему не придавал, так как в Омске находится достаточное количество вполне надежных войск.

Алексеевский:—Никаких особых указаний вы по этому поводу не давали?

Колчак:—Нет, все делалось автоматически. Накануне выступления мне было сообщено Лебедевым по телефону, что арестован штаб большевиков в числе двадцати человек. Это было за сутки до выступления.

Член следственной комиссии **Попов**:—Он не доложил вам о судьбе членов арестованного штаба?

Колчак:—Он сообщил только, что они арестованы.

Попов:—А не сообщал он, что они на месте были расстреляны?

Колчак:—Они были расстреляны на второй день после суда.

Попов:—Определенно известно из всего делопроизводства и всех данных по г. Омску, что весь штаб был расстрелян при самом аресте на месте, часть его успела скрыться.

Колчак:—Я помню, они были расстреляны в день восстания.

Алексеевский:—Когда вы узнали о восстании, какие меры были приняты?

Колчак:—Лебедев прибыл ко мне в 11 часов с докладом, в котором сообщил, что благодаря аресту большевистского штаба, в Омске выступление не удалось, что все пе-

реносится в Куломзино. Там идет стрельба. У восставших имеются пулеметы, но артиллерии нет. Сейчас туда должны прибыть войска с артиллерией и он вскоре надеется подавить это восстание.

Затем Лебедев доложил мне, что вся тюрьма разбежалась, в числе бежавших были также арестованные члены Учредительного Собрания. Город об'явлен на военном положении, вечером должен начать функционировать полевой суд.

На другой день вечером я получил извещение о том, что Куломзино охвачено со всех сторон войсками. Часть мятежников бежала.

В эту же ночь Омское восстание было подавлено. Военно-полевой суд действовал быстро и непрерывно. Всех захваченных с оружием в руках расстреливали без всяких разговоров на месте. Расстреливались также и случайно попавшиеся под руку подавители. Было расстреляно огромное количество народу.

В ту же ночь были зарублены 8 членов Учредительного Собрания, в том числе Девятов и Кириенко. Несмотря на то, что они вскоре возвратились добровольно обратно в тюрьму, их не пощадили. По чьему-то приказанию они были вывезены из тюрьмы и обратно уже не вернулись.

Их тела были найдены на берегу Иртыша.

Против убийц, конечно, никаких мер принято не было. Это явно обнаружилось на допросе.

Алексеевский:—В дальнейщем вы выяснили какие меры были приняты и кто были виновные?

Колчак:—Все это дело велось военным прокурором. Я в это дело не вмешивался.

Алексеевский:—К чему пришло военно-судебное следствие?

Колчак:—Кто был инициатором этого и от кого исходило распоряжение, выяснить не удалось.

Тов. председателя следственной комиссии:—Упоминали ли вам фамилию Рубцова?

Колчак:—Я знаю, что Рубцов принимал участие в выполнении приговоров полевого суда.

Тов. председателя:—Из делопроизводства совета министров по делу этого расстрела и докладов Кузнецова выясняется, что некто Барташевский, придя в тюрьму, потребовал меня, Девятова и еще кого-то. Я был болен сыпным тифом, администрация тюрьмы отказалась выдать меня, итти же в барак сами офицеры, сопровождавшие Барташевского, не решались. Появился Рубцов, потребовал Девятова и Кириенко и оставил расписку в их получении. В докладе Коршунова и Кузнецова об этом говорится, тем не менее ничего не было предпринято?

Колчак:—Против Рубцова обвинений в расстреле не было, а было обвинение только в отношении Барташевского!

Тов. председателя:—Барташевский после ухода Кириенко, Девятова, выбрал еще 8 человек, не подлежащих военно-полевому суду, и пять человек приговоренных к бессрочной каторге и увел их. Все они были расстреляны на берегу Иртыша. Эти данные имеются в дознании Кузнецова и в заключении чрезвычайной следственной комиссии. Барташевский был тем не менее освобожден, как человек благонадежный под надзор Красильникова.

Колчак:—Ведь неизвестно где он был

Тов. председателя:—Барташевский сидел два месяца в тюрьме и затем был освобожден, как благонадежное лицо.

Колчак:—Мне это неизвестно.

Тов. председателя.—Как вы, верховный правитель, не поинтересовались судьбой фактического виновника?

Колчак:—Барташевский бежал, о его аресте мне ничего неизвестно.

Тов. председателя:—Было еще шесть офицеров из отряда Красильникова, фамилии их были найдены следственной комиссией, но никто из них арестован не был.

Колчак:—(Ответа не дает).

Тов. председателя:—Знаете ли вы, что Рубцов и Барташевский ссылались на ваше личное распоряжение?

Колчак:—Да, Кузнецов мне об этом докладывал.

Тов. председателя:—А что Барташевский был арестован, вы знали?

Колчак:—Нет, я считал, что он скрылся и уехал куда-нибудь на фронт и достать его будет невозможно.

Председатель:—Но в то же время вы говорите, что он пробрался на фронт, когда же он мог скрыться?

Колчак:—В первый день.

Тов. председателя:—Вы сказали—он скрылся и не мог быть допрошен?

Колчак:—Нет, он был допрошен и потом скрылся.

Тов. председателя:—Почему он не был арестован при допросе?

Колчак:—Кузнецов мне об этом ничего не говорил.

Тов. председателя:—Я с делом Барташевского знакомился по делам Омской тюрьмы. В нем состоялось постановление следственной комиссии о предании суду, а потом заключение в той же комиссии об освобождении его, как человека благонадежного.

Поручивши это дело следственной комиссии, интересовались ли вы его дальнейшим ходом?

Колчак:—Глава этой комиссии, Висковатов, мне несколько раз докладывал, когда находил это нужным. Поручивши Висковатову это дело, я совсем о нем забыл. Я был уверен, что больше ничего не могу сделать.

Конечно Колчак не мог. Не только не мог, но и не хотел. Это дело рук казацких атаманов, сделавших Колчака верховным правителем, точно также, как и все другие их темные деяния, не должно было быть раскрытым.

Допрашивающие продолжали разоблачать Колчака.

Тов. председателя:—Известно ли вам, что при убийстве членов Учредительного Собрания был убит ряд других лиц, таким же порядком без суда и следствия?

Колчак.—Я знал этот список, который мне был представлен. Я помню Маевского, Фомина.

Тов. председателя:—А расстрелы в Куломзине производились по чьей инициативе?

Колчак:—Полевым судом, который был назначен после занятия Куломзина.

Тов. председателя:—Известно ли вам, что по существу никакого суда не было?

Колчак:—Я знал, что действовал полевой суд, который назначался по подавлению восстания.

Тов. председателя:—Собирались три офицера и расстреливали. Велось ли какое-нибудь делопроизводство?

Колчак:—Действовал полевой суд.

Тов. председателя:—Вы, как верховный правитель, должны были знать, что на самом деле никаких судов не

производилось, что сидело 2—3 офицера, приводились по 50 человек и расстреливались. Конечно, сведений у вас не было!

Колчак:—Таких сведений у меня не было.

Тов. председателя:—Это знал весь город, а вы не знали.

Колчак:—Я знаю, что суд собирался и выносил приговоры.

Член комиссии Венике:—А не было вам известно, что в Куломзине практиковалась массовая порка?

Колчак:—Про порку я ничего не знаю.

Тов. председателя:—Известно ли вам, что лица, которые арестовывались в связи с восстанием, впоследствии подвергались истязаниям контр-разведки. Известно ли вам какой характер носили эти истязания? Что принималось военными властями и вами верховным правителем против этих истязаний?

Колчак:—Мне этого никто не докладывал и я считал, что этого не было.

Тов. председателя:—Я сам видел людей, отправленных в Александровскую тюрьму, которые были буквально сплошь покрыты и истерзаны шомполами. Известно ли вам это?

Колчак: Нет мне об этом никогда не докладывали.

Тов. председателя:—Известно ли вам, что делалось при ставке верховного главнокомандующего—адмирала Колчака и в контр-разведке при ставке.

Колчак:—Нет, я не могу этого знать.

Тов. председателя:—Не известен ли вам такой случай, когда один из 11 расстрелянных коммунистов дал свои попоказания, что он член комитета только потому, что подвергался пыткам путем выворачивания суставов рук и ног?

Колчак—Нет, я в первый раз это слышу

Расстрел Колчака.

Нет, ничего неизвестно, не докладывали, не слыхал—вот все ответы адмирала Колчака. Пред лицом следственной комиссии этот величайший преступник представился наивным, всеми обманутым дурачком.

Но обмануть трудовые массы, в крови которых строили свое благополучие Колчак и его приспешники, ему не удалось.

После девятидневного допроса кандидат в диктаторы „всея Руси", кандидат в преемники Николаю кровавому, был расстрелян совместно со своим премьер-министром Пепеляевым.

По поводу этого события Иркутский революционный комитет издал следующий приказ:

Всем, Всем, Всем!

Иркутск 7 февраля 1920 г. Обысками в городе обнаружены во многих местах склады оружия, бомб и пулеметов: по городу разбрасываются портреты Колчака.

С другой стороны генерал Бавский на предложение сдать оружие в одном из пунктов своего ответа, упоминает о выдаче ему Колчака и его штаба.

Все эти данные заставляют признать, что в городе существует тайная организация, ставящая своей целью освобождение одного из тягчайших преступников против трудящихся—Колчака и его сподвижников.

Хотя всякое открытое контр-революционное выступление обречено на неудачу, тем не менее оно может повлечь за собой ряд невинных жертв и вызвать стихийный взрыв возмущения масс, пожелающих положить конец такого рода попыткам.

Обязанные предупредить бесцельные жертвы и не допустить город до ужаса гражданской войны, а равно, основываясь на данных следственного материала и постановлений Совета Народных Комиссаров, об‘явившего Колчака и его правительство вне закона, Иркутский военно-революционный комитет постановил:

1. Бывшего верховного правителя адмирала Колчака
2. Председателя, министра Пепеляева расстрелять.

Лучше казнь двух преступников, достойных смерти, чем сотни невинных жертв!

Председатель Иркутского военно-революционного комитета **Ширяков**.

Члены: **Левенсон**, **Скоскаров**.

Управляющий делами **Оборин**.

Белый террор на Урале.

В то время, когда меньшевики и эс-эры, собравшись в екатеринбургском «Пале-Рояле», подобно глухарям, занялись спорами об Учредилке, о «чистой демократии», о «всеобщем прямом, равном и тайном голосовании», Колчак уже начал проводить реальную политику буржуазии. Находясь под влиянием умных буржуазных экономистов и политиков, он уясняет себе, что потеря Урала для него равносильна гибели и, что удержит он власть только в том случае, если ему удастся поселить антагонизм между рабочим классом и деревней.

Как ни мало существовала на Урале Советская власть, поскольку она еще была непрочна и несовершенна, деревенская беднота поняла, что спасение ее возможно только при этой власти. Кулаки же, наоборот, в этой власти видели своего исконного врага и, потому, как только колчаковцы занимали ту или иную местность, тотчас же начиналась дикая расправа кулаков с теми, кто так или иначе был связан с Советской властью.

Период отступления красных войск с Урала и захват его чехо-словаками нельзя отнести к периоду систематического белого террора. Это скорее была стихийная месть со стороны кулаческих элементов по отношению к тем, кто так или иначе участвовал в работах Советской власти. Колчаковским агентам оставалось только подогревать и провоцировать эти кулаческие настроения.

Материалы, относящиеся к тому периоду, рисуют ужасы картин дикой мести крестьян—кулаков по отношению к деревенской бедноте и рабочим. Так, „в одной из волостей Красноуфимского уезда кулаки, убив секретаря исполкома,

избив до потери сознания его семейство, убив двух старших сыновей и маленькую дочь, остальных заперли в угарную баню, где несчастные задохнулись. В том же Красноуфимском уезде, в Богородской и Алмазской и в прилегающих волостях, деревенское кулачье, арестовав человек 200 «большевиков» (так называли всех, работавших в в советских органах) убивали их вилами, косами, камнями, привязывали к хвостам коней и т. п. Оставшиеся в живых от нанесенных им ран, частью поумирали, частью остались свидетелями этих ужасов".*

Эти две картины не являются единичным фактом. Ужасы, подобные приведенным, творились в каждом уезде, и в каждой волости.

Протест против зверства и насилий только усиливал злобу реакции, приносил новые жертвы. „Демократические" изменники рабочего класса, протестовавшие против произвола большевиков, направленного на борьбу с буржуазией, молча смотрели на работу людей, подготовлявших почву для выдворения с Урала такой буржуазной диктатуры.

По мере отступления красной армии стихийный, дикий произвол по отношению бедноты и рабочих начинает приобретать организованные формы, устанавливается переходная граница от стихийных убийств, к систематическому, узаконенному белому террору.

К этому времени постепенно в Екатеринбург перебираются власти предержащие. С их приездом издаются приказы о создании добровольческих дружин при волостях и заводах, для «охраны спокойствия» граждан, а вслед за этим приказы о восстановлении земств, о превращении их в следственные комиссии и приказ о вылавливании всех большевиков и причастных к ним лиц для передачи в руки следственных комиссий.

*) Все цитаты взяты из материалов Екат. Ч. К.—Ред.

Если в первое время можно было чего-нибудь достичь с мольбами и слезами, то теперь участь попавших зависела только от одной личности, в лице коменданта, или самое большее от пяти человек, в лице следственной комиссии. возглавляемых опять-таки облеченным неограниченными полномочиями комендантом или назначенным последним, человеком.

Широко раскинулась по Уралу сеть комендатур, охватывая все наиболее значительные села и заводские центры и подчиняя себе добровольческую охрану.

С созданием комендатур были реорганизованы и самые способы этой расправы. «Число облав на большевиков крестьянами начало быстро падать, но зато число доносов со стороны комендантов и пятерок следственной комиссии быстро возрастало». В результате доносов производились облавы, при которых совершалось то-же, что делалось и раньше, с той лишь разницей, что теперь не деревенское кулачье убивало и разоряло приверженцев Советской власти, а это организованно проделывали добровольческие комендантские отряды и правительственная милиция. „Грабили все, что только попадалось под руку и для этого было достаточно одного подозрения, что это награблено за время службы в Совете. На награбленное вербовались и усиливались добровольческие отряды. Избитых, изувеченных, арестованных по доносам отправляли в следственные комиссии, но доставлялась только половина, а то даже и треть. Остальные оставались на дороге для торжественного „пира ворон". Но и доведенные до следственных комиссий лишены были какой-либо защиты со стороны свидетелей, ибо они всецело находились в руках коменданта, который приговор выносил в большинстве случаев в совершенно пьяном виде.

„Демократические земства" хотели придать следственным коммиссиям роль надклассовых судебных органов, но

что получилось? По „ряду протоколов можно точно заключить, что для расстрела и ареста было достаточно заявления одного лица, в котором говорилось бы, что тот или иной гражданин—ярый большевик, и только. Обвиняемого хватала комендантская свора, и он в большинстве случаев отправлялся к праотцам.

К этому же периоду, т. е. к периоду разгрома учредилки и после относится оффициальное введение порки. Пороли плетьми, шомполами, пороли мужчин, женщин и детей, женщин предварительно насиловали.

Скудные данные не дают возможности подвести полные итоги пострадавших от произвола власти, родившейся под прикрытием разглагольствований эс-еров и меньшевиков, но несмотря на это, с полной безошибочностью можно сказать, что *„в Екатеринбургской губернии было избито и подверглось порке не менее 20% всего населения.“*

Такое положение не могло не отразиться на психологии масс.

Начинают наблюдаться картины, когда часть населения, ждавшая белогвардейцев, как избавителей, от них отворачивается. К этому же периоду относится и разгром Учредилки. Меньшевики и, главным образом, эс-еры свою роль мостика для водворения контр-революции на Урале сыграли, теперь им можно было уйти.

Разогнав за ненадобностью Учредилку, Колчак усиливает власть и полномочия комендантов, с одной стороны и репрессии—с другой.

С этого момента начинается систематический белый террор, главным образом, обрушивающийся на революционные заводские центры.

Власть окончательно переходит к пьяным охранникам и комендантам. Заводы и фабрики начинают стонать от мук и боли под впечатлением творимых ужасов. Раздаются го-

лоса протеста, в ответ на это репрессии и сыск усиливаются. Помогают Колчаку, помимо комендантов и кулачества, вернувшиеся хозяева заводов и их управляющие. Протестующих изгоняют из заводов и передают в руки разгулявшейся контр-революции.

Рабочий класс Урала уже к этому времени начинает просыпаться от сладкой болтовни и представителей „революционной демократии", на репрессии оффициальной власти отвечает организованным протестом. Но эти попытки кончаются массовыми расстрелами: *один Верхотурский уезд с его заводами дает по разверстке буржуазии более 8 тысяч расстрелянных и замученных.*

Средства, с помощью которых буржуазия расправлялась со сторонниками советской власти, так разнообразны, что моментами удивляешься пытливости человеческого ума в этой области. Здесь есть все: „выкалывание глаз, обрезание ушей, носов, прокалывание штыками и главное, вырезывание половых органов. Наибольшую изобретательность в зверствах колчаковцы проявили в районе Кизеловских, копей.

Обреченных, приговоренных к смерти, приводили к краю шахты и тут их расстреливали. Раненые падали в шахты глубиною в 30-40 саженей и сверху на них армейцами добровольческих дружин сбрасывались большие камни.

Такая вакханалия продолжалась несколько месяцев. „Свидетели рассказывают, что *в Кизеловских шахтах погребено и завалено камнями до 2000 человек*, из которых *половина* была сброшена *полуживыми.* Один старый рабочий рассказывал, что долго стон стоял над шахтами, пока эти полуживые в ранах и муках, среди мертвых взывали о помощи, посылая проклятья на головы тех, кто до этого рисовал им демократический рай под сенью учредилки".

Руководителей и исполнителей этих ужасов было много, всех их перечислить трудно, но нельзя обойти молчанием двух палачей: князя Вяземского и подпоручика Ермохина. Первый свирепствовал в Кизеловском районе. Этот выродок дворянской крови одной рукой поглаживая учредиловцев, второй метил рабочим и крестьянам так, как говорил он, „чтобы черти могли под звуки стонов танцевать в аду“. Другой—Ермохин, правая рука коменданта города Екатеринбурга, Домантовича, свирепствовал в Екатеринбурге и в его уезде. Его работа может быть оценена тысячами бессловесных памятников вокруг столицы красного Урала—могильных холмов, в которых зарыты жертвы белого террора.

В своем бешенстве белогвардейцы не были одиноки, их во всем поддерживало духовенство, которое теперь получило возможность сыто есть и нагло обманывать свою паству. Во всех церквах, с высоты амвона, раздавалась анафема красным. Всюду шла травля и призывы выдавать большевиков и уничтожать красноголовых. Поощряя дикую расправу, они и сами не пропускали удобного случая, чтобы нанести укол оскорбившим их большевикам. Священники превращались в жандармов, сыщиков, писали доносы, ходили на обыски и на судах, в качестве свидетелей, доказывали, что подсудимый „ярый большевик“.

Где же в это время были люди, именующие себя „подлинной демократией“, где в это время были меньшевики и эс-еры, протестовавшие в тот момент, когда рабочие во время своего освобождения проводили насилие над буржуазией?

Что сделали меньшевики и эс-эры из того, что они обещали?

Реки пролитых слез, стоны умирающих в Кизеловских копях, десятки тысяч расстрелянных рабочих и кре-

стьян, стоны в тюрьмах, эвакуация заводского инвентаря, развалины дымящихся хижин бедняков, разрушенные заводы, расстрел пятисот человек, арестованных на Шадринских полях, расстрел восьмисот человек Екатеринбургских заключенных шадринской народной милицией в Тобольске, вот все, что из обещанного сделали меньшевики вкупе с эс-ерами и Колчаком за год своего существования.

Екатеринбургский Совет.

Екатеринбургский

Совет.

Великая Октябрьская революция призвала к власти рабочий класс.

Вот уже четыре года держит пролетариат в своих руках государственную власть и нет силы, которая могла бы вырвать ее у него.

Во главе восставшего против власти соглашателей народа в Октябре стояли питерские рабочие, питерский Совет, но не малую долю участия приняли в подготовке восстания и в организации широких масс и провинциальные советы.

Одно из первых мест среди них занимает Екатеринбургский Совет, с первых дней февральской революции поднявший знамя борьбы за переход всей полноты власти к Советам.

В рабочей революции Урала Екатеринбургский совет, екатеринбургские рабочие занимают почетное место руководителей и застрельщиков освободительного движения и история Екатеринбургского Совета есть одна из лучших страниц борьбы уральских рабочих. Осветить более широко и детально—дело дальнейшей работы Истпарта.

В настоящем очерке мы хотим несколько оживить те воспоминания, которые связаны с работой Екатеринбургского Совета с начала его организации по наш отход с Урала в 1918 году.

Начало сделано.

Необходимость создания в Екатеринбурге Совета рабочих и солдатских депутатов была очевидной с первых дней февральской революции, как только мы получили сведения о событиях в Питере, о свержении самодержавия.

Первое подробное сообщение о февральской революции Екатеринбург получил лишь 1 марта. Газетам запрещено было печатать сведения о революционных событиях в Петрограде, но массы уже знали, что им надлежит делать и готовились к упорной борьбе. 2 марта выпущена была первая оффициальная телеграмма по городу. Начались митинги и среди восторженных, но пустых слов о революции соглашателей и кадетов, члены партии большевиков готовили рабочих и солдат Екатеринбурга к организации своих классовых организаций Советов.

Бурные митинги в городском театре, когда в залы набивалось столько народа, что была опасность крушения верхних ярусов, собирали самую разнообразную аудиторию, но среди ее всегда преобладали рабочие и солдаты, жадно слушавшие свободное слово и горячо откликавшиеся на призыв к организации, к защите своих классовых интересов.

Солдатские массы, хотя и связанные еще старой дисциплиной, быстрее, чем рабочие Екатеринбурга, подошли к выборам Совета.

В первых числах марта созвано было общегарнизонное собрание уполномоченных от солдат и офицеров. В большом светлом зале 2-й женской гимназии впервые открыто столкнулись интересы старого офицерства, признавшего власть Временного Правительства и революционной солдатской массы, встающей на защиту своих кровных рабоче-крестьянских интересов. Последние победили и собрание решило организовать Совет солдатских депутатов.

Приказ по гарнизону дал указания о порядке выборов в депутаты Совета, избранные поротно, могли уже 8 марта собраться и выделить Исполком.

Не лишним будет провести историческую справку о составе исполнительного комитета этого первого солдатского Совета. В него вошли солдаты: Архипов, Васинский, Кривякин, Антонов, Иванов, Кудряшев, Петров, Бармошин, Доброклонский, Русаков, Худяков, Кузнецов, Левин, Попов, Ярцев, Седов, Козловский и офицеры: Сарафанов, Селянкин, Быков, Маурах, Арефьев, Лысенко, Старцев, Краснов, Сазыкин, и врач Кушелевский.

В Президиум Исполкома избраны были 11 марта: председателем Быков П. М. товарищем председателя Козловский А. М., секретарем Васинский.

Открыты были заветные двери „дворца"-дома магната Поклевского, где до сих пор жили приезжавшие в Екатеринбург губернаторы; скоро по роскошной мраморной лестнице пошли в Совет солдаты и рабочие в поисках путей к укреплению завоеваний революции.

На страже свобод.

Цензовая городская дума и местная буржуазная интеллигенция видела в революции „чудовище", которое может нарушить спокойную буржуазно-мещанскую жизнь сытых людей и для „защиты от погромов и беспорядков", они организовали „Комитет общественной безопасности".

Совет же солдатских депутатов стоял на страже свободы. Во временном наказе, принятом Советом в заседании 15 марта, задачи Совета формулированы так:

„Совет солдатских депутатов, как организация, об'единяющая все воинские части Екатеринбургского гарнизона, стоит на страже народных свобод и должен противодейство-

вать всем попыткам агентов старой власти к умалению этих свобод и к восстановлению старого режима".

И Екатеринбургский Совет не только стоял на страже, он ковал оружие, чтобы завоевания февральской революции расширить и закрепить за трудящимися.

Если в «Праздник Свободы», организованный городской думой 10 марта, молодой Екатеринбургский Совет только шел в ряду других организаций, играя второстепенную роль, то вскоре он вышел вперед, заслоняя своей работой деятельность кадетского „Комитета общественной безопасности".

Закреплению влияния Совета способствовали об'единение солдат и рабочих в единый совет.

Совет рабочих депутатов организовался к 19 марта и на первом об'единенном собрании советов рабочих и солдатских депутатов 23 марта был избран общий исполком, советы слились в одну мощную пролетарскую организацию, выражающую волю широких трудящихся масс города и воинских частей гарнизона.

На первом же собрании Совет выявил волю масс, высказавшись по вопросам войны и мира.

В своей резолюции, Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов, выражает полное доверие Петроградскому Совету и готовность поддерживать его всеми средствами, требуя от Временного Правительства решительных шагов к прекращению войны и заключению мира. Временное Правительство Совет „поддерживает постольку, поскольку" оно будет считаться с указаниями народа, об'единенного в Советах.

На первом же собрании, Совет сразу определяет свою роль среди других организаций, постановив ввести с 1 апреля 8-ми часовой рабочий день для рабочих и 6-ти часовой для служащих.

Это постановление Совета, бравшего под свою защиту весь пролетариат Екатеринбургского района, заставило насторожиться врагов народа и считаться с Советом, как с сильной и авторитетной организацией.

Путь к миру.

Февральская революция, сломив крепостнические устои царского самодержавия, не уничтожила классового господства буржуазии, и бессмысленная жестокая бойня народов, продолжалась, унося из рядов трудящихся новые и новые жертвы.

Стремление к миру среди солдатских масс было велико. Когда избранные Советом на 1-ое Всероссийское Совещание Советов в конце марта, делегаты Екатеринбурга собирались уезжать в Питер, части войск подошли к Совету и вместе с приветствием дали делегатам наказ добиваться скорейшего заключения мира.

Всероссийское Совещание Советов в своей работе прошло под влиянием эсеров и меньшевиков. 12 апреля делегаты Екатеринбургского Совета, делая доклад в Совете о работе совещания, отметили, что они, как представители революционного Екатеринбурга, голосовали за резолюцию большевиков, поддержанную меньшинством совещания. В этой резолюции от Временного Правительства требовалось определенных шагов к скорейшему заключению мира на основе отказа от аннексий и контрибуций. Большинство совещания увлечено было соглашателями, затягивающими войну в угоду нашей и мировой буржуазии.

Вопрос о заключении мира был отодвинут на задний план, но Екатеринбургский Совет по прежнему твердо держался своей революционной, интернационалистической линии и в каждом удобном случае подчеркивал свое стремление к скорейшему заключению мира.

Соглашатели срывают единство рабочих и солдат.

Между тем значение Совета и в самом Екатеринбурге и в районном-областном масштабе начинает крепнуть Екатеринбургский Совет представляет центр для всех советов местностей, тяготеющих к Екатеринбургу. На него возлагаются задачи разрешения конфликтов между предпринимателями и рабочими, он становится сильной организацией, способной вести за собой массы.

Но первые дни революции и общего революционного „под'ема" прошли. Все настойчивее и откровеннее становятся на общих собраниях речи меньшевиков и эсеров, чаще происходят прения-схватки между последовательными революционерами-большевиками и соглашателями. Мало сознательная масса солдат уже колеблется в своих решениях. качнувшись в сторону демагогов-соглашателей, но неизменно и твердо держится рабочая часть Совета. идя за своей классовой партией —партией большевиков.

В борьбе с соглашателями проходит большая часть деятельности Совета. Совет еще представляет единую организацию и пресекает все попытки врагов революции к организации. Благодаря работе Совета, удается направить в русло обще-революционных интересов движение эвакуированных, стремившихся под влиянием соглашателей к срыву советской работы и переходивших подчас к погромно-антиреволюционным действиям, разрушены попытки офицерства об'единиться в свой совет депутатов и т. п.

Новое в работу Совета внесли эшелоны солдат г Ачинска, прошедшие через Екатеринбург, сбившие памятники старого режима, гербы и медали с вывесок, порвавшие царские портреты. Их настроением воспользовались

темные силы и угроза погрома повисла над городом. Только благодаря напряженной работе членов Совета и исполкома, удалось авторитетом Совета удержать массы от „учета“ товаров в магазинах и „улучшения“ продовольственного положения путем стихийного погрома.

Совет решил взять на себя общее руководство продовольственным делом и выделил специальные комиссии для регулирования этого дела.

1-е мая —первое свободное первое мая, было торжественным праздником екатеринбургских пролетариев. По почину Совета многие десятки тысяч встали под революционные красные знамена и прошли пред советом депутатов, как сплоченная революционная сила.

Это было высшим достижением Екатеринбургского Совета первого состава. Участие в праздновании военнопленных, агитация за братание солдат на фронте и неизменная линия отрицательного отношения Совета к войне и временному правительству, заставили меньшевиков, эсеров и кадет прибегнуть к попытке развалить большевистски-настроенный Совет, пользуясь контр-революционной активностью комитета эвакуированных, озлоблением офицерства и несознательностью солдат.

10 мая некоторые части войск, команда эвакуированных и др. подошли со знаменами партии эсеров к городскому театру, где заседал Екатеринбургский Совет. Оффициальные ораторы „правительственных“ партий меньшевиков и эсеров выступили в Совете с наглой клеветой против большевиков, членов Совета и Исполкома. Ораторам же большевиков не давали говорить. Кричали, свистели и шумели агенты соглашателей, заполнившие верхние ярусы и сцену театра. На улице с балкона теми же ораторами такими же приемами обработывались стоявшие на площади солдаты. У солдат создалось впечатление, что большевики

—это люди, у которых карманы туго набиты деньгами, украденными из народной кассы, которые хотят закабалить весь трудовой народ, продав его немцам и т. п.

В этой тяжелой атмосфере Совет должен был вынести постановление о перевыборах.

Первый революционный период Екатеринбургского Совета закончился.

Перевес солдатской части Совета дал в Исполкоме большинство соглашателям, и работа Совета потеряла прежнюю окраску боевой интернационалистской революционности.

Работа остановилась.

Новая полоса в работе Екатеринбургского Совета, в дни, когда Исполнительным Комитетом и общими собраниями руководили соглашатели, не богата событиями. Большие и значительные в жизни всей страны события, отзвуки которых докатывались до нас из центра, не захватывали Екатеринбургский Совет.

Большевики, на время устраненные от руководства Советом, перешли, главным образом, на работу по революционному воспитанию масс и интернационалистской агитации среди них. Военный отдел партийного комитета вел усиленную работу в войсках, привлекая на свою сторону солдатскую массу.

Организовался Екатеринбургский Окружной Совет депутатов, которому суждено было взять на себя работу в обще-уральском масштабе.

Угар, нагнанный меньшевиками и эсерами на солдатскую часть Совета, быстро начал проходить. Вопросы войны и мира стояли слишком остро и в конце мая при новом обсуждении Советом вопроса о войне и временном пра-

вительстве, вновь намечается уклон массы депутатов Совета в сторону большевиков и распад соглашательского блока.

Чтобы вырвать из Совета лучших работников—большевиков, кадетское офицерство, блокирующееся с эсерами и меньшевиками, путем демагогических выступлений в частях войск, снимает большевиков с работы для отправки на фронт. Но последнее редко им удается, так как общие собрания Совета по настоянию большевиков берут под свою защиту необходимых работников.

Работа Исполкома Совета за два месяца выразилась лишь в том, что он „принимал" дела старого Исполкома, да „намечал" план работы нового.

Основная работа, все же ведется в рабочей части Совета, в конфликтной комиссии, которая авторитетно разрешает все столкновения между предпринимателями и рабочими.

Июльские события.

Июльские события в Питере оживили Екатеринбургский Совет, тем более, что благодаря довыборам и перевыборам депутатов отдельных частей, Совет пополнялся представителями революционных солдат—большевиков и сочувствующих им.

На собрании Совета 8 июля, хотя и принимается резолюция эсеров, осуждающая выступление питерского пролетариата и гарнизона, но соглашателям уже необходимо вводить в нее лозунги большевиков, чтобы удержать за собой массы. В принятой Советом резолюции говорится и о доверии социалистам из Временного Правительства и признается в тоже время необходимость перехода всей власти Советам депутатов.

Но вожди соглашателей не могут уже держать в своих руках массу и бегут перед ее требованиями. 14 июля, когда на собрание Совета в городской театр пришли солдаты, сорокалетники и те же эвакуированные, которые два месяца назад „свергали" большевистский Совет, большевикам приходится брать руководство собранием в свои руки, чтобы предотвратить погром и начавшееся уже избиение соглашательских членов Совета.

26 июля большинством Совета снова принимается резолюция фракции большевиков, а на общем собрании Совета 31 июля председателем собрания избирается большевик, прапорщик Быков, бывший председателем Совета.

Многие ярые противники большевиков уже склонны признать лозунг перехода всей власти Советам и по некоторым вопросам идут вместе с рабочей частью Екатеринбургского Совета, состоящей за небольшим исключением из большевиков.

Петроградские события 3 июля разрядили атмосферу и дали возможность большевикам шире развернуть свою работу в Совете, оказывая влияние на политическую жизнь города и на дела екатеринбургского гарнизона рабочих, и служащих.

Снова под большевистское знамя.

Наглое выступление в конце августа приверженцев самодержавия под руководством генерала Корнилова еще больше революционизировало трудящиеся массы Екатеринбурга. Рабочие Урала, в том числе и рабочие Екатеринбурга, на попытку царского генерала захватить в свои руки власть ответили однодневной забастовкой, прекрасно продемонстрировав свою революционную солидарность. Екатеринбургский Совет выносит определенную резолюцию,

требующую от Временного Правительства гарантий в обеспечения добытых свобод и призывающую солдатские и рабочие массы Екатеринбурга к защите завоеваний революции и дальнейшей борьбе за власть советов.

Политика Временного Правительства явно контр-революционная, созыв „Государственного Совещания“ и все попытки умалить роль и значение в жизни страны советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов вызывают протесты Екатеринбургского Совета.

Возвращение делегатов Екатеринбурга с Государственного Совещания в Петрограде, их доклады в Совете и в районах, вновь ставят массы Екатеринбурга под лозунг: «Вся власть советам». Открывается кампания за перевыборы совета.

Перевыборы Екатеринбургского Совета, происходившие в течение октября, дали в Совете значительный перевес фракции большевиков.

Октябрь.

Среди большинства екатеринбургских эсеров и меньшевиков продолжают царить соглашательские стремления. Однако, в отношении к вопросу о захвате власти Советами они и в Екатеринбургском Совете и на Екатеринбургском окружном с'езде Советов шли вместе с большевиками. Делегаты, выбранные на второй Всероссийский с'езд советов, ехали, чтобы сказать там решающее слово уральских рабочих о захвате всей полноты власти советами.

Первое собрание переизбранного Екатеринбургского Совета, совпавшее с открытием Всероссийского с'езда Советов—25 октября, первые принципиальные голосования показали, что Совет уже окончательно изжил соглашательство и идет единодушно в борьбе за власть.

В резолюции, принятой на этом заседании, Совет шлет приветствие Всероссийскому с'езду и выражает твердую уверенность, что с'езд, сильный поддержкой всей страны, возьмет власть и твердой рукой поведет русскую и международную революцию к новым победам и к миру.

Первые сообщения о падении власти соглашателей и буржуазии и перехода власти Советам были встречены Екатеринбургским Советом восторженно.

26 октября является одним из лучших исторических дней в жизни Екатеринбурга.

Исполнительный Комитет Совета, получив сообщение об установлении Советской власти в Питере, об'явил себя единственной властью в городе, избрал особую комиссию по охране города, отстранил от должности комиссара Временного Правительства, закрыл кадетскую газету «Зауральский Край», заполнявшую свои страницы лживыми сведениями о событиях в Питере и созвал вечером в городском театре заседание Екатеринбургского Совета с представителями партийных, профессиональных и других рабочих организаций.

На этом собрании впервые произошла демонстрация единства Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Представители совета крестьянских депутатов и их с'езда пришли на собрание, чтобы выразить свою солидарность с революционным пролетариатом.

Единение всех ораторов по вопросу о передаче всей власти Советам вызывало бодрое настроение и уверенность в окончательной и близкой победе над контр-революцией.

Закрепление завоеваний.

Население Екатеринбурга встретило сообщение о переходе власти в руки Советов наружно спокойно. Городская дума на сообщение городского головы о событиях в

Петрограде ответила гробовым молчанием, только почтовики, обманутые директивами своих контр-революционных центров, пытались саботажем нарушить связь Екатеринбургского Совета с Питером, но и это им не удалось.

Силы контр-революции, с помощью тех же эсеров и меньшевиков, не желавших принять на себя «ответственность», вошедших в Исполком только для информации, организовывались тайно, и для борьбы с ними Исполком Совета выделил 1 ноября Военно-Революционный Комитет. Оставшиеся верными буржуазии, соглашатели вкупе с кадетами и черносотенцами вели в массах агитацию против Советской власти, избрав мишенью для нападений ВоенРевком, будто-бы захвативший власть, тогда, как она должна принадлежать только Советам.

Первые недели прошли в напряженной работе по раз'яснению массам смысла происходящих событий и созданию прочной основы для строительства нового строя. Митинги и беседы в казармах, на фабриках и заводах с участием членов Екатеринбургского Совета устраивались ежедневно.

21 ноября был организован «День Совета», с грандиозной демонстрацией в честь Советов. Этот день показал, что симпатии рабочих и солдатских масс всецело на стороне Совета и его руководителей—большевиков.

23 ноября упраздняется Военно-Революционный комитет и единственной властью в городе об'является Городской Совет депутатов.

Строительство власти.

Новые условия работы Исполкома Совета потребовали новой организации и из его состава выделено было бюро из пяти товарищей, которое фактически и вело всю работу.

В срочном порядке шла организация в рабочих районах, создавалась красная гвардия, готовая во всякое время выступить для вооруженной защиты Советской власти.

Выборы в учредительное собрание должны были показать соотношение революционных сил и в предвыборной агитации. Совет принимает близкое участие, посылая в уезды солдат—агитаторов из организованных в полках землячеств, для агитации за список последовательных революционеров—большевиков № 6.

В течение первого месяца Исполкомом организуются отделы военный, финансовый, по борьбе с контр-революцией. В области продовольственной принимаются меры по борьбе с спекуляцией и взвинчиванием цен. Работа рабочего отдела значительно расширяется, благодаря поступлению массы дел от рабочих отдельных предприятий. Работа ведется, как по разбору конфликтов рабочих с предпринимателями, так и в области проведения в жизнь в предприятиях рабочего контроля.

Неурядицы на центральной электрической станции заставляют Совет вынести постановление о конфискации электрической станции с передачей ее в ведение города и организацией управления ею заводским комитетом.

Екатеринбург—центр революционного Урала, по прежнему представляет уездный город Пермской губернии, а старая саботажница, Пермь, все еще держит комиссаров Временного Правительства, рассылающих по губернии приказы о неподчинении власти Совнаркома. В заседании 6 декабря Совет, по вопросу об организации губернской власти, принимает резолюцию, в которой заявляет, что никакой другой власти кроме власти Совнаркома в центре и Советов Р. С. и К. Д. на местах он не признает и призывает всех солдат, рабочих и крестьян губернии не считаться с кучкой самозванцев, помощников Дутова, Каледина и других врагов народа.

Работа развертывается.

Забастовка екатеринбургских педагогов, руководимых контр-революционным Уральским педагогическим союзом открыто вступившим на путь борьбы с Советской властью, вынудила Екатеринбургский Совет приступить к организации новой школы, изгоняя из нее отживших бюрократов, давая место новым свежим учительским силам.

Декреты Совнаркома и приказы отдельных комиссариатов давали Совету определенные задания, выполнить которые в местных условиях работы, при саботаже старых чиновников и отсутствии опытных и преданных советской власти людей, было тяжело.

Значительной победой в этом направлении была организация финансового дела, с национализацией банков, конфискацией ценностей в сейфах и организация комиссариата юстиции.

Последняя работа должна была нарушить весь старый аппарат царского суда и в первую очередь создать революционный трибунал, который уже 17 декабря в первом заседании в В.-Исетском театре судил убийц красно-гвардейца.

Солдатская часть Совета требовала специальной работы среди военных частей, по разрешению вопросов с отпусками, с увольнением эвакуированных, больных, с организацией выборов командного состава.

Развитие работы требует средств и Совету приходится прибегать к обложению местных капиталистов, что дает солидные суммы, необходимые для работы Совета.

Палки в колесе.

Вся эта работа, однако, проходит не в спокойной обстановке мирного строительства, а в условиях постоянной

борьбы с темными силами, в том или ином виде встающими на дороге Совета.

Предстоящий созыв Учредиловки вновь окрыляет надежды меньшевиков и эсеров на совместное и беспечальное житье с кадетами, при каждом удобном случае пытаются они сунуть палку в колеса советской работы.

В заседании 13 декабря Екатеринбургский Совет подчеркивает это обстоятельство и твердо говорит, что кадетам, принимавшим активное участие в организации корниловщины, калединовщины и дутовщины, не должно быть места в Учредительном Собрании. В наказе членам Совета, Сосновскому и Крестинскому, избранным в Учредилку, Совет предлагает вести в Учредительном Собрании революционную работу по укреплению завоеваний Октябрьской революции. Путь Октябрьской революции, путь политической деятельности Совнаркома должен стать путем и Учредительного Собрания, как путь не устранения и ослабления власти Советов Р. С. и К. Д, а укрепления и утверждения этой власти, как единственно возможной и единственно народной.

«Вся власть Советам, говорит Екатеринбургский Совет, мир народам. Земля народу. Контроль рабочих над производством и открытый путь к социализму,—иного пути для Учредительного Собрания мы не признаем».

Екатеринбургские правые эсеры пытаются организовать восстание против Советов и надеются поднять массы в защиту Учредилки, которая, конечно, лозунгов, подобных лозунгам Екатеринбургского Совета, принять не может и должна умереть. Арестованные главари эсеров предаются 17 января гласному суду Совета депутатов, который и клеймит их позорным клеймом, как предателей интересов рабочих и крестьян, как организаторов контр-революцион-

ных выступлений и решает организацию эсеров в Екатеринбурге закрыть.

Анархисты, до сих пор не пытавшиеся выступать открыто, делают попытку проявить активность и захватывают малое здание б. коммерческого собрания вооруженной силой. Прогнав оттуда посетителей клуба, отобрав у них деньги, они поднимают над клубом свое знамя. Подобные действия, конечно, не могли быть терпимы, и Совет дает приказ организации анархистов очистить клуб и сдать награбленные деньги. Анархисты пытаются сопротивляться, но, под угрозой разгрома силами красной гвардии, с позором уходят из здания клуба.

Выступление анархистов и разгром ими клуба, дало основание Совету вообще закрыть старые буржуазные клубы.

В большом новом здании б. коммерческого собрания Совет берет себе помещение с необходимым для собраний залом, столовой и канцеляриями.

Собрание Совета созывается чаще в связи с событиями на южном Урале.

Борьба с южно-уральской контр-революцией.

Гадина контр-революции уже с осени выползла из оренбургских степей и зимой банды атамана Дутова появляются на склонах Урала.

Брестский мир, эта новая язва на теле молодой Советской России, заставляет и Екатеринбургский Совет, признавая мирный договор неизбежным, готовить массы к новой войне с захватчиками. По призыву Совета встают под ружье добровольческие отряды, которые вливаются в молодую Красную армию. Но отправка отрядов на западный

фронт, конечно, невозможна. Дутовщина требует новых сил для борьбы на более близком фронте и наши отряды идут для защиты подступов к Уралу.

Наступает героический период работы Совета. Рабочие злоказовцы, депо, верх-исетцы готовы бросить работу для вооруженной борьбы за Советы.

Местная буржуазия притихла и радуется, видя грозовые тучи над Уралом. Для изыскания средств Совет накладывает на местных капиталистов контрибуцию в 10 миллионов рублей, но собирает всего 2 миллиона, которые и идут на укрепление Красной армии.

Отправка на Дутовский фронт первых отрядов, составленных из лучших екатеринбургских рабочих, носила торжественный характер. У здания Совета после горячих речей руководителей Совета и комиссаров частей вооруженные рабочие давали клятву умереть на подступах к Екатеринбургу.

Скоро появились и первые жертвы. 31 января Екатеринбург торжественно хоронил красноармейцев первых отрядов, павших в боях с бандами Дутова.

Контр-революция двигается на Екатеринбург и Екатеринбургский Совет всю свою работу направляет на охрану завоеваний Октябрьской революции.

Чехо-словаки.

Первый пролетарский праздник в Советской России, праздник международной солидарности трудящихся—1 ое мая, в 1918 году, представлял собою грандиозную демонстрацию трудящихся. Совет взял в свои руки организацию праздника и многие тысячи трудящихся Екатеринбурга пошли за знаменем Совета, демонстрируя свои боевые силы.

А эти силы Совету были необходимы. К бандам контрреволюции, закрепившейся на южном Урале, присоединились чехо-словаки, захватившие Челябинск. Угроза фронта приблизилась к Екатеринбургу.

Совет, недавно переизбранный, становится боевым штабом Екатеринбургских рабочих и на собрании 29 мая выносит постановление о мобилизации части Совета и екатеринбургских рабочих на фронт для поддержки Красной армии.

Призыв—пример Екатеринбургского Совета увлекает заводские советы и отряды уральских рабочих, сплачиваются в надежные боевые части в борьбе с чехо-словаками и белогвардейцами.

Мобилизация для окопных работ местной буржуазии дала рабочую силу для устройства укреплений с целью защиты Екатеринбурга.

Перевод из Тобольска в Екатеринбург Николая Романова и его семьи обостряет борьбу на фронте, увеличивая жажду контр-революционеров взять Екатеринбург.

Один за другим падают заводы Урала, попадая в руки белогвардейцев, все ближе подвигается фронт к Екатеринбургу.

Ухудшается положение на других фронтах, и Екатеринбургу грозит участь Челябы, Самары и Сызрани.

Контр-революция внутри Екатеринбурга слаба, но и она пытается поднять голову и 12 июня делает попытку к выступлению. Белогвардейцы вооружают эвакуированных инвалидов, чтобы ударить в спину екатеринбургских рабочих. Своевременно принятые Советом меры пресекают в корне выступление.

Чтобы заставить местных контр-революционеров сидеть смирно, Совет берет в заложники представителей местной буржуазии и буржуазной интеллигенции, готовой поддержать контр-революцию в ее выступлении против Совета.

Советы не победить.

Неизбежность оставления Екатеринбурга становится очевидной. Совет начинает эвакуировать ценности банков и другое государственное имущество и семьи коммунистов.

Члены Совета, в подавляющем большинстве коммунисты, становятся под ружье и формируются совместно с другими коммунистами города в особый отряд.

Текущая работа Совета отходит на задний план и члены Совета, во главе с председателем т. Чуцкаевым, занимаются «военным строем», готовясь к активной борьбе с контр-революцией.

В этих боевых приготовлениях быстро бегут дни. День падения Екатеринбурга приближается. Силы контр-революционеров подходят уже с двух сторон—от Челябинска и со стороны Кузино.

В ночь на 25 июля Екатеринбургский Совет, как честный капитан гибнущего корабля, последним уходит из города и с одним из последних отрядов отступает к Перми.

Героический период работы Екатеринбургского Совета закончился. Многие члены Совета и екатеринбургские рабочие пали на подступах к Екатеринбургу, на склонах Красного Урала.

Только после года упорной борьбы вновь знамя Совета взвилось над Екатеринбургом.

Строительство советской власти пошло по новому пути хозяйственного строительства, борьбы с разрухой и экономического возрождения Урала.

Екатеринбургский Совет стал трудовым штабом уральских рабочих.

Строительство Красной армии на Урале.

По запискам т. Березина.

Советы не победить.

Неизбежность оставления Екатеринбурга становится очевидной. Совет начинает эвакуировать ценности [illegible] и другое государственное [illegible] города.

Члены Совета, в подавляющем большинстве коммунисты, [illegible] оружие и формируются совместно с дру[illegible] города в особый отряд.

Совет уходит

[illegible]

[illegible] 26 [illegible] уходит на [illegible]

[illegible] ится. [illegible]

[illegible] ного Урала. [illegible]

[illegible] Екатеринбург [illegible]

Строительство [illegible]

[illegible]

[illegible] ского [illegible]

[illegible] Екатеринбургский Совет [illegible]

„На наковальне войны мы выковали нашу Красную армию“.

Троцкий.

Подавить, разрушить старое—задача тяжелая, но еще тяжелее на обломках старого и разрушенного создать новое жизнеспособное.

В военном деле мы к этому созиданию были призваны декретом о создании на местах военных комиссариатов.

Но места, как это часто случалось, не учитывая всей спешности и важности быстрого создания вооруженной силы пролетариата, не торопились. Поэтому В. Ц. И. К. вынужден был отдать следующее обращение всем губернским, уездным и волостным советам рабочих, крестьянских и казачьих депутатов.

„Создание вооруженной силы требует в качестве первого условия наличности хорошего налаженного аппарата военного управления на местах. Декретом 8 апреля центральная советская власть всем губернским, уездным и волостным советам приказала создать на местах комиссариаты по военным делам в составе трех членов при непременном участии одного военного специалиста. Между тем до настоящего времени большинство советов не провело в жизнь указанного декрета. Во многих местах существуют бесформенные военные отделы, до сих пор не введенные в рамки военных комиссариатов. Не мало и таких мест, где задачи местного военного управления не выведены из советских органов общего управления“.

Предписание давало недельный срок—под личной ответственностью председателей советов для создания военных

комиссариатов. Такая спешность вполне понятна: в мае 1918 г. мы уже имели дело с восставшим чехо-словацким корпусом и должны были вести борьбу, продолжая организацию армии. Развита была неимоверная работа и были достигнуты колоссальные результаты.

———

Восточный фронт фактически является первым нашим фронтом, где военная организация была поставлена на должную высоту, построена по требованию военной науки.

Следуя требованиям жизни, мы отказались от добровольчества и перешли к принудительной системе комплектования—мобилизации.

Вот как обстояло дело с самого начала.

Громадное количество красных добровольцев не имело вовсе понятия об оружии, которым приходилось бороться. К инструкторам, посланным из центра, относились с крайним предубеждением. Отдельные отряды под предводительством своих начальников часто не исполняли общих приказов и проявляли склонность действовать в бою самостоятельно.

В Уфе вся вооруженная сила организовалась в боевые дружины всеобщего народного вооружения. Солдаты этих дружин назывались „боевиками". По существу это была та же Красная гвардия со своеобразной организацией и управлением.

Во главе дружин стоял опытный боевик и партийный товарищ—А. Кадомцев, имевший практику в организации боевиков еще в 1905 году. Убедить его в нецелесообразности организации этих дружин—могла только жизнь.

В состав дружин входили, главным образом, рабочие заводов. Элемент это был безусловно хороший, сознательный, но совершенно не подготовленный к военному делу, без внутренней организации, средств передвижения, питания и связи. Начальник отряда, как и начальник штаба каждого

отряда были такие же рабочие, не имевшие самых элементарных сведений об управлении войсками в бою.

Интересная, но печальная картина получилась при столкновении с врагами. Когда отрядам был отдан приказ занять боевой участок, выставить сторожевое охранение, держать связь по фронту и в глубину, то оказалось, что обо всем этом дружинники и понятия не имели. Шли кучками вперед, при малейшем шорохе или своем же выстреле, открывали беспорядочный огонь, стреляли без цели, не видя противника. Соседи их, не имея связи, воображали, что это чехо-словаки—и начинали отступать.

Под Миассом 2-го июня пришлось буквально расставлять каждого солдата в цепи, раз'яснять, как двигаться вперед, как держать себя во время наступления или перестрелки. И все же, когда два чехо-словацких полка повели наступление и показались правильно наступающие цепи противника, с дисциплинированным ружейным и пулеметным огнем, боевики не выдержали и отхлынули.

С первых же столкновений они поняли сами, что разрозненные кучки вооруженных людей—не военная сила. Поэтому, когда был отдан приказ—об'единить все отрядики в один,—с правильными ротными подразделениями, когда были назначены командиры из военных во главе с т. Малышевым и начальником штаба офицером генерального штаба—боевики радовались. Они поняли, что им не хватает знания и учились охотно и с жаром.

Прошло немного времени—и этот отряд рабочих стал творить чудеса храбрости в борьбе с превосходящими силами неприятеля. Надо впрочем сказать, что в этом отряде были лучшие элементы из заводских рабочих.

Гораздо хуже обстояло дело с Пермским отрядом, который, хотя и имел ротную организацию, но состав его был разношерстный, малосознательный, и тоже впервые взявший

в руки винтовки. Этот отряд, по количеству самый крупный, в боевом отношении никакого значения не имел и разбежался при первых же выстрелах.

В нем была произведена самая строгая чистка: были влиты боевики, сменены начальники и, благодаря этому, дух его значительно поднялся.

Не лучше обстояло дело с отрядами и под Самарой. Во время наступления чехо-словаков, когда Волга была в полном разливе и не было никакой переправы, кроме одного моста, для защиты которого требовалось немного хороших бойцов, отряды, имея пулеметы и артиллерию позволили чехо-словакам взять мост без боя.

Все эти факты свидетельствовали о том, что победителями нам при такой военной организации не выйти. Лучшие сознательные бойцы гибли почти без пользы из-за отсутствия правильной военной организации, управления и аппаратов снабжения.

Было ясно, почему центр так настойчиво требовал создания военных комиссариатов и формирования Красной армии по единой системе.

В лучших—сравнительно с другими—условиях находились части Уральского военного округа, действовавшие против чехо-словаков в районе Екатеринбург—Челябинск.

В большинстве своем они уже имели полковые об'единения, хотя еще далеко не законченные.

До первых боев с чехо-словаками по данным Уральского военного округа в районе Кыштым-Уфалейском (Челябинск—Екатеринбург) всего в отрядах было 2169 штыков, 38 пулеметов, 2 орудия и 63 конных.

За время боев от 27 мая по 11 июня все эти части потеряли почти половину своего состава, но дрались прекрасно.

После первых же боев сами солдаты (3-го и 7-го

Уральского полка) единогласно заявили в своем постановлении следующее:

„1) Для установления порядка и дисциплины необходимо немедленно упразднить комитеты—их время прошло;

2) Запретить митинги и собрания, каковые разрешить имеет право, если необходимо, военный комиссар и то в часы вполне свободные;

3) Привести в действие полевые суды (реввоентрибуналы), чтобы преступники—дезертиры и изменники видели, что их наказывают не на словах, а на деле;

4) Заботиться о питании, обуви и снабжении;

5) Назначить начальников из опытных военных людей до взводных командиров включительно".

Такие требования очень характерны, но они появились в результате горького опыта и неудач на фронте.

Первая мобилизация были об‘явлена декретом В. Ц. И. К. 12 июня 1918 года. Были призваны рабочие и неэксплоатирующие чужого труда крестьяне 51-го уезда—Уральского. Приволжского и Западно-Сибирского военных округов. В Питере и Москве мобилизовали рабочих.

По существу эта первая мобилизация не дала на востоке никаких результатов. С получением декрета о мобилизации, штаб округа, при участии членов высшей военной инспекции быв. полк. Стогова и тов. Свикке, выработал до мелочей весь план мобилизации, но в жизнь провести его не удалось.

Но все-таки с изданием этого декрета этап добровольчества в Красной армии надо считать законченным.

Одновременно с этим был положен предел и отрядной системе.

Говоря прямо—это было спасение армии, ибо дело и в смысле оперативного руководства и в смысле управления войсками—обстояло в этот период так плохо, что на победу

рассчитывать было нечего. Все, кому не лень, командовали или считались главнокомандующими, главковерхами и т. д. Но почти никто из этих „командующих" не знал, где, сколько и какие у него войска.

Работали без плана, без системы, без связи, —„кто в лес, кто по дрова".

В это время у нас не существовало управления войсками в стратегическом и тактическом отношениях. У нас не было в то время ни централизующего органа, ни единой воли полководца, могущего „обнять обстановку в целом и соответственно ей поставить цель операции и направление в ее развитии". (Леер).

Мы все знали цель нашей войны, знали, за что боремся, знали, что необходимо разбить врагов на голову, уничтожить их, но мы не умели выбирать и комбинировать средства. Это обошлось нам дорого и, главным образом благодаря тому, что нам пришлось строить армию, созидать ее и в то же время воевать, не теряя минуты.

Когда высшая военная инспекция или, лучше сказать, тов. Подвойский и военрук, бывший генерал Николаев, хотели упорядочить оперативное управление войсками на восточном фронте и создать единство в командовании, справиться с этой задачей оказалось почти невозможным. Тогдашние главкомы не думали кому-либо подчиняться, считали себя вполне независимыми и самостоятельными. Также независимо вели себя и все начальники отрядов, которые, в свою очередь, оперировали и жили по своему.

Большинство этих главкомов не имело почти никакого понятия о стратегии и тактике. Так, например, весь штаб главнокомандующего Оренбургско-Уральского фронта тов. Яковлева состоял из него, начальника штаба и ад'ютанта. Все остальные были личной охраной. Когда захотели проверить, где и какие части у них действуют, какие пункты

занимают,—оказалось, что ни главком, ни начальник штаба этого не знали.

Далее выяснилось, что начальник штаба анархист, что он все время ведет агитацию против Советской власти. В этом заключалась вся его работа, а об военных операциях он не имел никакого понятия. Его, конечно, арестовали.

Под Екатеринбургом дела в смысле управления войсками обстояли несравненно лучше. Общими операциями здесь руководил Уральский Окружной Комиссариат во главе с военкомами: Голощекиным и Анучиным, при военруке—бывшем генерале Надежном.

Зато управление войсками, действовавшими под Омском, было очень своеобразно.

Еще 26 мая 1918 г. Омским областным исполкомом был создан „военно-революционный штаб", которому была передана вся власть. Но в это же время существовал и западно-сибирский военно-оперативный штаб. Оба штаба—с председателями. Наконец, 8 июня был образован еще штаб пароходной флотилии, председателем которого избрали тов. Окулова.

Пункт 3-й протокола заседания этого штаба 8 июня 1918 г. гласит: „Штаб ответственен перед собранием, состоящим из трех членов: 1) одного от всех советских исполкомов, 2) одного от военно-революционного штаба, 3) одного от западно-сибирского военно-оперативного штаба.

В распоряжении этого штаба находилась флотилия в составе 17 пароходов. Командующим флотилией был назначен т. Роберт Эйдеман.

В это время в отрядах, действовавших в Сибири, существовали еще выборные начальники. Все оперативные вопросы решались на общих заседаниях штаба. Разношерстность штабов, необ'единенность, отсутствие директив центра и оперативного руководства, паническое настроение

и шаткость положения диктовали необходимость железной рукой принять те или иные меры для упорядочения, для создания единства командования.

Товарищи, прибывшие из Сибири, в самых мрачных красках рисовали ее положение.

Дело продовольствия организовать было некому. Точных данных о силах противника и даже своих никто дать не мог, так как боевых соприкосновений почти не было. Отряды отступали по разным направлениям, действовали различно и никакому учету не поддавались. Всякая связь отсутствовала и трудно было предвидеть, где и как можно будет установить фронт.

13 июля Уральский областной комитет Р. К. П. созвал совещание, на котором участвовали представители областного комитета Р. К. П., областного комитета левых эс-эров, представители областного совета, военные комиссары Уральского военного округа, представители военной инспекции и члены средне-сибирского военного округа.

Совещание пришло к заключению, что необходимо создать единый орган оперативного управления на Урале и в Сибири, и что только таким образом возможно будет принять кое-какие меры по упорядочению положения, неожиданно создавшегося на Урало-Сибирском фронте.

Это историческое совещание решило об'единить все отдельные участки фронта под общим названием „Северо-Урало-Сибирский фронт“ и во главе поставить коллегию из командующего и двух членов. Должность командующего была предложена тов. Берзину, а членами коллегии назначены: военный руководитель уральского округа б. генерал Надежный и военный комиссар округа тов. Анучин.

Первым делом молодого штаба было связаться с центром, чтобы информировать его и получать необходимые директивы.

В это время высшим руководящим оперативным органом Советской Республики считался Высший Военный Совет, образованный 4 марта 1918 года. Задачей его было создание вооруженной силы путем всеобщего военного обучения и вооружения трудящихся.

Как только в Екатеринбурге был создан первый об'единяющий оперативный штаб, Высшему Военному Совету был отправлен доклад о положении дел в Сибири и на Урале.

Ответа В. В. С. на этот доклад не было получено. В это время уже начал работать другой орган—оперативный отдел Московского окружного комиссариата по военным делам, переданный в ведение Народного комиссариата.

Но события на востоке развивались столь быстро, что ограничиваться полумерами в борьбе со всей сибирской контр-революцией значило—потерять все завоевания октябрьской революции. Необходимо было думать не только об организации частей Красной армии, но и о разумном управлении ими, о достижении победы. На фронте параллельно шли: борьба и организационная работа.

В центр сыпались отовсюду запросы, просили помощи и указаний. Было ясно, что для руководства операциями, для управления войсками Республики, необходим авторитет и так как на очереди дня стоял вопрос о борьбе с чехо-словаками, то в первую очередь и был создан Революционный Военный Совет Восточного фронта.

Главнокомандующим всем фронтом против чехо-словаков назначили Муравьева.

Назначение это—из тюрьмы на пост главнокомандующего—для многих было непонятным и странным, но разбираться в этих вопросах ни приходилось. Важно было одно: создан высший, об'единяющий и связующий орган.

22 июня 1918 г. в разговоре по прямому проводу

Муравьев сообщил тов. Берзину, что Совет решил все действующие на восточном фронте войска свести в 4 армии.

«Первая армия под командой Харченко действует в Симбирском, Сызранском и Самарском направлениях.

Вторая армия, под командой Яковлева, расположена на Уфимском и Оренбургском фронтах. Войска действуют в Самарском и Челябинском направлениях.

Третья армия „северо-уральского фронта, под командой Берзина, и особая армия, под командой Раевского, действуют в Саратовском и Уральском направлениях.

Штаб фронта и главное управление снабжения находятся в Казани„.

Таким образом проводилась полная централизация как командования, так и снабжения и формирования.

Создание первого фронтового органа управления войсками сразу заставило себя почувствовать. Получены были указания и установлена связь с руководящим. оперативным центром.

Для характеристики этого этапа развития Красной армии могут служить несколько телеграмм штаба фронта, устанавливавших порядок подчиненности и связи с войсками.

«Высший революционный совет приказал все сводки за день присылать ему, строго соблюдая порядок подчиненности, а также заставить отряды доносить своим командирам.

Наблюдается, что все, даже мелкие группы войск, посылают свои сводки непосредственно в Москву. Таким образом нарушается порядок и даже дезорганизуется дело с точки зрения оперативного управления. № 100. Главком Муравьев. Наштаб фронта Оглоблин».

Очень характерна телеграмма, обращающая внимание на тогдашний способ ведения войны по железным дорогам:

„Война по железным дорогам должна быть кончена. Последний способ войны развращает войска, заставляет их

обленивается и делает неспособными переносить боевую походную обстановку. Кроме того, путь страшно загромождается эшелонами, мешающими подвозить подкрепления, разного рода снабжение на поля сражения,—а потому, приказываю: все войска высадить из поездов на исходных пунктах, откуда намечаются те или иные боевые действия. Составы же все передать в глубокий тыл в распоряжение комиссариата путей сообщения.

Разрешается иметь по линии железной дороги только поезда штабов армии, блиндированный и снабжения.

Штабы армии, одновременно с отдачей приказания о переброске той или иной части войск, через нас обращаются с требованием к железнодорожным властям о подаче составов.

Меру эту провести во что бы то ни стало.

Войска должны быть немедленно высажены. Неповинующимся эшелонам нужно об'яснить нелепость ведения войны по линиям ж. д. и об'явить, что дороги служат только для подвоза подкреплений и снабжения.

В случае неповиновения, принять строгие и решительные меры и, как правило, установить раз навсегда следующее: если какая нибудь часть самовольно уходит с фронта, то для этой части запретить давать паровозы, бригады, но останавливаться перед разборкой путей, стрелок и т. д., о чем уведомить железнодорожную администрацию. Всем войсковым начальникам озаботиться о снабжении войск всем необходимым для походной жизни, главным образом небольшими обозами и организацией службы связи.

Жду донесений о результатах данного приказа № 147. Главком—Муравьев. Политический комиссар—Благонравов. Наштаб фронта—Оглоблин".

Получены были в конце июля и директивы переформирования отрядов в штатные единицы

„Согласно приказа Наркомвоен, все отряды партизанского, добровольческого характера переформировать в полки. а полки перевести в дивизии, согласно красноармейским штатам. За полками оставить старые названия отрядов. Нумерация начнется с первой армии, а потому представьте спешно сведения о числе отрядов батарей, отдельных эскадронов, сотен и их составов. Не обращайте внимания на количество штыков в отряде, пусть будут сформированы роты и батальоны такого-то полка, а когда придут маршевые роты для пополнения, тогда развернитесь до нормы, согласно штата. Этому переформированию подлежат все отдельные безымянные батареи и эскадроны, которые будут носить также нумерации артиллерийских и кавалерийских полков, хотя бы пришлось им быть в однобаттарейном или эскадронном составе.

Подробности получите дополнительно. Главнокомандующий Муравьев“.

Надо сказать, что новый северо-урало-сибирский фронт развил чрезвычайно энергичную работу по упорядочению фронта. Первым делом было снятие легких отрядов, сбследование каждого района инспекторами фронта, назначение подходящих командующих (военрук и два комиссара). Работа в этом направлении быстро подвигалась вперед.

В докладе, посланном 22 июня Высшему Военному Совету и главкому, мы читаем:

„Организация штаба закончена. Все отделы работают, оперативные отделы ведут тщательную сводку всех частей и отправляют сводки по всем направлениям. Разведывательным отделом разослан целый ряд агентов для организации, разведки на местах. Контр-разведкой послан целый ряд агентов в расположение противника.

Путем опроса пробившихся сквозь цепь неприятеля,

собирается целый ряд ценных сведений о расположении противника. Топографическое отделение при содействии местного областного комиссариата земледелия, изготовляет ряд карт района действия фронта. Отдел связи наладил в помещении штаба фронта телеграфную станцию с аппаратами всех систем. В настоящее время речь идет об установке радио-станции.

Инструкторский отдел штаба фронта, помимо высылки инструкторов на фронт, тщательно проверяет каждую прибывшую или сформированную часть.

Весьма интересную работу совершает политический отдел фронта во главе с т. Фейрабендом, который привлек к делу всех политических работников областных комитетов партии коммунистов и левых эс-эров.

Агитационное бюро ежедневно посылает по всем направлениям тысячи газет, брошюр, воззваний. Имеется специальный отдел агитации среди военно-пленных и отдел воззваний к чехо-словакам, который изготовил уже свыше полутора миллиона прокламаций для разброски с аэропланов. Такую разброску начнем на днях.

Политическая агентура широко развита в следующих направлениях: при каждом военруке 2 политических комиссара, на всех крупных узловых станциях жел. дор. имеются политические представители.

Помимо этого, партийные комитеты разослали целый ряд агитаторов в те районы, которые им указаны политическим отделом штаба фронта.

При штабе фронта имеется центр-разведывательный отдел, работающий в полном контакте с Ч. К. Штаб фронта ведет работу согласованно с областным комиссариатом, имея в составе коллегии по управлению фронтом уральского окружного комиссара Анучина и военрука Надежного. Во главе отдела снабжения стоит т. Стогов, который пред-

принял ряд мер к правильному снабжению по установленной норме действующих частей. В настоящий момент снабжение идет через соответствующие отделы окружного комиссариата, но приняты уже меры к созданию чисто фронтовых органов снабжения.

Выработан проект создания фронтовой автомобильной мастерской и полевого конского депо, так как фронт сильно нуждается в коннице, которой в прибывающих частях нет.

Проект предусматривает депо на 1700 лошадей. В настоящее время в Красноуфимском уезде происходят частичные реквизиции конского состава, преимущественно в тех частях его, где на днях происходило восстание против Советской власти.

Штаб фронта регулирует продовольственный вопрос.

Паническое настроение в местах, занятых противником для нас довольно благоприятно. Все показания единодушно говорят, что никогда идея советской власти не была так лучезарна, как тогда, когда широкие массы рабочих и крестьян ее лишаются.

Это дает нам твердую уверенность в том, что как только наши части перейдут в наступление, в тылу у противника вспыхнет широкое восстание. Командующий фронтом—Берзин. Помощник командующего—Болицкий".

Вновь созданный штаб в оперативном отношении был действительно поставлен по требованиям войны.

Благодаря тому, что на Урале с первых же шагов привлекли военных специалистов, Красная армия быстро оформилась и пошла по правильному пути в смысле организации.

Урал в этом отношении опередил другие фронты, и потом. У первого реввоенсовета восточного фронта не было утвержденных положений с указанием прав и обязанностей комфронта и членов коллегии.

Нам самим надо было находить формы управления войсками, устанавливать соответствующие взаимоотношения между командующим, членами и комиссаром.

2-го июля были получены две телеграммы об измене главнокомандующего Муравьева.

Одну из них мы приводим:

„Всем, всем, всем.

Главнокомандующий армией против чехо-словаков, Муравьев прибыл в Симбирск, оцепил совет, об'явил о своем об'явлении войны Германии и потребовал поддержки совдепа. Совдеп, ознакомившись с действиями Муравьева, распорядившегося снять войска и двинуть на Вятку, Саратов, Балашев, даже Москву через Пензу, единодушно отказал ему в поддержке, после чего Муравьев тут же застрелился. Все его войска по приказанию командира Тухачевского возвращены на прежние места для продолжения наступления на прежних позициях против чехо-словацких банд.

Войска, охранявшие Муравьева беспрекословно подчинились совету, сознав свое заблуждение. Кровопролития не было. Наступило успокоение.

Работают единодушно коммунисты с левыми эс-эрами, не принимавшими участия в авантюре Муравьева".

13 июля Аралов передал следующую телеграмму за № 02008.

„Декретом Совнаркома генштаба тов. Вацетис назначен главнокомандующим фронтом. Тов. Данишевский назначен членом Революционного Военного Совета. До приезда тов. Вацетиса командование сохраняется в таком виде, как оно установлено тов. Механошиным".

Но к штабу по прежнему относились недоверчиво, Берзин при первой же встрече заявил Вацетису:

«У вас штаб черный, как смола, а сидят в нем белогвардейцы и неспособные люди. Далеко с таким штабом не уедете».

„К сожалению, ответил Вацетис. Но штаб сформирован не мной, а я еще не успел произвести основательную чистку. Да и работников у меня нет. Дайте мне их".

Так что не было ничего удивительного, когда этот штаб при сдаче Казани открыл винтовочный и пулеметный огонь по своему главнокомандующему, дравшемуся в силу создавшихся условий во главе латышских стрелков на улицах города. Неудивительно, что вчерашние штабные служащие надели сегодня белые повязки и вместе с чехами пошли против красных.

После сдачи Казани от этого первого полевого штаба восточного фронта ничего не осталось, кроме самого главкома Вацетиса. С адъютантами и несколькими солдатами Вацетис прибыл на пароходе в Пермь. Начальник штаба фронта Майгур остался для работ в Свияжске. Член реввоенсовета Данишевский очутился в Вятке.

Так после двукратной измены кончил свое существование первый высший орган управления войсками на восточном фронте.

Но как ни печально кончил свое существование первый полевой штаб, идея необходимости оперативного руководящего органа на фронте осталась непоколебима. На развалинах умершего штаба вырос новый штаб восточного фронта, сумевший взять дела в руки и добиться победы.

После создания реввоенсовета восточного фронта надо было сделать следующий шаг. Жизнь требовала безотлагательного создания мощного, авторитетного, законодательного, оперативного органа для всех действующих армий.

В центре это учли и 2-го сентября 1918 г. Всерос-

сийский Центральный Исполнительный Комитет Советов об'явил следующее постановление:

„Лицом к лицу с империалистическими хищниками стремящимися задушить Советскую Республику и растерзать ее труп на части, лицом к лицу с поднявшей желтое знамя измены российской буржуазией, предающей рабочую и крестьянскую страну шакалам империализма, Центральный Исполнительный Комитет советов, рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов постановляет.

Советская Республика превращается в военный лагерь. Во главе всех фронтов и всех военных учреждений Республики становится Революционный Военный Совет с одним главнокомандующим.

Все силы и средства Социалистической Республики ставятся в распоряжение священного дела вооруженной борьбы против насильников.

Все граждане независимо от занятий и возраста: должны беспрекословно выполнить те обязанности. какие будут на них возложены Советской властью.

Поддержанная всем трудовым населением страны рабочая и крестьянская Красная армия раздавит и отбросит империалистических хищников. попирающих почву Советской Республики.

Всероссийский Ц. И. К. постановляет настоящее свое решение довести до самых широких рабочих и крестьянских масс, обязав все сельские, волостные и городские советы, все советские учреждения вывесить его на видных местах. Председателем Революционного Военного Совета единогласно назначается тов. Троцкий.

Главнокомандующим всеми фронтами назначается тов. Вацетис.

Последствия и значении этого постановления в борьбе с врагами Советской власти—колоссальны. Возникновение

революционного военного совета Республики с одним главнокомандующим всеми вооруженными силами имело значение не только в деле строительства Красной армии, но и в организации победы над врагами.

Реввоенсовет Республики, особенно председатель его, тов. Троцкий, самыми крутыми мерами искоренил расхлябанность и неорганизованность, научил ценить значение боевого приказа и неуклонно соблюдать установленные порядки.

Наша молодая Красная армия встала на ноги и пошла вперед твердым уверенным шагом, преодолевая на пути все препятствия.

30 ноября 1918 г. последовало постановление ВЦИК об учреждении верховного органа военного управления — Совета рабоче-крестьянской обороны под председательством тов. Ленина.

Этот орган окончательно решает вопросы по обороне Республики.

Его созданием завершена основная работа по управлению вооруженными силами снизу и до верху.

Мы начинали строить Красную армию с низов и кончили верхами.

И то, что постройка была произведена так удивительно быстро, об'ясняется энергией, возможной только в минуты опасности.

ВОСПОМИНАНИЯ

[illegible]

[illegible] Ленина.

[illegible] вверх. [illegible]

Мы [illegible]

[illegible]

Печатаемые ниже заметки представляют собой далеко несовершенную попытку дать представление о рабочем движении на уральских заводах в революционные (отчасти и в предреволюционные) годы путем бесед с товарищами, ранее работавшими на местах, теперь являющимися руководителями советской и партийной работы в Екатеринбурге.

К сожалению, спешность издания, а главное чрезвычайная загруженность работой всех, с кем составителям сборника приходилось беседовать, не позволимо должным образом осуществить задуманное. Но мы считаем необходимым занести на страницы записок об истории рабочей революции на Урале, даже те отрывочные, часто случайные, плохо между собой связанные сведения, данные нам между делом, походя, людьми, которые предпочитают делать истории вместо того, чтоб ее писать.

По уральским заводам.

Алапаевский завод.

Заведующий теперь Екатеринбургским губернским отделом управления т. Соловьев в октябрьские дни работал на Алапаевском заводе. Как и все полупролетарское население Урала, Соловьев в 80 и 90 годах работал и на пашне и на заводе. Во всем Алапаевском районе исстари существовало общинное землепользование. В общину входили, как местные крестьяне из бывших крепостных, так и мастеровые из пашенных крестьян.

Завод постоянно стремился наложить лапу на крестьянские земли. Споры из-за земли вызвали среди крестьян завода особенное волнение в 1901—1903 г.г., привлекшее к себе внимание первых революционных работников из слушателей Кунгурского и Екатеринбургского технических училищ, а также учителей добровольцев.

В 1903 году создается первый кружок социал-демократов искровцев, в который входит и Соловьев.

Кружок бысто изжил полосу увлечения „экономизмом", чему способствовало, конечно, приближение революции 1905 г. К этому времени революционная работа кружка оформилась и проявилась в ряде политических демонстраций.

Когда схлынула волна 1905 г. Соловьева провокационно судили, как организатора шайки поджигателей, но оправдали и он жил на севере, а затем в 1908 г. вернулся на завод.

Там приходилось работать в одиночку среди крестьянства, не имея никакой связи с партийными центрами. Только в дни империалистической войны, вернее, перед са-

мым падением самодержавия ему удалось наладить эту связь и получить литературу, которую он распространил в Алапаевском заводе, частью в Высокогорском районе и частью в Лысьве.

В конце и 1916 г. и начале 1917 г. в Алапаевском районе всюду замечается усиление недовольства режимом идет стихийная организация революционных кружков, которые стремятся установить связь с партийными ячейками.

Первые известия о падении самодержавия были получены 7-го марта 1917 г. на многолюдном сходе, собранном по поводу мобилизации лошадей для царской армии.

В первый же день все старые партийные работники создали ядро Р. С. Д. Р. П. (большевиков). Одновременно же началась работа по созыву Совета Рабочих Депутатов. Не без труда было отвоевано для него здание у заводов управления.

Душой партийного ядра был Александр Иванович Дугин.

Партийное ядро целиком прошло в Совет, который хотя и не был у власти оффициально, но с первых же дней фактически производил давление и на заводоуправление и на органы буржуазной власти. Местные эс-эры вскоре создали крестьянский комитет, но он не пользовался популярностью, потому что заводские эс-эры были левыми, сильно с большевиками не спорили, и работа Совета подавляла его

Первые же выборы в волостное земство дали большинство большевикам. Первым председателем земства был Смольников, а заместителем Григорий Павлович Абрамов, теперь покойный (убит).

Вооруженной силы на заводе не было, но милиция находилась под начальством т. Соловьева и была целиком предана Совету.

Октябрь на заводе прошел совершенно спокойно.

Об'единенный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов создался только к январю 1918 года. С левыми эсерами отношения были хорошие. Но, когда после 4-го с'езда Советов они настаивали на разделе оружия, Совет, не смотря на то, что их было большинство, им оружия не дал. Назревало столкновение, но так как крестьянство было за коммунистов, эс-эрам пришлось отказаться от своего желания завладеть оружием.

С. Л. Новоселов.

Лысьва.

Октябрьских событий в форме, в какой приходилось наблюдать их во многих местах Советской России в Лысьве не было.

Еще за долго до октября, с начала организации Советов, несмотря на запугивание Временного Правительства и его угрозы казаками и посылкой комиссаров, не удалось вырвать власти у Совдепа Лысьвы.

В марте 1917 года в Лысьвенском Совете еще были меньшевики и с.-р. Но даже и тогда большинства за собой эти партии не имели и теряли чем дальше тем больше те крупицы влияния, которыми они пользовались у рабочих масс. К моменту октябрьского переворота в Совете их уже оставались только единицы.

К октябрю близкая к Лысьве Пермь представляла собою меньшевистский лагерь, и Лысьвы там называли „Уральским Кронштадтом", так как своими организованными действиями она способствовала укреплению большевистских партийных организаций не только Лысьву, но и всего Урала. К моменту октября Лысьвенская партийная организация насчитывала свыше 2000 человек. Из них руководи

телями и организаторами первой ячейки были Белобородов, Страутман, Янсон, Даниленко-Борисов, Буханов, Ермаков и Кадык.

Небезинтересно будет отметить один факт, характеризующий отлив рабочих масс от соглашательских партий.

В первые дни октября в Перми происходило уездное земское собрание.

Первое известие из Питера о захвате власти большевиками побудило организовать там Временный Революционный Комитет, в который от большевиков входили—Белобородов, Кузьмин и Толмачев. Но сразу же стало видно, что с меньшевиками и с.-р., так резко отрицательно относившимися к большевикам и подготовлявшими почву для из'ятия их из Перми и разгона их организации, работать будет трудно. Между прочим, на земском с'езде, с.-р. предлагали исключить большевиков из состава с'езда.

При таких условиях работы, через несколько дней после создания ревкома большевики вышли из него и стали вести самостоятельную работы по установлению подлинной советской власти на заводах Урала, оставив временно реакционную Пермь на волю соглашателей.

Зачатки организации Красной армии были заложены в Лысьве, в январе 1918 года. Лысьва дала 2 боевых роты которые участвовали на Ялуторовском фронте и в походе по Уралу. После занятия Екатеринбурга в июле 1918 года для защиты Урала Лысьва с'организовала целый полк. В него влилась вся партийная организация. Полк состоял на 80% из коммунистов.

Лысьва начинала эвакуироваться 5 раз но всякий раз героизм рабочих отстаивал ее. И только на 6 раз, 6 декабря 1918 года большевики вынуждены были покинуть Лысьву до июля 1919 г., когда она вновь была занята нами. С падением Лысьвы было предрешено падение Перми.

Гражданская война выхватила из революционных рядов Лысьвенских рабочих много лучших товарищей.

Вот имена некоторых лысьвенцев погибших за дело пролетарской революции: *Струтман-Ян* погиб на улице Риги; младший брат его *Струтман-Христиан*—погиб в Оренбургских степях при походе на Дутова. *Шибанов*—рядовой рабочий Лысьвенского завода—погиб на Кузинском направлении; *Барабанов* расстрелян белогвардейцами при отступлении из Чердыни и целый ряд товарищей, имен которых не запомнить и количества которых не сочтешь.

К. С. Семяриков.

Верхне-Туринский завод.

Население Верхне-Туринского завода состоит исключительно из местных рабочих. Наиболее революционную часть рабочих завода составляли три с половиной тысячи мобилизованных в годы войны квалифицированных рабочих, прикомандированных к заводу для работы по специальности.

Февральские дни прошли с под'емом. Первым был создан комитет местного самоуправления, куда в большинстве прошла местная мелко-буржуазная интеллигенция. Недели через две после переворота создавшаяся уже здесь организация Р. С. Д. Р. П. (большевиков), учла этот факт и приступила к выборам Совета. Так как Верхне-Туринская партийная организация была довольно крепка и сплочена, то выборы прошли под исключительным влиянием большевиков и влияние большевиков в Совете было обеспечено.

Перед октябрьской революцией происходили митинги, на которых обсуждалась необходимость передачи власти в руки Совета, хотя фактически власть ему уже давно принадлежала, ибо ни одна организация, ни заводоуправление ничего не предпринимали без санкции Совета.

Администрация завода боролась с революционным настроением рабочих, которое пыталась разбить путем сознательного саботажа подвоза продовольствия. Было две попытки закрыть заводы, но обе они успеха не имели и под давлением рабочих заводоуправление должно было отказаться от закрытия.

Еще в июле месяце был создан контрольно-фабричный комитет завода и округа.

Перед октябрьскими днями партийный комитет развил широкую агитацию. Были разосланы агитаторы в Кушву, Нижнюю Туру, Серебрянку и на прииски.

Самый факт оффициального захвата власти прошел мирно и был отмечен только общим собранием Совета и сочувственной демонстрацией населения и военно-пленных.

Когда были получены провокационные телеграммы из Петрограда и Москвы относительно подавления революционного движения, Верхне-Туринский комитет партии выступил на защиту революции, выставив караулы из красногвардейцев по всему заводу.

С самого начала октябрьской революции пришлось бороться с попытками организованного саботажа. На Верхне-Туринском окружном с'езде фабрично-заводских комитетов и Советов округа в декабре 1917 г. инженеры завода хотели отказаться от работ, но эта попытка им не удалась и на работу им пришлось стать.

После установления и укрепления Советской власти в Горо-Благодатском округе пришлось столкнуться с противодействием Верхотурской земской управы. На помощь Дидковскому, который находился тогда в Верхотурье были посланы агитационные силы, а для подавления контр-революционных вспышек красногвардейские отряды. В уездном Совете Верхотурья на январьском с'езде в 1918 г. партия комунистов уже имела большинство.

Уездное земское совещание было закрыто без всякого сопротивления с его стороны, несмотря на то, что в Верхотурьи было только несколько красногвардейцев и 8 членов уездного исполнительного комитета. Так велико было сознание, что за комитетом стоит вся рабочая масса. Разгоном Верхотурского земства, завершилась организация Советской власти во всем Верхотурском уезде.

М. Ф. Микрюков.

Нижний Тагил.

В Нижнем Тагиле был общий союз металлистов, обнимавший служащих и рабочих всего района. Управление на местах было децентрализовано. Особенно ярких моментов в работе союза до июля 1917 г. не было.

Главным организатором работы союза был служащий завода коммунист Добрылин, которому союз в значительной степени обязан своей первоначальной организацией.

С июля работа началась повышаться, и впервые союз приступает к борьбе за увеличение ставок и за общее улучшение быта рабочих. Союз пред'являл требование тарифных ставок во всем районе, но заводоуправление очень туго шло на уступки.

После августовской областной конференции профсоюзов происходившей в Екатеринбурге, рабочая масса союза металлистов знали непримиримую позицию по отношению к Временному Правительству, которое продолжало поддерживать лишь верхушка союза и служащих.

В сентябре и октябре уже чувствовалась приближавшаяся революция и заводоуправление пошло на уступки по всему союзному фронту. К этому времени были разработаны нормы труда и заработной платы и союз подходил уже к организации коллективного договора.

Сентябрь и октябрь были месяцами конфликтов между управлением завода и союза на почве приема рабочих и служащих не через биржу труда, организованную еще в июле. Конфликты возникли также и на почве оплаты разных видов труда.

К последним числам октября стало гораздо легче проводить требования об улучшении быта рабочих через заводоуправление.

Самый переворот почти ничем особенным не был отмечен.

Положение союзной работы после октября укрепилось, так как заводоуправление сразу и решительно пошло на улучшение быта рабочей массы. Приходится отметить ту особенность союзной работы в Нижне-Тагильском районе в отличие от центров, что здесь вся работа заводских и фабричных комитетов шла в полном контакте с союзом. С октября же союз через завкомы принял участие в организации контроля над производством.

До марта 1918 г. в правлении союза намечались две тенденции: одна из них боролась за проведение в жизнь постановления первого Всероссийского с'езда металлистов о построении союза по производственному принципу, другая тенденция была меньшевистской и отстаивала независимость Профсоюза. К апрелю победила первая точка зрения, этим была положена основа построению союза металлистов по производственному принципу. Против понижения производства, которое наметилось в первое время после октября союз боролся агитацией и привлечением рабочих к ответственности, если замечался особенно упорный невыход на работу. Весною формы оплаты труда приобрели более правильную организацию, был введен новый тариф. В марте было организовано окружное управление национализированными заводами и союз через это управление приступил к

непосредственному руководству работой завода. Им была разработана схема управления, инструкции и затем введены в управление рабочие.

Таковы наши первые шаги профессиональной работы в октябре и в последовавший за ним период.

С. П. Устинов.

Злоказовский завод.

По приезде в Екатеринбург весной 1916 г. из Петрограда Устинов поступил рабочим на завод Злоказова в Екатеринбурге. Первой его задачей явилась организация партийной ячейки. В июле 1916 г. он уже имел связь с Екатеринбургским Комитетом Р. С. Д. Р. П. (большевиков) через т. Баранова. Удалось собрать несколько толковых рабочих (Дерябина, Большачева), которые в партийном отношении тогда еще не определились, но чувствовали необходимость борьбы с царизмом. На собраниях ячейки ставился вопрос об отношении рабочего класса к войне и к другим явлениям тогдашней жизни.

В заводе между администрацией высшей и низшей и рабочими происходили конфликты и партийной ячейке приходилось защищать интересы рабочих. Здесь уже была реальная работа, ячейка выиграла, ее авторитет увеличивался. После городской партийной конференции и ареста т. Устинова в 1916 г работа на заводе не велась до февральской революции.

Вернулся снова на завод Устинов только в июне 1917 г. Свержение царизма всколыхнуло рабочих. На заводе уже давно был создан завком. Влияние большевиков на рабочую массу завода сразу определилось принятием всеми рабочими лозунга „долой войну". Заводской комитет сразу стал на путь улучшения условий труда и увеличения заработной платы

В апреле были произведены выборы в Екатеринбургский Совет и в большинстве прошли большевики: Авдеев, Большаков, Украинцев, Иван Логинов и др. и незначительное количество эс-эров.

До октябрьской революции комиссаром завода был Авдеев. Уже в то время управление заводом фактически перешло в руки завкома. Комиссар вел чисто административную работу, хотя точных разделений функций не было, работа была совместная. Заведующий заводом Алфеев был уволен с завода как приверженец хозяев, инженер Кормушкин был также уволен за несоответствие своему назначению. На заводе остались только те технические руководители, которые были согласны работать вместе с рабочей массой.

Работа по изготовлению снарядов сильно упала, было стремление перейти на изготовление сельско-хозяйственных орудий.

До октября за неуплату жалованья рабочим был арестован владелец завода И. Ф. Злоказов, который был посажен в тюрьму, после чего от него удалось получить некоторую часть денег. Из тюрьмы он был отпущен после того, когда пришлось установить действительную невозможность дальнейшего получения от него денег.

Партийная работа шла быстрым темпом, рабочие массы подготовлялись к захвату власти.

Числа 27-28 октября 1917 г. из городского комитета партии рабочие завода узнали, что в Питере власть перешла в руки Советов. Пошли митинги, собрания, на которых выступали Сосновский, Голощекин, Шейнкман и др.. Все определилось.

Завод приступил к организации красной гвардии. Почти все рабочие стали красногвардейцами. Добыли оружие и завод превратился в военный лагерь с собственным штабом.

Производственная работа на заводе постепенно шла на нет, ибо было отрицательное отношение к изготовлению снарядов, причем и сам завод был плохо оборудован. Часть работников переводилась для работы в Советские органы, часть пошла на Дутовский фронт.

По приезде с Дутовского фронта вновь организовался деловой совет и было приступлено к переоборудованию пивоваренного завода б. Злоказова на дрожжевой. Работа началась. Снарядный завод начали переоборудовать в завод сельско-хозяйственных орудий. Завод начал работать, но развить работы не удалось в связи с наступлением на Екатеринбург чехо-словаков.

Нужно отметить, что рабочие Злоказовского завода с самого начала февральской революции были передовым отрядом Екатеринбургских рабочих, главной опорой Екатеринбургского и Областного Совета.

Многие из них убиты на фронте, остальные рассеялись по всей России неизменно борясь за укрепление нового строя.

С. С. Киселев.

Каслинский завод.

В Каслинском заводе в июле 1917 года была уже большая партийная организация, которая имела громадное влияние на Совет Рабочих Депутатов, организовавшийся в Каслях. Совету принадлежала в заводе фактическая власть несмотря на наличие комитета безопасности, в котором орудовали меньшевики. Лидерами большевистской организации были Дукат, Пипарс и Репнев. Влияние большевиков на рабочей массе преобладающим, несмотря на то, что в Каслях работали такие видные эс-эры, как Ласько, Охлюстин и бывший потом членом Сибирского Правительства Мало-

земов. Большевики руководили до октября на заводе и профессиональным движением.

Рабочая масса в таком подавляющем большинстве шла за коммунистами, так что октябрьский переворот прошел совершенно безболезненно.

25 октября вечером произошло собрание партийного комитета, на котором была намечена демонстрация за власть Советов. 28—29 октября комитет безопасности был распущен. Попытка эс-эров организовать сопротивление была ликвидирована мирным путем. В Каслях установилась рабочая власть.

С администрацией завода отношения были натянутые: в лице руководителя правления, Подбейского, рабочие встретили врага. Еще до октября они требовали его удаления от работ, но он отказался и только октябрь позволил его устранить. Но уже задолго до октября созданный на заводе фабрично-заводский комитет под руководством Екатеринбургского Окружного Совета фактически начал овладевать производством. С половины октября работал деловой совет под руководством Панфилеева, Дуката, и других а с половины ноября начал работать контрольный заводский комитет.

Завод был обеспечен сырьем, чугун находился в Кыштымском заводе, а топливо имелось много при самом заводе, так что можно было приступить к продолжению работы. Управление завода было построено на самых демократических началах. Деловой Совет переизбирался на общих собраниях рабочих. Все хозяйственные операции предпринимались с согласия заводского комитета. С первых же дней завод приступил к организации красной гвардии, которая создалась под командой товарища Ильиных. С начала она была добровольческой, а затем оформилась как постоянная часть Красной армии. В округе завода некоторые время происходили кулацкие вспышки, в подавлении которых красная гвардия принимала деятельное участие.

Ревдинский завод.

Большевистской организации Ревдинского завода с февральской революции велась упорная борьба за власть советов приходилось вести напряженную борьбу с инженерами и соглашателями, которые, проникнув в рабочие организации брали на себя смелость выступать от имени рабочих, задерживая и всеми силами мешая развитию революционных настроений в рабочей среде.

Когда же под влиянием нароставшей революции, в особенности после подавления корниловского мятежа, настроение рабочих резко изменилось, соглашатели стали проваливаться и истинные представители рабочих брать верх, то начался форменный саботаж со стороны администрации, который чуть было не повлек за собой закрытие завода.

Против большевиков, в частности, против Городкова, одного из руководителей местной организации партии, начался настоящий поход. Были пущены все пружины, в особенности использовалась нелюбовь коренных ревдинцев к пришлым рабочим за то, что они получали еще и квартирные деньги. Городков был пришлый и его удалось свалить с занимаемого им поста—председателя окружного союза металлистов.

Только приезд из Екатеринбурга Кузьмана для расследования этого факта, восстановил т. Городкова на прежней работе.

После того, как владелец завода бежал заграницу сейчас же с февральской революции во главе завода стало правление возглавляемое инженером Эйкс. Это правление старалось сохранить завод для хозяина и резко боролось против введения рабочего контроля над производством, а

когда последний был введен, то старалось подчинить своему влиянию попавших в правление рабочих. Когда и это не удалось, начался саботаж, едва не повлекший к закрытию завода.

Только твердость коммунистической группы, не давшей закрыть завод и благодаря улучшению быта рабочих, путем увеличения оплаты труда, удалось разбить сопротивление защитников заводчика—Солодовникова и пустить Ревдинский завод на работу для нужд пролетарского государства.

Октябрьский переворот прошел спокойно и закрепил стремление широких рабочих масс к овладению производства.

Ф. К. Потаскуев.

Западно-Уральская ж. д.

В октябре 1917 года Потаскуев был командирован на Западно-Уральскую железную дорогу Екатеринбургским Комитетом партии. Целью командировки было увеличение влияния большевиков на рабочие организации дороги.

Для этого нужно было закрепить симпатии рабочих и стать во главе их организаций, чтобы повести решительную борьбу с защитниками старого порядка на железной дороге и оформить на ней пролетарскую диктатуру.

На дороге существовали районные комитеты, в которых орудовали меньшевики и эс-эры. После октября последовало распоряжение из Екатеринбурга заменить районные комитеты железнодорожными советами.

Во время этой реорганизации можно было провести рабочих во все органы Управления дорогой и Потаскуев задался этой целью.

На дороге до сих пор оставались все прежние руководители. На факт октябрьского переворота широкие массы железнодорожников не реагировали. Орудовавшие на собраниях меньшевики и эс-эры старались навязать рабочей массе сочувствие к только что сверженному Временному Правительству. Нужно было действовать. Потаскуев ставил на рабочих митингах целый ряд вопросов, связанных, с задачами октябрьской революции, с улучшением рабочего быта и т. д.

В феврале 1918 года на с'езде железнодорожников т. Потаскуев проходит членом рабочего совета северного района дороги, а потом стал и председателем совета района. Производится реорганизация Управления дороги. Во главе всего дела становится рабочий совет, к которому назначаются специалисты—консультанты из технического персонала дороги. Только железная настойчивость рабочих в проведении тех или иных изменений намеченной спецами работы заставляла последних подчиниться рабочему совету дороги. Затем было проведено разделение правления на службы движения, тяги, пути, материальную.

Эти службы делали рабочему совету ежедневные доклады. Все мероприятия по налажению дороги проводились чрез совет, который стал полным хозяином дороги. Заготовка необходимых для дороги дров и материалов проводилась чрез рабочий совет, который давал спецам необходимые средства и срок на осуществление того или иного задания.

Чувствуя растущее влияние рабочего совета, меньшевики и эс-эры, об'единившие верхушки дороги, стремились провести в него своих представителей. С этим всеми силами боролась соорганизовавшаяся на дороге ячейка большевиков. После приезда на дорогу новых коммунистических сил, влияние коммунистов закрепилось. Победа досталась

нелегко, но сочувствие широких рабочих масс дороги было целиком на стороне совета и ячейки, которым удалось совершить перемену в положении рабочих путем увеличения оплаты труда и удовлетворения культурных запросов, сразу резко повысившихся, путем организации школ для взрослых, детских садов и пр.

Таким образом сразу же после октября осуществивший пролетарскую диктатуру на дороге, совет дороги начал новое строительство во всех областях, стремясь к реальному улучшению рабочего быта во всех областях.

В Колчаковском подпольи.

После занятия Екатеринбурга чехо-словаками (26 июля 1918 г.) наши партийные товарищи, оставшиеся по разным причинам в городе были совершенно разделены между собою. Но у каждого из нас была потребность, желание и необходимость связаться, поделиться и поговорить с близкими по духу людьми.

В первое время, когда все повалили на улицу, на митинги и собрания, каждый из нас искал на них кого-нибудь из сочувствующих или принадлежащих к большевикам.

Помощь в связи оказало само колчаковское правительство, арестовав и посадив в тюрьмы всех, кто был уличен в сочувствии большевикам, по различным доносам и т. д. На воле уцелели лишь те, о которых не дошло еще до сведения колчаковских агентов. У оставшихся на воле естественно проявилась настоятельная потребность во чтобы то ни стало связаться с сидящими в тюрьмах. В эту сторону и были направлены наши первые усилия.

В начале стали организовываться небольшие группки товарищей, которые ставили своей целью оказание материальной и моральной помощи товарищам, измученным тюрьмой и помощи в случае побега.

У одной из таких групп, в которую входили товарищи: Дукельский, Шепелев Владимир, Шепелев Ефим и Брод была связь с тюрьмой, куда посылался хлеб, белье и деньги. Тов. Брагинский из этой же группы имел специальное задание—изготовление паспортов, для тех товарищей, которым удавалось бежать из тюрьмы

Вскоре двое из членов этой группы Дукельский и Брод были арестованы. Информация из тюрьмы и связь с ней, благодаря этой „посадке укрепились".

Работа в этой области пошла еще лучше после того, как Брод через несколько месяцев был выпущен из тюрьмы.

Дукельский оставался в тюрьме и через него удавалось знать все подробности: кто находился там, кто в чем нуждался, кто остался еще на воле и с кем можно связаться.

Вскоре был выпущен и Дукельский.

Группа продолжала работать, ограничиваясь материальной и моральной поддержкой находящихся в тюрьме, снабжением паспортами и деньгами бежавших.

Чувствовалась необходимость связаться с центром. Был уже намечен план послать кого-нибудь через фронт и связаться с ближайшим партийным комитетом. Но незадолго перед этим в Екатеринбург прибыл от Уральского Областного Комитета Р. К. П.—Антон Валек („товарищ Яков"), с которым удалось связаться через Владимира Шепелева и Брод. Связь с центром была установлена.

* * *

На конспиративном собрании у Брагинского, куда прибыли В. и Е. Шепелевы, Дукельский и Антон Валек, был намечен план работ, схема организаций (пятерочная система) и распределение обязанностей.

Обязанности были разделены таким образом: на Шепелева Ефима была возложена информация о состоянии высших военных сфер. Он имел возможность быть хорошо на этот счет осведомленным, живя у своего родственника, у которого снимали комнаты чины высшего командования Колчака. На него же была возложена и агитация среди военных ударной дивизии Брагинский и Дукельский дол-

жны были вести агитацию среди студентов и учащихся вообще. Старшим в пятерке был назначен Шепелев Владимир.

Для всех ставилась одна задача—собрать все сочувствующие нам силы, имевшиеся в большом количестве в тылу у Колчака.

* * *

Не успела еще развернуться наша работа, как в конце марта 1919 г. произошел провал Екатеринбургской организации при следующих, как удалось выяснить впоследствии, обстоятельствах.

В числе командированных центром в Екатеринбург для подпольной работы прибыли через фронт Дмитрий Логинов (Дмитриев) и Гержеван-Латти, Ольга Даниловна. В конце марта 1919 г. к Логинову на квартиру явился из Челябинска под видом «своего человека» агент контрразведки «с поручениями от Лобкова».* Ничего не подозревая, Дмитрий Логинов в разговоре с агентом выдает Марию Оскар (Овейде) и др. подпольных работников.

На следующий день на квартиру к Логинову явились агенты контр-разведки, в том числе и приехавший из Челябинска под видом «своего» и после команды «руки вверх» предложили Логинову указать все его вещи, в том числе и чемодан с двойным дном, где хранятся деньги, что и было им исполнено. После этого Логинов и Гержеван-Латти были арестованы и со связанными руками препровождены в военный контроль (контр-разведку).

В перспективе для них обоих была казнь. Желая спасти себя, Логинов предлагает свои услуги контр-разведке, обещая раскрыть целую организацию, чуть ли не во главе с помощниками Голощекина (имя Голощекина произносилось колчаковцами со скрежетом зубовным). Контр-развед-

*Известный красный партизан

ка приняла предложение Логинова и агенты вместе с ним отправились на квартиру к Антону Валек.

Войдя первым в квартиру, Логинов разбудил Антона Валек и говорит:

„Яков, в Челябинске провал... Ты мне нужен... Выйдем на улицу".

Валек, накинув на себя пальто, не успел еще выйти за дверь, как увидел перед собою несколько человек с направленными на него револьверами. Его об'явили арестованным и вместе с женой и ребенком увели в военный контроль.

В его квартире оставили в засаде агентов с целью раскрыть дальнейшую связь. Так и случилось. На следующий день на квартиру Валека является Брод за получением директив от него и узнает об его аресте. Опытные агенты его не арестовывают, но устанавливают за ним слежку, дабы узнать, кого он предупредит о случившемся.

На утро Брод предупредил Брагинского, который в свою очередь сообщил Шепелеву Владимиру и Ефиму и Дукельскому. В этот же день Брод был арестован, а спустя несколько дней арестовали Брагинского, затем Дукельского, Шепелевых Е. и В.

* * *

По предварительным допросам, которых колчаковцы не фиксировали в протоколах, всем арестованным стало ясно, что среди них на воле работала колчаковская рука.

Допросы сопровождались избиением до потери сознания. Антон Валек, например, получил 400 ударов нагайки, Брод был изуродован до неузнаваемости.

В первую очередь были казнены Антон Валек, Брод, Мария Оскар (Овейде), Лиза Коковина, Голуб и др. в числе 8 человек.

В ночь перед казнью Антон Валек говорил через вентилятор со своей женой, Р. Валек. Он сообщил, что всех нас выдал кто-то из своей организации, что контр-разведка знает все детали работы, и ему поэтому пришлось сознаться во всем. Прощаясь, он сказал, что смерть встретит спокойно, ибо знает, за что умирает. Жену остававшуюся с грудным ребенком, просил не огорчаться.

* * *

После казни первой группы приступили к допросу оставшихся: Дукельского, братьев В. и Е. Шепелевых и Брагинского.

Шепелева В. и особенно Дукельского жестоко избили при допросе. Их допрашивали первыми.

Шепелев Ефим, как военный, был отделен от остальных и его охранял солдат из полка Гайда—это был самый надежный полк Колчака.

—Между этим часовым и Е. Шепелевым произошел однажды такой разговор.

Оглянувшись по сторонам и убедившись, что начальство за ним не наблюдает, часовой обратился к Шепелеву с вопросом:

— Ты здешний?

— Да, здешний.

— Напиши записочку, я передам на волю родным.

— Что ты мне предлагаешь? Откуда я тебя знаю? Тебя может быть контр-разведка подослала и ты мою записку передаешь ей!

Что ты, отвечает часовой, ты думаешь, что я не знаю, за что ты сидишь! Ты, ведь, за правду сидишь, я ведь рабочий Ревдинского завода и знаю, что ты за нас, рабочих, здесь сидишь.

Спустя некоторое время Шепелев уже сам вступил с ним в разговор.

— Я стану на подоконник, говорит он часовому, вышибу окно, будто хочу бежать, а ты стреляй в меня. Только цель в голову, чтобы сразу убить.

— Что ты, дорогой товарищ,— взмолился солдат,— руки не подымутся и душа не пустит. Эта подлая власть просуществует не больше двух месяцев... Это видно... Поверь мне и я тебе окажу услугу.

Были все основания думать, что это действительно свой человек и что оказать хорошую услугу он в самом деле может.

Благодаря этому часовому, рабочему Ревдинского завода т-щу Логинову, всей группе удалось дать одинаковые показания. Через него же удалось передать несколько записок на волю, об уничтожении разных писем, документов, доказывающих участие в подпольной организации.

Часовой этот впоследствии был пойман в передаче записок, жестоко избит и осужден на 30 дней содержания под стражей, но из под ареста бежал.

Смысл наших показаний заключался в следующем: сознаемся, что собрания действительно происходили на квартире Брагинского, но их целью было только вспомоществование заключенным.

Тождественность всех показаний не могла дать допрашивающим никакого материала для серьезного обвинения.

* * *

10 апреля ночью на последнем допросе были зафиксированы все наши показания, после чего мы в ожидании суда были переведены в комнату смертников.

В комнате смертников нам удалось встретиться с закованными в цепи товарищами Сергеем Коковиным и Анкудиновым с Макаровской фабрики, которых привели из тюрьмы.

Настроение у большинства было бодрое. Все приготовились к смерти. Особенно поддерживало всех мужественное поведение Сергея Коковина. С ним на 75% было легче умирать.

Небезинтересно отметить следующий факт.

Сергей Коковин, распрашивая о первой группе казненных, узнает о казни своей сестры, Лизы Коковиной. При этой вести он не нашел ничего более сказать, как следующее:

— О, она свой долг выполнила.

11 апреля прибыл «суд» в составе полковника ударной дивизии—Власова, заместителя начальника контр-разведки капитана Шуминского, капитана Куржанского, начальника Верх-Исетского карательного отряда—поручика Ермохина и еще двух неизвестных.

В комнате смертников находилось 11 человек. Всех по очереди стали вызывать в комнату, где заседал «суд».

Первым пошел Сергей Коковин.

Возвращаясь через две минуты, он коротко бросает ответ на общий вопрос:

Ну, что?

— Смертная казнь.

Вторым—Владимир Шепелев. Возвращается через такое же количество времени и с теми же словами, то-же—с Дукельским и другими. Не вызвали одного только Шепелева Ефима.

Через несколько минут „суд" в полном составе зашел в комнату смертников.

Всем предложили встать для заслушания приговора.

— Сергею Коковину, Шепелеву Владимиру, Илье Дукельскому, Анкудинову и другим, в количестве 7 человек, обвиняемым по таким-то статьям,—смертная казнь через повешение.

Чахоточный больной—Анкудинов не выдержал и, как сноп, упал без сознания на пол.

— Брагинский, как 17-ти летний, находящийся под влиянием своего дяди, Владимира Шепелева, по суду оправдывается...

Между прочим В. Шепелев взял часть его вины на себя.

Всем приговоренным предложили подать прошения о помиловании на имя командующего войсками Колчака, генерала Гайда.

Сергей Коковин, выйдя вперед, гордо заявил:

— Я отказываюсь. Обещайте лишь мне передать письмо родным.

Наступил тяжелый момент прощания оправданного Брагинского с осужденными. Коковин радостно стал поздравлять его с освобождением, благословляя на продолжение славного дела освобождения трудящихся. Рукопожатие и поздравление было принято судьями за желание передать записку Брагинскому, вследствие чего тут же был произведен тщательный обыск последнего.

Тут же приговоренным приказали собраться и под усиленным конвоем увели к коменданту и начальнику карательного отряда Верх-Исетских заводов, Ермохину, для приведения в исполнение приговора.

В ночь с 16 на 17 апреля все были зверски зарублены шашками в правой стороне леса Верх-Исетского завода отрядом поручика Ермохина.

* * *

Дело Ефима Шепелева, как военного, было передано главному военному полевому прокурору фронта. Шепелев подал заявление, в котором просил дать ему возможность быть отправленным на передовые позиции. Благодаря ходатайству родных военного прокурора, удалось склонить

продержать дело под сукном. По прибытии на передовые позиции Шепелеву удалось бежать к красным и вместе с 28 дивизией впоследствии вступить в Екатеринбург.

Арестованная по этому же делу жена Валека, имевшая при себе грудного ребенка, была приговорена к смертной казни. Но, так как ребенка никуда нельзя было поместить, казнь заменили 20--ю годами каторги.

К 20-ти же годам каторги была приговорена Ольга Даниловна Гержевая-Латти.

Последней удалось при отступлении белых бежать из партии арестованных.

Р. Валек по болезни была оставлена в тюремной больнице.

Д. Логинов, будучи как провокатор до конца использован контр-разведкой, был казнен вместе с другим, таким же провокатором Вайнбергом.

Все ячейки организаций в Челябинске, Перми, Омске, Тюмени, Екатеринбурге были разгромлены, были казнены много десятков лучших борцов за рабочее дело.

Заметки хозяйственника.

(*1917, 1918 г.г.*)

Четыре великих года...

После многих десятилетий томительного затишья колесо истории, обычно лениво, монотонно поворачивающееся, с знаменательного 1917 года точно сорвалось с цепи и бешено завертелось...

Из отдельных этапов и обстановки работы в эти 4 года зафиксировано лишь немногое, внешнее. Настоящая суть событий, их внутреннее содержание, освещение их логической последовательности и связи—еще не записаны, не установлены.

Большое, серьезное дело писать историю этих лет. Для этого нужны силы, время, материалы. Это придет.

Условия работы дают возможность дать здесь только беглые, наскоро написанные отрывки из памяти о пережитом.

Март 1917 года. Медовый месяц русской революции. Без умолку говорят в Екатеринбургском комитете Общественной безопасности. Солидные фигуры комиссаров комитета с ярко красными длинными лентами на груди,—знакомые все фигуры: директор банка, управляющий заводами, фабриканты... и в ряду их небольшая отважная кучка „советских“—из тюрьмы, из потребиловки...

Блестящие речи, блестящие парады 60-ти тысячной армии, стоявшей в Екатеринбурге. А в глубине жизни,

на заводах, на фабриках, неудовлетворенность происходящим и глухая упорная борьба рабочих с предпринимателями, эксцессы, нужда...

Временное правительство желает умиротворить, желает примирить интересы тех и других. Для умиротворения оно ходит на Урал козырями: посылает члена 2-й Государств. Думы Титова, активного участника февральского переворота—Бубликова. Приезжают, хлопочут и уезжают, не удовлетворив ни ту, ни другую сторону и оставив после себя трещину в отношениях труда и капитала еще большей, чем она была до их приезда, еще более зияющей.

Гремят трескучие речи соглашателей, торжественно и и чинно заседает комитет Общественной безопасности, как будто все идет по маслу, как будто этот „конвент" всех устраивает. А рядом—в Совете, кипит неустанная работа: выковывается железная воля пролетариата, ведется упорная борьба рабочих за свою судьбу, за лучшее, светлое будущее, за судьбу предприятий, с которыми они так связаны.

В июне из центра снова прибывают миротворцы. И на этот раз „имена"—шлиссельбуржец Новорусский, член Госуд. Думы Егоров и др. Целая комиссия—„иконы", как их здесь называли. После об'езда заводов и целого ряда нудных, никчемных заседаний, комиссия уезжает ни с чем.

Соглашательская политика снова терпит крах в тот самый момент, когда на большевиков ведется травля, брошена темная клевета об измене и продаже России. Борьба на заводах принимает постепенно характер решительной ожесточенной схватки...

Спешно, но неуклонно проводится в предприятиях рабочий контроль в расширенном толковании, встречая организованное сопротивление промышленников.

Рабочие организации—Советы, фабрично-заводские комитеты—ведут везде большевистскую линию, приобретают все большее и большее влияние.

Между тем, все государственные органы, ведающие промышленной жизнью Урала, сохраняют старый состав—в них засели бюрократия и буржуазия. В лучшем случае они держатся политики невмешательства, саботажа. При создавшейся на заводах кон'юнктуре эти длоны не в состоянии разрешить ни одного конфликта, не в силах побудить промышленника к отпуску средств на работу предприятия, к изменению условий работы. Они безвольны и бессильны, без авторитета и средств, и существуют только по инерции

Узел затягивается... Несостоятельность бюрократических учреждений ясна для всех. Центр работы по регулированию промышленности сам собою перемещается в Советы—сначала Екатеринбургский, затем в Окружной—организации к управлению промышленностью непризванные, к этому неподготовленные, действующие исключительно силой авторитета среди рабочих и проводящие свои решения путем упорной борьбы.

Сознание бессилия государственных органов заставляет задуматься и представителей бюрократии. В недрах заводского совещания зарождается мысль о его демократизации.

Уполномоченный министерства торговли и промышленности, Голубев созывает областной с'езд по организации Комитета Снабжения—самочинной организации по регули-

рованию хозяйственно-экономической жизни Урала. Проект Голубева толковый и приемлемый для того времени, преследующий демократизацию управления, концентрацию сил и уничтожение параллелизма работы, привлек к себе внимание советских кругов, и в Комитет Снабжения избираются на паритете десять человек от рабочей группы с'езда. В числе их—Сосновский, Андронников, Горохов Быков В., Старцев, Мухин и другие.

Это была первая наша попытка создать какой-то орган, в котором мы имели бы сильное рабочее ядро.

Комитет Снабжения начал работать, но так и не дождался узаконения его центром и главными руководящими промышленностью государственными органами; оставались по прежнему Заводское Совещание и Горное Управление, державшиеся своей мудрой политики невмешательства и миротворчества за счет интересов рабочих.

Работа по регулированию промышленности, по разрешению многочисленных конфликтов в Екатеринбургском Городском Совете велась главным образом тов. Вайнер.

Громадным влиянием пользовался в это время Окружной Совет. В нем сходились все низы работы на Уральских заводах, не замыкаясь в пределах Екатеринбургского округа, а далеко захватывая почти весь Урал.

Целый день в нем кипела работа. В двух комнатах, отведенных ему в Заводском Совещании, постоянно толпился заводский народ. Большая работа в нем выпала на долю тов. Андронникова, Тунтула, Мрачковского, Медведева и других.

В сентябре было созвано учредительное собрание (паритетное) нового Заводского Совещания. Представители советов выступили на нем с критикой этой новой затеи, созданной по проекту Пальчинского. Войти в состав бюро Завод. Совещания группа большевиков отказалась и рабочая группа в нем была представлена соглашателями.

Все вносимые Окружн. Советом на разрешение этого Бюро вопросы, требующие того или иного определенного решения, оставались без разрешения. Соглашатели, сознавая свое бессилие, один за другим разбегались из Бюро.

Между тем, на заводах создавалось положение, близкое к катастрофе: разруха транспорта, саботаж промышленников, отсутствие продовольствия и денежных средств,— парализовали работу.

Как одно из средств снабжения заводов деньгами было решено использовать учетно-ссудный комитет Государственного банка. В него вошли мы, как представители Советов. Комитет при нашем участии являл собою странную картину работы: создавал видимость легальных выдач заводом. Многие заводы и потом, уже национализированные, еще продолжали закладывать в Государств. Банке государственное же имущество: материалы, сырье и проч.

В то время это был единственный выход из создавшегося положения, и мы его использовали.

Комитет в таком виде существовал до января, когда был образован Областной Комиссариат Финансов.

После разразившейся спасительной, освежающей грозы Октябрьской революции связь с центром в смысле организации нового управления долго не налаживалась. Прихо-

дилось разрешать почти все вопросы здесь на месте, руководствуясь общими указаниями декретов.

Старые учреждения по инерции продолжали существовать. Нужно было приниматься за коренную ломку и чистку их и закладывать фундамент нового здания.

В конце ноября на собрании заводского совещания было решено взять это учреждение в свои руки. Всякое сотрудничество с группами предпринимателей и соглашателей было отвергнуто, и в Бюро Зав. Совещания избраны Андроников, Войков, Кузьмин, Быков В. и Стрижов.

На голову этого Бюро свалились все вопросы, связанные с финансированием, продовольствием, демобилизацией заводов, регулированием промышленности и проч., и проч.

Для работы в Горном Управлении был выделен Кузьмин, затем Андроников.

Первая на Урале национализация (фабрики Жирякова) была произведена в первых числах октября. После долгой безнадежной борьбы рабочих с упрямым предпринимателем, нежелавшим пустить в ход свою фабрику, при полном попустительстве предпринимателю со стороны ведающих промышленностью учреждений,—Окружной Совет признал единственной мерой, могущей обеспечить дальнейшую работу фабрики отобрание ее у Жирякова.

Ввиду принципиального значения этого шага вопрос о нем обсуждался в Областном К-те Партии.

Помню это заседание в кв. т. Крестинского, единодушное решение в положительном смысле и напутствие данное т. Тунтулу, прямо с заседания отправившемуся на фабрику.

В декабре Областным Советом был обнаружен план организованного саботажа промышленников, руководимый из Петроградского Совета С'ездов Уральских Горнопромышленников. Было найдено циркулярное письмо Совета С'ездов заводоуправлениям, предлагающее прекратить высылку денег предприятиям, на которых будет проводиться рабочий контроль, вплоть до закрытия заводов. Кроме сего— готовый проект ответа заводоуправлений на случай требования рабочими введения рабочего контроля, выработанный комиссией при Совете С'ездов под председательством известного на Урале Ф. Иванова.

Распоряжением Областного Совета бюро с'езда горнопромышленников Урала в Екатеринбурге было 27 декабря закрыто, а руководители его: инж. Гутт, бывш. вице-губернатор Европеус и бывш. тюремный инспектор Блохин— арестованы.

Все эти люди потом, при белых, снова вынырнули на поверхность и играли роль.

— —

Выяснившаяся осенью неизбежность, в целях сохранения производства, взятия управления предприятиями в руки рабочих, вместе с саботажем старших служащих и заводских техников на многих заводах, побудили Окружной Совет собрать техников-специалистов, обсудить с ними важнейшие вопросы, связанные с проведением рабочего контроля, и выяснить состав техников, как в количественном, так и в качественном отношениях.

Работа по созыву совещания техников была поручена Кузьмину и Быкову В. Совещание собралось 28 ноября и было очень малолюдно. Несмотря на это собравшиеся товарищи-техники бодро принялись за работу по разработке вопросов, связанных с введением на заводах распорядитель-

ного рабочего контроля. Грубый, раскольнический характер кризиса, декларация союза техников, отклоненная на совещании представителями союза, отказавшимися от участия в работе.

Декретированная в декабре национализация банков поставила Областной Совет перед неизбежностью широкого применения национализации предприятий. Получение заводами каких-либо средств для работы от владельцев прекратилось гораздо ранее.

4 января открылся с'езд по реорганизации горного управления под председательством т. Андронникова. На этом с'езде было решено образовать областное правление национализированными предприятиями Урала.

С'езд прошел под дружное шипение представителей технического персонала. Избраны были в орган управления: Кузьмин, Корякин, Ларионов, Маслов и Дидковский.

Инженеры и техники участия в голосовании не принимали.

Управление заводами на местах с'езд поручил деловым советам с ²/₃ рабочих.

В январе м-це был организован Областной Совет Рабочих, Солд. и Крестьянских Депутатов, в руках которого была сосредоточена вся исполнительная власть и который определял собою линию всей советской работы в области.

Областной Совет разбивался на отдельные комиссариаты.

В комиссариаты или отделы областного совета вошли: управления—Тунтул и Мрачковский (позже Семериков)

военный—Уфимцев (позже Голощекин), юстиции—Голощекин (позже Поляков), финансов—Сыромолотов (позже Чудикаев), труда—Малышев и Сафаров (позже Андреев), снабжения—Войков и Быков В., транспорта—Васильев (позже Медведев), производства—Андроников, Кузьмин, Дидковский, сельского хозяйства—Хотымский, здравоохранения—Хирин и Сакович, печати—Воробьев.

В скромной комнате на Домаевской ул. происходили заседания Областного Совета, обычно ночные—днем занятия в комиссариатах, текущая работа.

Почти ежедневные заседания по важнейшим вопросам областной жизни—политическим, организационным, финансовым, военным, вопросам, требующим немедленного и твердого решения.

Когда-нибудь будет написана история этого совета, сделана оценка его роли в истории, здесь же я дам несколько отдельных, случайно вырванных из памяти штрихов из его работы.

Тов. Белобородов твердо и уверенно руководит прениями. Часто его заменяют Андронников, Дидковский, Сафаров.

Мятущийся, нервный, строгий к себе и к людям Кузьмин—никаких компромиссов, никаких уступок, отклонений от намеченной определенной линии. Всегда саркастический, умный Сафаров, экспансивный Голощекин, Войков, пересыпающий юмором свои слова, жонглируя ими, пламенный Хотымский, спокойные и деловые Андронников, Поляков, Чудикаев.

Помню заседание в картинной комнате комиссариата снабжения. Обсуждался вопрос об отправке отрядов Красной Гвардии на Дутовский фронт. Назначались ответственные товарищи в эти отряды.

Малышев заявляет о своем твердом решении идти с отрядом. Областной совет протестует: товарищ нужен для областной работы.

Волнуясь, срывающимся голосом, Малышев говорит— он не может остаться. Он вербовал в отряд рабочих Верх-Исетского завода, он должен идти с ними.

— „Что скажут мне рабочие и жены красногвардейцев, если я пошлю их на фронт, а сам останусь!"

В этих словах сказался весь Малышев—прямой, непосредственный...

Его молодому, негодующему протесту нельзя было не уступить, и Малышев пошел на фронт. Помню его радость когда он получил маузер.

С фронта он не вернулся...

Огромный масштаб работы Областного Совета, ежедневное решение тех или иных вопросов важнейшего принципиального характера, спешка,—не давали возможности записать, надлежащим образом зафиксировать работу.

Кипучий поток живой работы не успевал получить себе бумажное отображение...

Громадного исторического значения переговоры по прямому проводу президиума Областного Совета с ВЦИК докладывались в заседаниях с телеграфных лент и в них же оставались в большинстве не переписанными.

Помню единодушное возмущение, вызванное необходимостью в связи с Брестским миром возвращения на роди-

ну присланных сюда сотни прибалтийских баронов, из которых многие были видными участниками усмирений в 1905—1907 годах.

Особенно убивался, получив категорическое распоряжение центра: вернуть баронов, т. Тунтул.

Яркое впечатление осталось от победного, несколько неожиданного появления возвратившегося с Дутовского фронта, т. Мрачковского с его отрядом на нашем празднике 1-го мая 1918 года.

Закопченные, оборванные, грязные, но гордые сознанием исполненного долга явились они прямо с вокзала и продефилировали среди манифестантов.

Вести о выступлении чехословаков пришли сюда неожиданно. Вероятно это выступление случилось ранее, чем оно намечалось чехо-словаками.

В тот же день, когда в Екатеринбурге была получена телеграмма о выступлении, ко мне в комиссариат снабжения явился комендант чехословацкого эшелона в Челябинске, приехавший с мандатом на получение для эшелона сахару и др. продуктов.

Этого коменданта я отвез в обл. военный комиссариат и сдал Голощекину. Комендант еще не знал о выступлении.

Не могу не вспомнить, с какой болью в душе слушали мы доклад военрука, возвратившегося с Уфалейского фронта. Деловой беспощадный доклад о поражениях, о слабой стойкости, и паническом бегстве отрядов красногвардейцев, наскоро сформированных, необученных, противопоставленных старым солдатам, чехо-словакам.

Деловой доклад, но сколько в нем было потрясающего.

До этого времени я не представлял себе, чтобы сухое деловое сообщение о событиях, цифрах, могло так жечь кровь, щемить сердце.

После доклада для всех стала ясна необходимость немедленной организации стойкой, крепко сколоченной, регулярной военной армии.

И будущее блестяще подтвердило это.

В заключение—несколько слов о комиссариате снабжения, в котором я работал.

В отделе снабжения сосредоточились важнейшие вопросы по распределению и отпуску металлов с заводов, продовольствие, топливные дела, выдача нарядов и составление планов на перевозки по жел. дорогам.

Надо было направить в определенное русло стихийно разгулявшийся, загруженный спекулятивными грузами транспорт. Для этого было проведено перенесение из районного комитета всего аппарата выдачи нарядов и урегулирования грузовых перевозок.

Эта временная мера дала возможность фактически остановить уже начавшийся тогда анархический отпуск и вывоз по жел. дорогам отдельными заводами их изделий.

Разгрузив дороги от частных грузов, явилась возможность усилить движение продовольственных маршрутов и рассосать образовавшиеся пробки.

Бурно протекала работа в отделе снабжения. Вся разруха, принятая нами в наследство от Керенщины: транспортная, производственная, организационная,—вся она находила здесь свое выражение. В дом главного начальника, до того тихий и чопорный, непрестанно вливался поток

народу с всевозможными делами, требующими немедленного решения. Целыми днями не вылезая из-за стола, приходилось выслушивать одного за другим, вереницу людей, раз‘яснять, делать распоряжения...

Когда вспомнишь всю тяжесть свалившейся тогда на плечи работы, теперь удивляешься: откуда взялось столько силы и выдержки, чтобы справляться с ней, не согнуться и не пасть под ее тяжестью.

Положение осложнялось еще волной мешечников всех рангов. Особенно много крови портили и мешали работать мешечники с длинными мандатами, какие, очевидно, широко раздавались тогда в голодающих Питере и Москве.

Всякие попытки сократить, задержать таких легальных мешечников встречали с их стороны угрозы, бряцание оружием и т. п. Приходилось действовать энергично, вплоть до отобрания у них поездов, вагонов, лишения мандатов и проч.

— —

При наступлении чехо-словаков были сделаны героические усилия выдернуть из Сибири как можно больше маршрутов с хлебом.

Приходилось жить в отделе снабжения круглые сутки, радостно встречая прибытие ежедневно 5—7 маршрутных поездов, которые сейчас же на колесах распределялись и отправлялись по назначению.

Нельзя не вспомнить дружную самоотверженную работу агентов из заводских рабочих, которые по сдаче одного маршрута, без отдыха, садились в поезд и мчались в Сибирь на погрузку следующего, выхватывая в последние дни хлеб из-под самого носа наступающего врага.

народу с всевозможными [illegible], требованиями немедленного решения. [illegible] за это, приходилось высказывать [illegible] одного из других [illegible], разъяснять, делать распоряжения.

Когда вспоминаю, [illegible] тогда на плечи работы, теперь удивляешься, откуда бралось столько силы и выдержки, чтобы справиться [illegible] не согнуться и не пасть под ее тяжестью.

[illegible] осложнялось еще полной неопытностью всех работ[illegible] много крови портили и мешали работать [illegible] ко распространилось тогда в головах [illegible] в Питере и Москве.

В [illegible] понятия [illegible] таких деталь[illegible] ных [illegible] встречали [illegible] и т. д. Приходилось действовать энергично, [illegible] у них поездов [illegible]

[illegible]

При [illegible] усилия вывезти из Сибири как можно больше маршрутов с хлебом.

Приходилось [illegible] работ[illegible] встречая [illegible] маршрутных поездов, которые [illegible] и отправлялись по назначению.

Нельзя не вспомнить другую самоотверженную работу агентов из заводских рабочих, которые по сдаче одного маршрута, без отдыха, усаживались в поезда и мчались в Сибирь на погрузку следующего, [illegible] в последние дни [illegible]

[illegible]

ДОКУМЕНТЫ.

ДОКУМЕНТЫ

Эвакуация Екатеринбургских тюрем.

Приводимый ниже документ принадлежит перу одного из виднейших деятелей колчаковского суда или, вернее, административно-судебного произвола. Он не требует никаких комментарий, дополнительных разъяснений, так как картина эвакуации дана в нем полная, написана она умелой и знающей дело рукой человека, в силу своего служебного положения, бывшего в курсе всех событий. В преданности этого человека колчаковскому режиму и ненависти к большевизму сомневаться не приходится: об этом свидетельствует каждая строчка его доклада. Тем больший интерес представляет собою этот документ для характеристики и истории колчаковщины.

В нем не произведено никаких изменений, кроме разве перевода на новую орфографию.

Его превосходительству главному начальнику военно-административных управлений Восточного фронта.

Товарища прокурора Екатеринбургского Окружного суда Остроумова.

Д О К Л А Д.

К июню месяцу сего 1919 года Екатеринбургские городские тюрьмы № 1-й и № 2-й оказались чрезвычайно переполненными уголовными преступниками и противогосударственным элементом в виде большевиков и сочувствующих им. Общее число арестантов той и другой тюрьмы достигло около 2000 человек.

Когда на фронте начались военные неудачи и нашими войсками был оставлен г. Пермь, то в это время по приказу командующего Сибирской армии, генерала Гайды была образована особая комиссия в составе пяти должностных лиц для рассмотрения всех дел большевиках, содержащихся под стражею в Екатеринбургских тюрьмах. В эту комиссию на основании названного приказа вошел я, как товарищ прокурора Екатеринбургского городского прокурорского участка, заведующий всеми местами заключения гражданского ведомства города Екатеринбурга. Эта комиссия приступила к выполнению своей задачи 7 июля 1919 года, когда Сибирская армия уже стремительно отступала на восток и стала приближаться к г. Екатеринбургу. Комиссия в целом составе днем производила в тюрьмах личный допрос каждого арестанта большевика, а вечером рассматривала от 80 до 100 дел по докладам членов Екатеринбургской военно-следственной комиссии и выносила свое решение по существу. Это кропотливое дело, преподанное комиссии завед. военно-судной частью при штабе Сибирской армии полковником Мельниковым, чрезвычайно затягивало дело, не давая того результата, который требовался в то время, т. е. *немедленная эвакуация тюрем* (курсив подлинника. Ред.). Полковник Мельников почему то полагал, что в Екатеринбургских тюрьмах содержится много арестантов-большевиков без достаточных к тому оснований и что многие из них, по его мнению, должны быть освобождены. Взгляд этот, как показала работа комиссии, оказался неверным.

Между тем фронт приближался и очень быстро к г. Екатеринбургу, при чем было ясно, что жителям города необходимо уезжать на восток, чтобы не попасть в руки красных.

Я, как член комиссии и товарищ прокурора, неодно-

кратно указывал полковнику Мельникову, что рассмотрение дел о большевиках *„дело никчемное“* (курсив и кавычки подлинника, Ред.) и что нужно срочно приступить к эвакуации всех преступников, содержащихся в тюрьмах в отдаленные города восточной Сибири, но полковник Мельников на мои слова не обратил внимания и предложил комиссии продолжать рассмотрение дел. Благодаря такому отношению полковника Мельникова к названному вопросу, комиссия, исполняя свой долг, продолжала свою работу с 8 по 10 июля. Бывая ежедневно в тюрьме № 1-й, где главным образом содержались большевики, я, как товарищ прокурора, неоднократно беседовал с начальником тюрьмы Павлом Петровичем Шечековым и спрашивал его, нет ли распоряжений об эвакуации тюрем от его непосредственного начальства—управляющего Пермской губернией Чистосердова и тюремного инспектора Блохина. Шечеков всякий раз указывал, что он никаких распоряжений от них не получал. Вопрос об эвакуации тюрем меня и Шечекова чрезвычайно волновал, как самый в то время насущный. Шечеков должен был получить об этом распоряжение своего начальства, а я, как товарищ прокурора, был озабочен, чтобы все уголовные преступники и большевики были немедленно выведены из Екатеринбурга. Я боялся бунта арестантов и восстания местных большевиков. Этого можно было ожидать с минуты на минуту, так как город Екатеринбург 8, 9 и 10 июля переживал колоссальную панику. Все в страхе бежало из города на восток, спасаясь от большевиков.

Быстро проходили чрез город беспорядочными массами воинские обозы и бесконечная вереница беженских телег, нагруженных всевозможного рода скарбом. В городе чувствовалась полная растерянность и отсутствие твердой и разумной правительственной руки. Утром в пятницу, 11 июля комиссия, рассмотрев около 700 большевистских дел, закон-

тила свою работу, что вопрос об эвакуации тюрем остался открытым и начальнику тюрьмы пришлось его разрешить самому. Окружной суд к тому времени уже эвакуировался, причем из прокурорского надзора при исполнении служебных обязанностей остался я один. 11 июля выехал из города штаб Сибирской армии, и к этому времени паника в городе еще более усилилась. Улицы стали быстро пустеть, причем на них появились разного сорта оборванцы, которых ранее нельзя было видеть. Считая арестантов самым вредным и опасным элементом для государственности, я решил до конца наблюсти за эвакуацией тюрем. К этому меня побуждал с одной стороны служебный долг, а с другой стороны некоторое недоверие к начальнику тюрьмы Шечекову, про которого по городу ходили слухи о сочувствии его большевикам (Шечеков состоял начальником тюрьмы при большевиках). Хотя этому я и мало верил, но тем не менее одна мысль о возможности оставления преступников-большевиков и уголовных в городе Екатеринбурге — приводила меня в ужас. Поэтому я решил остаться в Екатеринбурге пока не будут эвакуированы все названные преступники. Чтобы не вызвать со стороны Шечекова подозрительного ко мне отношения, я убедил его взять меня с собою при выезде его из города на лошадях, мотивируя свою просьбу тем, что я не мог устроиться в поезде, хотя в действительности у меня было место в поезде Окружного суда, который эвакуировался в Семипалатинск. Шечеков и его помощники Шурыгин и Трубников после эвакуации арестантов решили вместе уехать на лошадях до Тюмени. Шечеков с удовольствием согласился взять меня к себе в экипаж. Впоследствии я убедился, что мои подозрения относительно Шечекова были неосновательны и он оказался на высоте служебного долга.

Шечеков так и не дождался никаких распоряжений

от управляющего губернией Чистосердова и тюремного инспектора Блохина. Как потом выяснилось, оба эти администратора благополучно проследовали мимо Екатеринбурга и остановились в Камышлове, позабыв свой служебный долг. Вечером 11 июля решено было начать эвакуировать арестантов. Было решено сначала отправить отдельной партией уголовных арестантов, а затем уже большевиков. Уголовные преступники ночью на 12 июля в моем присутствии в количестве около 700—800 человек были выведены из стен тюрьмы гарнизонной командой под начальством капитана Алексеева для направления их этапным порядком в гор. Иркутск. К этой же партии были присоединены 256—257 арестантов из тюрьмы № 2-й. Таким образом к утру 12 июля все уголовные преступники были уже вне Екатеринбурга. Посоветовавшись с Шечековым, мы решили большевиков эвакуировать 12 июля, не позднее двенадцати часов дня. Мы в то время думали, что малейшее промедление в эвакуации их может кончиться для нас всех (Шечекова, меня, помощников Шурыгина и Трубникова) катастрофой, тем более, что еще вечером 11 июля были получены сведения, что красные находятся от Екатеринбурга в 40 верстах.

Утро, день и вечер 12 июля были для меня и названных чинов тюремной администрации кошмарными. Я в то время был уже в тюрьме; начальник же тюрьмы поехал хлопотать пред военными властями о том, чтобы была дана воинская часть для немедленной эвакуации большевиков, среди которых уже было заметно волнение. Охрана тюрьмы была совершенно недостаточна: снаружи тюрьма охранялась лишь четырьмя юнкерами Екатеринбургской инструкторской школы; тюремная же стража была малочисленна и плохо вооружена. Каждый час, каждая минута были дороги, между тем Шечеков, уехавший в город, не возвра-

щался и воинская часть не приходила. В городе уже начались массовые грабежи магазинов, складов и частных квартир. Еще утром я был свидетелем, как команда писарей—солдат управления 2-й ударной артиллерийской Сибирской бригады в присутствии своих офицеров разграбила склады, помещавшиеся во дворе частной женской гимназии Остроумовой Единственная, оставшаяся для охраны города, воинская часть, о которой мне и тюремной администрации было известно, это были 3 или 4 роты инструкторской школы. Я весь день был в тюрьме вместе с помощниками начальника Шурыгиным и Трубниковым, наблюдавшими за порядком в тюрьме. Оба вели себя в это время выше всякой похвалы, показывая пример подвергшимся влиянию паники надзирателям. Только около 5 часов дня Шечков вернулся в тюрьму, при чем сообщил, что начальник гарнизона обещал немедленно послать воинскую часть, но это оказалось только обещанием и воинская часть не приходила У меня в душе стало зарождаться подозрение, нет ли и здесь работы большевиков. Телефон в то время уже перестал работать. В напряжении и ожидании конвоя проходил вечер и наступила ночь. Посоветовавшись со мной, Шечков вновь поехал к начальнику гарнизона, кажется Демерту, за воинской частью в 11 часов ночи и долго не возвращался. Ночь была очень темная. Душу невольно охватывало жуткое чувство при одной мысли быть застигнутыми красными в тюрьме. Шурыгин и Трубников, сдерживавшие свое волнение днем и вечером, были уже не в силах скрыть крайнее душевное переживание, оба были бледны как полотно Пришлось их успокоить. Когда около двух часов ночи я находился тут же в тюрьме в пустой квартире начальника, то в это время ко мне прибежал страшно взволнованный помощник Шурыгин и сказал мне, что ему сейчас передал один из надзирателей, что со стороны

Верх-Исетского завода уже показались цепи отступающей армии. Я тотчас же выбежал на улицу к тюремным воротам, чтобы лично убедиться в правильности слов его. Сообщение это оказалось продиктованным только одним страхом. Стоя в это время на площади около тюремных ворот я обратил внимание, как в городе на каком-то высоком здании вдруг загорелись два больших электрических фонаря и кто-то неведомый стал сигнализировать.

Только в третьем часу ночи начальник тюрьмы возвратился из города в тюрьму и уже в четвертом часу утра пришла долгожданная конвойная команда, и началась поименная сдача большевиков начальнику и офицерам этой команды. Около 4 часов утра все арестанты большевики были сданы и лишь в тюремной больнице были оставлены больные арестанты в количестве 18 человек. В тюрьме остался один старый надзиратель наблюдать за тюрьмой. Только после этого я вместе с начальником Шечековым, помощниками Шурыгиным и Трубниковым и тремя надзирателями выехали из гор. Екатеринбурга.

Донося Вашему Превосходительству о вышеизложенном, я считаю нравственным своим долгом почтительнейше ходатайствовать пред Вами, как высшим представителем военно-административной власти восточного фронта, о награждении начальника тюрьмы Шечекова и помощников его Шурыгина и Трубникова орденами за проявленное ими высокое понимание своего служебного долга и исполнение велений его не за страх, а за совесть.

Товарищ прокурора Екатеринбургского
Окружного суда *Остроумов.*

Октября „ “ дня*) 1919 года ст. Омск, гор. ветка.

*) В оригинале день не указан. Все числа в докладе указаны в старом стиле. —Ред.

Белогвардеец о колчаковской тюрьме.

Ниже приводится текст „заявления надворного советника инж.-технолога Н. Балдина г-ну председателю Совета Министров Временного Сибирского Правительства". Это заявление, написанное рукой белогвардейски настроенного интеллигента, отлично характеризует то положение, в котором находились арестованные в Екатеринбургских застенках. Общей плачевной судьбы не избегли даже белогвардейцы, случайно или по доносу попавшиеся в лапы колчаковских палачей.

Вот это заявление целиком, без всяких изменений:

„В Екатеринбурге творится что-то кошмарное, ужасное. С назначением дней 10 тому назад новой следственной комиссии и нового коменданта города начались массовые аресты, якобы существующих большевиков по единоличным доносам каждого, даже малолетнего. Число арестованных достигает 3000, содержимых в ужасных условиях, в тесноте, грязи, голоде, без всякой врачебной помощи. Масса арестованных не знает даже, за что они арестованы, до сих пор им не пред'явлено никакого обвинения, они ни разу не допрошены.

По догадкам большинству из арестованных пред'являются такие ничтожные обвинения, что без всякого опасения они могли бы быть выпущены на поруки во время производства следствия, до суда, но никакие ходатайства об отпуске на поруки не удовлетворяются, несмотря на предложение самых надежных и известных поручителей.

Для иллюстрации приведу краткое описание некоторых арестованных, содержавшихся при коменданте города: безграмотная старуха 60 лет, на которую донесено, что она сказала „старый порядок был лучше“; слепой от рождения музыкант и настройщик, обвиняемый в секретарстве у большевиков, по доносу двух мальчишек; летчик—офицер два раза раненый на войне с немцами и бежавший от большевиков, арестованный для выяснения личности; я, инженер, прослуживший 20 лет на государственной службе, затем после двухлетнего заведывания снарядным цехом в Златоусте, выгнанный оттуда большевиками и нашедший себе новое место на Ревдинском заводе, арестованный на почве сведения личных счетов и борьбы за место на заводе; бельгийский подданный, арестованный за какую-то неисправность в документах; офицер, бежавший от большевиков с частью своего эскадрона, и т. д. и т. д.

И вот все эти лица, и многие другие сидят не знаю за что, без пред'явления обвинений, без допроса в ужасных условиях, какие могут быть только в неблагоустроенных каторжных тюрьмах.

Ведь такой политикой подготовляется почва для нового восстания, для нового большевизма, который есть ничто иное, как отрицание элементарной законности, в широкой мере теперь практикуемое.

И потому я от себя и от лица многих арестованных, основывая на неот'емлемых правах свободных русских граждан, только что избавившихся от большевистских насилий, прошу вас г. председатель, восстановить законность в Екатеринбурге, прекратить бессмысленные аресты, возмущающие все городское население, всех арестованных немедленно допросить и пред'явить им обвинение, если таковое окажется, и затем всех, кого следует, освободить совсем или на поруки. Если следственная комиссия пере-

гружена, *) то тем более причин освободить возможно большее число на поруки, тем более что 9—10 пред'являемых, по догадкам обвинений настолько ничтожны и совершенно не заключают в себе состава преступления, что никакого наказания за собою повлечь не могут. Многие из арестованных жаждут попасть на фронт для сражения с большевиками и немцами, а их здесь держат без всякой пользы и без вины.

Извиняюсь за писание на грязной бумаге, но это пишется в условиях арестованного, которому отказывают в выдаче бумаги.

Алексей Николаевич Балдин.

31 августа 1918 года.

*) Чем на деле занималась следственная комиссия, видно из доклада тов. прокурора Остроумова, приведенного выше. — Ред.

Из материалов Уральско-Сибирского бюро Ц. К. Р. К. П

Доклад Лапшина, Петра Федоровича представителя с'езда красных партизанских отрядов, действующих в Западной Сибири, состоявшегося в г. Томске 20 апреля 1919 года, перешедшего фронт 10-го июня 1919 года.

Список отрядов, действующих в Западной Сибири.

1) Отряд расположен по реке Умани в Енисейской губ. во главе стоит военно-революционный штаб. Численность—до 20000 человек. Ведет беспрерывно позиционную войну. Имеет пулеметы, 3 трех-дюймовых орудия. Вооружение достаточное. Недостаток в патронах. *Патроны для винтовок и пушек изготовляют сами.* При отряде имеется амбулатория и операционная для тяжело раненых. Большой недостаток в медикаментах и инструментах. Отряд работает с осени 1918 года.

2) Отряд под командой офицера, шт.-капитана Щетинкина. Численность—2500 челов. Оперировал в районе станций: Клюквенная, Красноярск и Тайшет по линии ж.-дороги, Теперь послан в глубь Енисейской тайги за средствами. Вооружение достаточное—имеется один пулемет и винтовки 3-х линейки. Отряд существует с осени 1918 г.

3) Отряд под командой т.т. Матузова и Керасилова бывшие солдаты, численностью до 2000 челов. Находится в 40 верстах от ст. Боготол, в селе Тюхтет Томской губ. Принимает бои с карательными отрядами белых. Вооружен только 3-х линейными винтовками. Санитарное положение плохое. Отряд существует с осени 1918 года.

4) Отряд под командой тов. Лубкова—бывший фельдфебель, численностью—до 5000 человек. Оперирует в 30 верстах от ст. Берикуль, в селе Малопесчанке, Мариинского уезда. Ведет непрерывные бои с карательными отрядами белых. Вооружен достаточно, винтовками 3-х линейками, наганами, имеется один пулемет „Кольта". Отряд существует с сентября 1918 г. За это время имел бои: в конце ноября и начале декабря с отрядом добровольцев, под командой шт.-капитана Альданович, в декабре же был разогнан отряд добровольцев под командой поручика Павлова и взята в плен их разведка. С конца декабря по март велись беспрерывные бои с карательным отрядом под командой шт.-капитана Орлова. Его отряд за это время неоднократно получал пополнение и в начале марта был разбит на голову, причем шт. капитан, раненый успел скрыться в г. Томск. В начале апреля был разбит отряд особого назначения, сформированный из бывших стражников и жандармов, под командой подпоручика Соколовского, бывшего начальника контр-разведки в г. Самаре, начальника милиции 1-го участка г. Уфы и в Томске начальник милиции 4 го уч. Этот отряд уничтожен вместе с Соколовским и еще двумя с ним офицерами. Из отряда спаслось четыре солдата.

5) Отряд под командой тов. Толкунова, бывшего солдата, численностью до 600 чел. Находится в Мариинском уезде, в Ново-Кусковской волости, ведет бои с карательным отрядом. *Сформирован Томской организацией* коммунистов в апреле месяце 1919 года.

6) Отряд под командой тов. Голикова, бывшего офицера-поручика. Он был Томским губернским военным комиссаром и командующим красными войсками, действующими против Семенова. Отряд численностью до 1000 чел. находится в Кузнецком уезде, Томской губ. в районе Кольчугинских копей. Отряд существует с 26-го апреля со дня

восстания на Кольчугинских копях.—*26 апреля на Кольчугинских копях был провал партийной организации. Должны были последовать аресты и массы рабочих восстали, не дав арестовать своих вождей и разоружили местный гарнизон в 400 чел. Часть гарнизона ушла с отрядом*, из оставшихся много было расстреляно приехавшей карательной экспедицией. *За это же восстание было расстреляно 600 чел. рабочих*, не принимавших никакого участия в восстании. Повстанцы рабочие и солдаты организовали отряд и ушли с копей.

7) Отряд под командой тов. Яблонского (старый партийный работник) численностью до 12.000 челов. *Состоит из одних крестьян фронтовиков*, боев еще не имел. Расположен по всему Кузнецкому уезду, примыкая к Мариинскому. Вооружен слабо винтовками разных систем.

Все выше-указанные отряды состоят по преимуществу *из старых солдат фронтовиков*. Настроение отрядов боевое. Острый недостаток в патронах, денежных средствах, медикаментах и инструментах и частью в вооружении. Благодаря резко отрицательного отношения крестьян к Колчаковщине и благоприятного для отрядов, отряды питаются хорошо, частью продовольствие доставляется бесплатно крестьянами, частью же покупается на средства отрядов.

Отряды ведут бои большей частью *с отрядами особого назначения, составленными из добровольцев, бывших полицейских стражников и жандармов.*

Новобранцы и учебники переходят на сторону отрядов без боя. За последнее время наблюдается массовое бегство *даже добровольцев* в наши отряды, но к ним приходится относиться осторожно и отказывать в приеме.

С'езд представителей партизанских отрядов происходил 20-го апреля в г. Томске. На с'езде присутствовали

товарищи: Щетинкин, Яблонский, Матузов, Керасилов, Толкунов, Лапшин от отряда тов. Дубкова, Иван — от 1-го отряда, от губернского комитета партии тов. Митров и тов. Голиков от организации Р. К. П. Михельсоновских копей.

Задачей с'езда было *об'единение действий всех отрядов.* С этой целью на с'езде избран из пяти человек штаб всех отрядов. В состав штаба вошли товарищи: Яблонский, Толкунов, Матузов, Лапшин и Иван.

При каждом партийном комитете имеется военный штаб с задачей организации боевых дружин, формирования отрядов, сбора оружия и снабжения.

— —

После с'езда всех партизанских отрядов, действующих в районе от Томской губ. до г. Иркутска, произошло первое совещание штаба. Видя критическое положение отрядов, штаб решил просить помощи от Советской России. С этой целью я был командирован товарищами в Советскую Россию просить средств, вооружения и медикаментов, подробно информировать о положениях отрядов, их численности и действиях.

Выехал я из Томска 10-го мая и прибыл в Пермь 18 мая, из Перми на Чусовую, с Чусовой на Кизел, *где и был арестован* вместе с шедшим со мной от Томска тов. Моржиным. Нас отправили в Соликамск. Не дойдя 15 верст до города, *мы убили конвоира* и когда его тащили с дороги, то я завернул его в свой дождевик и когда его в стороны бросили, я забыл вынуть из дождевика мандат, выданный мне штабом партизанских отрядов, для поездки в Советскую Россию. Затем мы вышли на Юксеевский тракт и в с. Логино были *снова арестованы и раздеты до белья.*

Отсюда нас направили в штаб дивизии, но по дороге *мы опять убили двух конвоиров* и после этого вышли 10-го июня в штаб батальона одного из красных полков.

2-го июля 1919 г. Подлинный подписал

г. Вятка. **Лапшин.**

Письма колчаковских солдат красноармейцам.

В дни стремительного наступления Красной армии по всему восточному фронту наши части находили в оставленных армией, Колчака местностях массу писем солдат этой армии к наступающим красноармейцам.

В этих письмах чрезвычайно ярко отражена психология армии ничем, кроме казарменной дисциплины, не спаянной армии, принудительно собранной, под влиянием неудач начинающей понимать смысл и цели борьбы.

Приводим наудачу три таких письма.

I.

Добрый день товарищи красноармейцы.

Приветствуем вас за ваши блестящие успехи И шлем все насильно мобилизованные фронтовики Тоб. губ. вам горячий привет с пожеланием всех благ в мире.

Мы чувствуем, что близок час расправы над колчаковчиной вам нужно нанести на них сейчас последние могучие удары и армия Колчака рухнет. Просим вас товарищи красноармейцев воодушевлять малодушных, поднять воинственный дух в красной армие. Товарищи мобилизованные не переходите в белую гвардию сдесь пленных растреливают. Нас сдесь запугивают золотопогонники что у вас пленных растреливают и вот у нас все боятся. Ну досвиданья товарищи **надо удирать!**

Да здравствует Красная Армия.

Да здравствует Всероссийская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

Солдаты сибиряки.

II.

Товарищи.

Напирайте **попуще**, *и тем более сторайтесь обходом захватить всех в плен сейчас солдаты все растроеные и все готовы покинуть Колчака и прочих приспешников старого режима. Но только одно не можит поднятся дух всердцах нашей темноты.*

Под страхом **кракодилов** *и посредству ихних плетий и растрелов нам приходится пока остатся в рядах белой банды. Но это будет не долго скоро скоро настанет расправа над буржуазией. Мы все знаем что мы идем под палкой насильно мобилизованные чехами и золотопогонниками, нас много побили в Тюмени в восстании против погонов.*

Нас запугивают что красные растреливают и мучают разными пытками.

Но мы всетаки не верим и стремимся соединить всех в одно и поднять дух.

Отпечатайте наше не складное писание в прокломации, чтобы знали все товарищи **как мы воюем.**

Да вздравствует Совет

Мир хижинам.

Война дворцам.

Солдаты Тоболяки.

III

Товарищи красноармейцы.

Если вы не растреливаете тогда **догоняйте и выручайте** *нас от золотых погонов. Оно хотя нас очень много* **да организацие нету** *и нельзя нечего зделать. Не все так понимают.*

Товарищи даволько нам проливать крестьянскую жизнь. Давайте жить мирно мы находим ваша прокломаций и все верели но знайте все как то опасно.

Писал Стрелок.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Примечание: Отрывок „Из дневника беспартийного" по техническим условиям в сборник не вошел.